

Психология образования

- Н.В. Горлова, А.А. Бочавер, К.Д. Хломов
Предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации: обзор современных исследований 3
- А.А. Якушина, М.С. Асланова, В.В. Ларина, А.Н. Веракса
Вклад психологических параметров в осознанную саморегуляцию у подростков, занимающихся научной деятельностью 15

Социальная психология

- М.А. Багдасарян
Информационно-коммуникационные технологии как способ поддержки социального капитала в условиях пандемии 27
- А.Д. Волкова, Н.Л. Иванова, О.И. Патоша
Социальная идентичность и предпочтения потребителей: исследование взаимосвязи (на примере продуктов питания отечественных производителей) 39

Психология труда и инженерная психология

- Б.И. Беспалов
Анализ эргономических понятий В.П. Зинченко и В.М. Мунипова с позиций теории актов взаимодействия людей с миром. 53
- Я.А. Корнеева, Н.Н. Симонова
Особенности психологической адаптированности вахтового персонала в условиях Крайнего Севера 63
- И.В. Серафимович
Профессиональное мышление как когнитивный ресурс специалистов социномического типа профессий. 75

Psychology of Education

- N.V. Gorlova, A.A. Bochaver, K.D. Khlomov
Predictors of Bullying, Cyberbullying and Victimization: Review of Current Research 3
- A.A. Yakushina, M.S. Aslanova, V.V. Larina, A.N. Veraksa
Contribution of Psychological Characteristics to Self-Regulation in Adolescents Engaged
in Science 15

Social Psychology

- M.A. Bagdasaryan
Information communication technologies as a way to support social capital
during the pandemic 27
- Volkova, A.D., Ivanova, N.L., Patosha O.I.
Social Identity and Consumer Preferences: Search for Relationship
(Example of Local Food) 39

Psychology of Labor and Engineering Psychology

- B.I. Bespalov
Analysis of Ergonomic Notions by V.P. Zinchenko and V.M. Munipov
from the Standpoint of the Theory of Human-World Interaction Acts 53
- Ya.A. Korneeva, N.N. Simonova
The Psychological Adaptation Features of Shift Personnel in the Far North 63
- I.V. Serafimovich
Professional Thinking as the Cognitive Resource for the Specialists
of Socioeconomic Professions 75

Оригинальная статья

УДК 159.99
doi: 10.11621/npj.2021.0401

Предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации: обзор современных исследований

Н.В. Горлова*, Институт психологии практик развития, Красноярск, Россия
ORCID: 0000-0003-4417-5892

А.А. Бочавер, Центр исследований современного детства Института образования,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6131-5602

К.Д. Хломов, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1016-6154

*Для контактов: gorlova_n@mail.ru

Актуальность. Несмотря на широкую распространенность школьного буллинга в России, а также данных о серьезности последствий для его участников систематическое представление о предпосылках буллинга в русскоязычной научной литературе отсутствует. Такое представление могло бы быть положено в основу практических разработок, направленных на профилактику буллинга в образовательных организациях. Данная статья направлена на заполнение указанного дефицита в исследованиях и систематизацию лонгитюдных, регрессионных и метааналитических исследований в области предикторов буллинга, кибербуллинга и виктимизации.

Цель статьи состоит в систематизации данных о предикторах школьного буллинга и моделировании его эскалации в школьной среде. Для достижения этой цели проведен поиск, отбор и теоретический анализ ряда статей, опубликованных за последние 5 лет.

Результаты исследования. Проведенный теоретический анализ позволяет смоделировать развитие школьного буллинга. Комплекс индивидуально-личностных и средовых факторов, повышающих риск буллинга и виктимизации, включает в себя внешние поведенческие и внутренние проявления школьников, мысли и суждения о себе и других, социальные навыки, личностные черты, особенности социальных контактов, восприятие школьного климата. Также к факторам риска могут быть отнесены следующие факторы: слабое чувство принадлежности к школе, дефицит поддержки со стороны сверстников и учителя, своеобразие социальных контактов и норм в классе. Особенности воспитания и общения в семье и отношении родителей школьников к агрессии тоже играют большую роль в возникновении и эскалации буллинга.

Заключение. Проведенная работа упорядочивает разрозненные представления о предпосылках буллинга в целостную согласованную картину, отражающую комплексный характер предикторов буллинга, и может быть положена в основу разработки профилактических программ.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, виктимизация, предикторы буллинга, предикторы кибербуллинга.

Информация о грантах и благодарностях. Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00941 «Школьный буллинг: предикторы и последствия».

Для цитирования: Горлова Н.В., Бочавер А. А., Хломов К.Д. Предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации: обзор современных исследований // Национальный психологический журнал. 2021. № 4(44). С. 3–14. doi: 10.11621/npj.2021.0401

Поступила 1 ноября 2021 / Принята к публикации 3 декабря 2021

Predictors of Bullying, Cyberbullying and Victimization: Review of Current Research

Natalya V. Gorlova*, Institute of Psychology of Developmental Practices, Krasnoyarsk, Russia

ORCID: 0000-0003-4417-5892

Aleksandra A. Bochaver, Center for Modern Childhood Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6131-5602

Kirill D. Khlomov, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1016-6154

*Corresponding author: gorlova_n@mail.ru

Background. Despite the prevalence of school bullying in Russia and data on the severity of the consequences for its participants, the Russian-language scientific literature lacks a systematic understanding of the prerequisites for bullying, which could serve as the basis for practical developments aimed at preventing bullying in educational organizations. This article aims to fill this gap and systematize longitudinal, regression and meta-analytic studies of predictors of bullying, cyberbullying and victimization.

Objective. The purpose of the article is to systematize data on predictors of school bullying and to model its escalation in school environment. To achieve this goal, a search, selection and theoretical analysis of a number of articles published over the past 5 years was carried out.

Results. The performed theoretical analysis allows us to model the development of school bullying. The complex of individual-personal and environmental factors that increase the risk of bullying and victimization includes external behavioral and internal manifestations of schoolchildren, thoughts and judgements about themselves and others, social skills, personality traits, features of social contacts, perception of the school climate. Also, the risk factors can be attributed to a weak sense of belonging to school, a lack of support from peers and teachers, the peculiarity of social contacts and norms in the classroom. The peculiarities of upbringing and communication in the family and the attitude of parents of schoolchildren to aggression also play an important role in the emergence and escalation of bullying.

Conclusion. The work carried out streamlines disparate ideas about the premises of bullying into a coherent picture that reflects the complex nature of bullying predictors, and can be used as the basis for the development of preventive programs.

Key words: bullying, cyberbullying, victimization, predictors of bullying, predictors of cyberbullying.

Information about grants and acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-013-00941 "School Bullying: Predictors and Consequences".

For citation: Gorlova, N.V. Bochaver, A.A., Khlomov, K.D. (2021) Predictors of Bullying, Cyberbullying and Victimization: Review of Current Research [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 4(44), 3–14. doi: 10.11621/npj.2021.0401

Received November 1, 2021 / Accepted for publication December 3, 2021

Введение

Школьный буллинг понимается как систематическое целенаправленное агрессивное поведение одних школьников по отношению к другим в условиях неравенства сил и невозможности ребенка, оказавшегося жертвой, себя защитить (Olweus, 1993), является чрезвычайно распространенной проблемой. В России 37% 15-летних школьников сообщают о том, что подвергались буллингу несколько раз в течение месяца (OECD, 2019). По данным психологических и медицинских исследований, участие в буллинге и кибербуллинге может в краткосрочной и долгосрочной перспективе нарушать физическое и психическое здоровье школьников, повышая риски тревожно-депрессивных расстройств, суицидального и самоповреждающего поведения (Holt et al., 2015), употребления психоактивных веществ, психосоматических нарушений, снижать академическую успешность и затруднять социализацию по окончании школы (Бочавер, 2021а,

2021б; Arseneault, 2018), а также продолжаться в следующем возрастном периоде, например, при обучении в университете (Shaikh, Rehman, Amin, 2020; Yubero et al., 2021). Частота и серьезность последствий буллинга создают необходимость его прогнозирования и профилактики, разработки программ для улучшения школьного климата (Natesan, Mitchell, Glover, 2018), однако, несмотря на многочисленность исследований факторов риска буллинга в рамках разных теоретических моделей, последовательное представление о предикторах¹ появления и развития школьной травли в русскоязычной научной литературе пока отсутствует. Данная статья посвящена систематизации данных о

¹ Понятие «предиктор» в психологических исследованиях понимается (от англ. predict — предсказывать, прогнозировать) в «широком» и «узком» смысле: в «широком» смысле как исходная характеристика индивида и его окружения, по которой можно с большим или меньшим основанием предсказать целевую характеристику того же индивида. В «узком» смысле предикторы — это независимые переменные, например, в регрессионном анализе (Марютина, Ермолаев, Трубников, 1998).

Наталья Владимировна Горлова —
научный сотрудник Института психологии практик развития
ORCID: 0000-0003-4417-5892

Natalya V. Gorlova —
Researcher, Institute of Psychology of Developmental Practices
ORCID: 0000-0003-4417-5892

Александра Алексеевна Бочавер —
кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник Института Образования
Национального исследовательского университета «Высшая Школа Экономики»
ORCID: 0000-0001-6131-5602

Alexandra A. Bochaver —
PhD in Psychology, Associate Professor, Researcher at the Institute of Education, National
Research University Higher School of Economics
ORCID: 0000-0001-6131-5602

Кирилл Данилович Хломов —
кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии
факультета психологии лаборатории когнитивных исследований Института общественных
наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
ORCID: 0000-0003-1016-6154

Kirill D. Khlomov —
PhD in Psychology, Senior Researcher at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology
and at the Cognitive Research Laboratory of the Institute of Social Sciences of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration
ORCID: 0000-0003-1016-6154

предикторах школьного буллинга и моделированию эскалации школьного буллинга.

Многочисленные исследования школьного буллинга опираются на разные ключевые определения и теоретические основания, они неоднородны, имеют место методологические и методические проблемы (Volk et al., 2017), что часто затрудняет сопоставление результатов разных работ. Представленный анализ сфокусирован на лонгитюдных, регрессионных и метааналитических исследованиях, опубликованных за последние пять лет, которые позволяют обсуждать вопросы причинно-следственных связей и выстраивать временную перспективу развития ситуаций буллинга.

Методы

Отбор статей проводился в базах SCOPUS, Web of Science и EBSCO по ключевому словосочетанию «predictors of school bullying» («предикторы школьного буллинга»). Среди найденных 216 статей были отобраны те, которые: 1) опубликованы в 2017–2021 годах; 2) в названии которых встречались словосочетания “predictors of bullying, bullying perpetration, victimization, cyberbullying, cybervictimization” (предикторы буллинга, преследования в ситуациях буллинга, виктимизации, кибербуллинга, кибервиктимизации); 3) описывающие исследования, проведенные на выборке подростков; 4) в которых используется лонгитюдное исследование, метаанализ или регрессионный анализ. Из анализа были исключены статьи, в которых использовались тренинги формирующие эксперименты либо обучающие программы и антибуллинговые интервенции. Итого было отобрано 34 статьи, опубликованные в 2017–2021 годах. В базе ELibrary поиск аналогичных работ на русском языке не обнаружил ни одной статьи, которая бы соответствовала критериям отбора для анализа, что подтверждает актуальность предлагаемой работы.

Содержание предыдущих исследований

В метааналитическом исследовании предикторов буллинга, где используются работы с 1985 до 2014 года с лонгитюдными данными (Kljakovic, Hunt, 2016), было обнаружено четыре предиктора буллинга: проблемы с управлением собой, трудности в социальных отношениях, проблемы в школе и возраст. До 2010-х годов в публикациях доминировал вопрос о личностных предикторах буллинга (Cook et al., 2010), однако в последнее десятилетие интерес исследователей сместился на средовые влияния и межличностные контексты, как более перспективные с точки зрения развития научных представлений и профилактической деятельности.

Девочки в два раза чаще подвергались буллингу и кибербуллингу, чем мальчики. Школьники, которые испытывали трудности в регуляции своего поведения, своих эмоций, в установлении отношений со сверстниками, с большей вероятностью становились жертвами буллинга и кибербуллинга в сравнении с

теми, кто стал жертвами только традиционного буллинга (Cross et al., 2015). Авторитарный стиль поведения учителей, матерей и отцов; невозможность делиться своими переживаниями; использование силы в отношениях; негативный стиль мышления; взросление учащихся; низкие уровни социального успеха и непосещение культурных мероприятий учащимися-девочками — основные предикторы буллинга (Erdoğdu, 2016). Учащиеся, которые чувствуют себя небезопасно в школе, имеют довольно постоянный фактор риска в отношении большинства типов буллинга (Gower et al., 2015). Низкая самооценка предсказывает как киберагрессию, так и виктимизацию от кибербуллинга (Modecki et al., 2013), в то время как увеличение ощущения принадлежности к школе предсказывает со временем значимое уменьшение уровня буллинга и общий уровень виктимизации (Turner et al., 2014). Ниже мы рассмотрим различные — как индивидуально-личностные, так и средовые — семейные, школьные, социальные — предикторы школьного буллинга по данным наиболее надежных и новых исследований.

Индивидуально-личностные предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации

Лонгитюдное исследование на протяжении полутора лет показало, что *депрессия и генерализованная тревога* являются общими предикторами виктимизации от традиционного буллинга и кибербуллинга; *стресс* является специфичным предиктором виктимизации при традиционном буллинге; *низкая самооценка, социальная тревожность и одиночество* оказались специфичными предикторами виктимизации в результате кибербуллинга. Юноши с *высоким уровнем одиночества* чаще девушек испытывают виктимизацию в результате кибербуллинга (Chu et al., 2019).

Сравнение показателей подростков 11 лет с их показателями в восьмилетнем возрасте с целью определения факторов риска, связанных с буллингом (Vabarro et al., 2020) показало, что *проявления синдрома дефицита внимания и гиперактивности* увеличивают риск виктимизации; кроме того, *проблемы с управлением своим поведением* в восьмилетнем возрасте связаны с последующим положением агрессивной жертвы (ребенка, демонстрирующего поведение, как агрессора, так и жертвы — Kozasa et al., 2017).

Моральная отстраненность (moral disengagement) (когнитивные механизмы отстранения от моральных стандартов для избавления от чувства вины, разрешения аморальных поступков) — предиктор роли агрессора в буллинге через шесть месяцев после первого замера (Wang et al., 2017).

Связь между восприятием школьного климата и виктимизацией предсказывает преследование в буллинге, причем значимость положительной связи виктимизации и преследования в буллинге уменьшается при более позитивном восприятии школьного климата конкретным школьником (Nie et al., 2021).

Согласно еще одному исследованию (Dragone et al., 2020), если подросток был *свидетелем насилия в местном сообществе* (community violence expo-

sure)² в первом замере лонгитюдного исследования, то это затем (во втором замере) повышает риск *развития «когнитивных искажений в своих интересах»* (self-serving cognitive distortions), что в свою очередь способствует осуществлению им буллинга в последующем (в третьем замере). Когнитивные искажения — это один из основных фокусов рассмотрения при исследованиях антисоциального, делинквентного и агрессивного поведения. Также это один из главных терминов когнитивной психотерапии. Опыт подростка в качестве жертвы насилия в сообществе не является предиктором «когнитивных искажений в своих интересах», и ролью агрессора в последующем.

В одном из исследований (Zsila et al., 2018) на выборке 6237 подростков было показано, что употребление психоактивных веществ и чрезмерное использование Интернета предсказывают вовлеченность в буллинг и кибербуллинг в качестве преследователя. Однако ограничением данного исследования является малая пропорция дисперсии виктимизации.

Исследование, проведенное на южнокорейских подростках (Lee, Shin, 2017), показало, что *мужской пол и низкий уровень когнитивной эмпатии* являются предикторами преследования в кибербуллинге. *Время, проведенное в чатах и социальных сетях, опыт жертвы кибербуллинга, а также участие в качестве преследователя в традиционном офлайн буллинге* увеличивают вероятность того, что такой подросток будет преследователем в кибербуллинге. Опыт жертвы, по всей видимости, ведет к нарастанию агрессии внутри и затем, при определенных средовых условиях, может проявиться в последующем осуществлении буллинга в отношении других людей (так называемая «идентификация с агрессором») для повышения своего статуса теми методами, которые используются в социальном окружении.

Школьники с *низко выраженной эмпатией и высоким уровнем проблемного поведения* чаще являются преследователями в буллинге и в начальной, и в средней школе. Для школьников основной ступени *высоко выраженные навыки асертивности* были также значимым предиктором того, что они станут преследователями в буллинге (Elliott et al., 2019). Асертивность в данном исследовании измерялась шкалой SSIS. Асертивность в ней выражается тем, насколько респонденты могут запрашивать помощь от других, могут задавать вопросы о правилах общения, когда оно несправедливо, могут заступаться за себя, когда с ними поступают несправедливо, выражают чувства, когда обиделись.

Ошибочное распознавание эмоционального состояния окружающих и связанные с ним проблемные отношения со сверстниками также служат предикторами буллинга (D'Urso, Symonds, 2021).

Жестокое отношение к животным также может быть предиктором виктимизации в ситуациях буллинга, это может объясняться несколькими причинами: переносом агрессии с обидчика на животное,

результатом давления со стороны сверстников, маркером трудностей ребенка в результате насилия в семье (Волкова, 2021).

Проявление двух психопатических черт личности — *расторможенности* (disinhibition) и *подлости* (meanness) — связано с преследованием в буллинге и кибербуллинге, в то время как расторможенность связана с кибербуллингом только при низком уровне самоуверенности (boldness) (Baroncelli et al., 2020).

Основным личностным предиктором преследования в буллинге в другом исследовании стало *делинквентное поведение* (Mazur, Tabak, Zawadzka, 2017). Также буллингу способствует *высокий уровень психотизма* (D'Urso, Symonds, 2021).

Девочки реже, чем мальчики являются как жертвами, так и преследователями в ситуациях буллинга. Предикторами виктимизации и буллинга выступают *более высокая ауто- и внешняя агрессия, распространенные пробуллинговые нормы в классе* (то есть буллинг в классе воспринимается как норма), *низкие академические успехи (для буллинга), низкий уровень контроля гнева (для буллинга), восприятие учителей как неподдерживающих, а других учащихся как поддерживающих (для буллинга), восприятие других учеников как неподдерживающих и отсутствие отношений с ними (для виктимизации)* (Košir et al., 2020).

В лонгитюдном исследовании на протяжении шести лет изучались траектории развития преследования в буллинге и такой черты, как «гиперконкурентоспособность» на основе опросников, которые заполняли родители подростков. *Гиперконкурентоспособность* относится к типу личности «А» и в детском возрасте связана с агрессией между детьми, конфликтами со сверстниками и родителями, некоторыми психологическими трудностями в подростковом возрасте; цель гиперконкурентной личности состоит в том, чтобы чувствовать контроль в своей жизни через доминирование над другими. Были выделены три группы с совместными лонгитюдными траекториями развития, одной из которых является группа (группа высокого риска), в которой у детей на протяжении шести лет умеренно стабильное преследование в буллинге сочетается с сильно возрастающей гиперконкурентоспособностью (Farrell, Vaillancourt, 2021).

Согласно другому лонгитюдному исследованию, самооценка по данным первого замера, не позволяет предсказать уровень агрессии во втором замере; также факт агрессии в буллинге не предсказывает ни высокую, ни низкую самооценку по сравнению с теми, кто не занимается буллингом (Rose et al., 2017). На основе систематического обзора лонгитюдных исследований с 2007 до 2017 гг. предикторов кибербуллинга (Camerini, 2020) было показано, что индивидуально-личностные факторы (традиционный буллинг, проблемы, связанные с внутренним состоянием) рассматриваются как значимые предикторы кибербуллинга. Было выявлено недостаточно доказательств причинно-следственных связей кибербуллинга со средовыми факторами (отношения с родителями и сверстниками) и факторами, связанными со СМИ (например, проблемное использованием Интернета).

² Имеются в виду различные группы общения в районе проживания.

Целью еще одного лонгитюдного исследования было прогнозирование статусов жертвы и агрессора в восьмом классе (13–14 лет) на основе отчетов учителей, родителей и 11715 детей на протяжении семи лет (семь измерений), начиная с дошкольного возраста. Анализ данных о внутренних показателях детского поведения (самочувствие, депрессивные симптомы и т.п.) позволил предсказывать статус жертвы буллинга в восьмом классе, в то время как внешние показатели детского поведения (агрессия по отношению к другим, антисоциальное поведение при взаимодействии с другими) и родительские отчеты о супружеских и семейных характеристиках (о домашней среде, семейных отношениях и родительской чувствительности по отношению к буллингу) предсказывали статус агрессора (Natesan, Mitchell, Glover, 2018), что указывает на необходимость комплексного взгляда на предикторы буллинга, выходящие за пределы личностных характеристик.

Итак, исследования показывают, что ряд индивидуально-личностных и поведенческих характеристик может быть предикторами виктимизации (в том числе, симптомы депрессии, генерализованной тревоги, стресса, СДВГ) либо агрессивного поведения (например, моральная отстраненность, низкая эмпатия, негативная оценка школьного климата и др.) в ситуациях буллинга. Однако помимо них на вероятность появления и эскалации школьной травли влияет ряд средовых характеристик, которые мы рассмотрим ниже.

Средовые предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации

Предположение о том, что родительское поведение (например, виктимблейминг в ситуациях агрессивного поведения собственного ребенка; оправдание буллинга, отношение к нему как к тривиальному поведению) может побуждать детей к буллингу, нашло свое подтверждение на выборке 1483 учеников начальной и средней школы. *Воспринимаемое детьми побуждение со стороны родителей к отчуждению от моральных норм совместно с высоким моральным отчуждением предсказывает высокое вовлечение детей в буллинг и кибербуллинг в роли агрессоров* (Zych et al., 2020).

Семейный контекст детей, различающихся по роли, занимаемой в ситуациях буллинга, различается. Преследователи сообщают о *меньшей эмоциональной чувствительности родителей и недостатке общения с родителями*, о *более суровых наказаниях в семье*, а жертвы буллинга испытывают как *жестокое обращение и пренебрежение со стороны родителей*, так и *чрезмерную эмоциональную чувствительность по отношению к воспитанию ребенка*, особенно мальчики (Natesan, Mitchell, Glover, 2018).

Школьный контекст в сочетании с индивидуальными характеристиками также важен для прогнозирования виктимизации. Например, *отсутствие школьных мер безопасности, связанных с качеством отношений* (отстранённые отношения между учениками и взрослыми в школе), *не связанные со спортом*

внешкольные занятия оказывают влияние на риск виктимизации. Кроме того, подростки мужского пола чаще, чем подростки женского пола имеют риск виктимизации (Cecen-Celik, Keith, 2019).

В исследовании траекторий развития агрессивного поведения и виктимизации в связи с буллингом с течением времени, в качестве предикторов называются *гражданский статус семьи подростков и официально зафиксированные инциденты*, связанные с буллингом. Например, дети, указанные в официальных документах как агрессоры и виновники инцидентов, в дальнейшем чаще продолжают принимать участие в буллинге как преследователи (Han et al., 2019).

В кросскультурном исследовании (Han et al., 2021) было показано, что более сильное влияние школьных факторов как предикторов виктимизации в профилях было зафиксировано у подростков США: значимыми оказались *концентрация семей с высоким благосостоянием и тяжесть правонарушений*. Для выборки из Южной Кореи тяжесть правонарушений предсказала виктимизацию от буллинга только в одной модели.

В последнее время наблюдается заметный интерес к изучению связей различных характеристик школьной среды, климата, действий учителей и руководства школ с проявлениями буллинга (Mucherah, 2018; Zhao et al., 2021; Бочавер, Горлова, Хломов, 2021а, 2021б), преимущественно эти исследования носят корреляционный характер и не были включены в данный анализ, поскольку не отвечали выбранным критериям. Однако результаты одного лонгитюдного исследования показывают, что младшие подростки, которые воспринимали школьный климат положительно в начале академического года, сообщали о меньшей виктимизации от кибербуллинга в конце учебного года (Holfeld, Leadbeater, 2017).

В исследовании школьников из городских школ с низким доходом семьи и из групп этнических меньшинств рассматривались чувство принадлежности к школе, родительские послания, социальные навыки и личный контроль. Ключевую роль в использовании социальных навыков в эскалации или ослаблении агрессивного поведения играет убеждение подростков в том, что их действия могут оказывать влияние на исходы различных ситуаций — ощущение личного контроля. Структурное моделирование показало, что *социальная компетентность* опосредует связи между *родительскими посланиями, чувством принадлежности к школе, личным контролем* и буллингом (Vera et al., 2017).

Принадлежность к группе меньшинства и отсутствие прямого контакта с жертвой в сочетании с использованием социальных сетей в интернете также могут быть фактором риска буллинга (D’Urso, Symonds, 2021).

Таким образом, обсуждая роль среды в динамике буллинга, можно говорить о том, что неблагоприятная семейная среда, а также некоторые характеристики школьной среды (низкое чувство принадлежности к школе, небезопасная среда) являются предикторами развития буллинга и виктимизации.

Виктимизация и преследование как взаимные предикторы

Вопрос о смене ролей в ситуациях буллинга представляется важным и неоднозначным. Сначала ребенок проявляет агрессию в отношении других детей, получая затем от них в ответ насилие в свою сторону (так называемые «агрессоры-жертвы»). Также есть свидетельства, что роль не закрепляется за ребенком жестко, и с течением времени может происходить смена ролей.

Преследователи со временем могут становиться жертвами, а жертвы становятся преследователями спустя шесть месяцев (Chu et al., 2018); школьники с высоким уровнем виктимизации спустя год также были вовлечены в преследование в буллинге (Nie et al., 2021). Участие в качестве преследователя в буллинге не является предиктором последующей виктимизации (Walters, Espelage, 2018), но позже в метаанализе лонгитюдных исследований (Walters, 2020) было подтверждено существование взаимосвязи этих процессов: преследование, скорее всего, приведет в будущем к виктимизации, также и виктимизация, скорее, приведет к будущему преследованию.

В лонгитюдном исследовании (Demaray et al., 2021) при замерах в четвертом и двенадцатом классах были выявлены четыре группы, в одной из которых были учащиеся, которые еженедельно вовлекались в буллинг в разнообразных ролях (7% от всей выборки) — преследование, помощь агрессору в ситуациях буллинга, виктимизация, защита пострадавших, поведение аутсайдера.

Наилучшим предиктором виктимизации в результате кибербуллинга в пяти разных этнокультурных группах является киберагрессия (преследование в кибербуллинге) (Rodríguez-Hidalgo, Calmaestra, 2018). И, наоборот, кибербуллинг — предиктор киберагрессии. Киберагрессию во всех пяти этно-культурных группах предсказывают: *низкая самооценка, низко выраженная эмпатия, слабо развитые социальные навыки*. Исследование предикторов буллинга на подростках из мультикультурных школ (Rodríguez-Hidalgo, Pantaleón, Calmaestra, 2019) показало, что существует достаточно надежная транснациональная модель предсказания виктимизации в результате буллинга: чем больше виктимизация в результате этнокультурной дискриминации и агрессия в буллинге, а также чем меньше агрессия в процессе этнокультур-

ной дискриминации, тем больше в последующем виктимизация в результате буллинга.

Факторы защиты от виктимизации

Тема рассмотрения защитных факторов от виктимизации в результате буллинга имеет огромное значение и для развития теории, и особенно для практической работы со школами в контексте сокращения буллинга и его профилактики. Таких лонгитюдных исследований сегодня значительно меньше, чем тех, где рассматриваются факторы риска.

Восприятие социальной компетентности, физическая сила и собственная агрессия были выделены как предикторы защиты от виктимизации на основе метаанализа лонгитюдных исследований (Jackson, Chou, Browne, 2017). *Воспринимаемая социальная поддержка* оказалась важным защитным фактором от буллинга и кибербуллинга (Zsila et al., 2018). *Улучшение отношений с родителями и более сильная социальная поддержка* связаны с более низким уровнем виктимизации. У детей, имеющих более крепкие отношения со сверстниками и социальную поддержку, обнаружен более низкий риск совершения буллинга (Babarro et al., 2020). *Психологическая устойчивость* модерировует связь между виктимизацией в результате множественного буллинга и субъективным благополучием (Villora et al., 2020). *Социально-психологический климат в школе* является фактором защиты от буллинга (Mazur, Tabak, Zawadzka, 2017).

Основные выводы, моделирование эскалации буллинга

Итак, наш анализ позволяет смоделировать комплексный характер факторов эскалации буллинга и выделить категории индивидуально-личностных и средовых предикторов (рис. 1; рис. 2; рис. 3).

Приведенная модель упорядочивает разрозненные представления о предпосылках буллинга в целостную согласованную картину, отражающую комплексный характер предикторов буллинга, и может быть положена в основу разработки профилактических программ, что, безусловно, актуально в условиях современной российской действительности, где

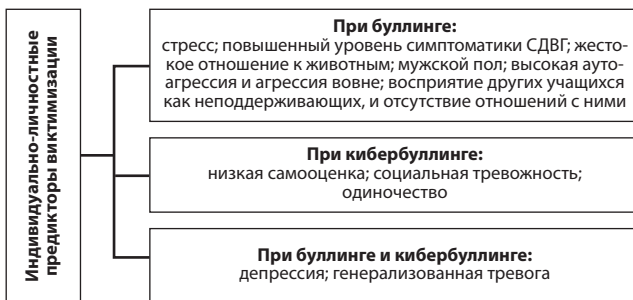

Рис. 1. Описание индивидуально-личностных предикторов виктимизации, выделенных при анализе исследований

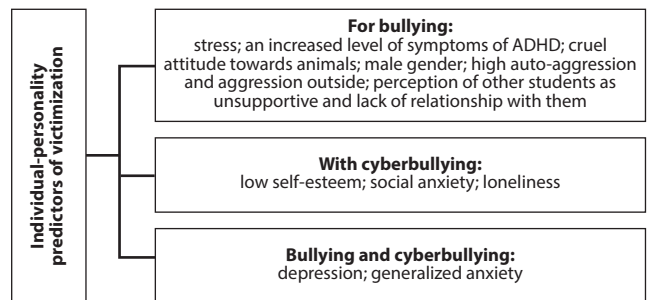

Fig. 1. Description of Individual-Personality Predictors of Victimization Identified in the Analysis of Studies

Рис. 2. Описание индивидуально-личностных предикторов преследования, выделенных при анализе исследований

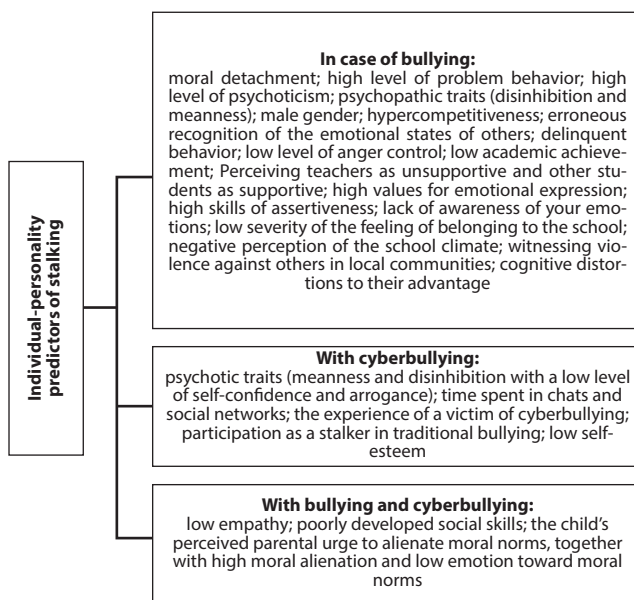

Fig. 2. Description of Individual-Personality Predictors of Persecution Identified in the Analysis of Studies

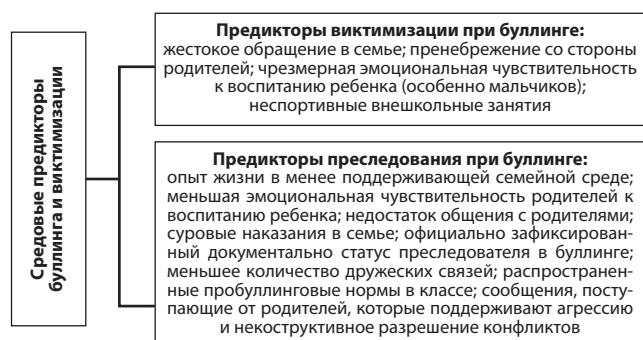

Рис. 3. Описание средовых предикторов виктимизации и преследования, выделенных при анализе исследований

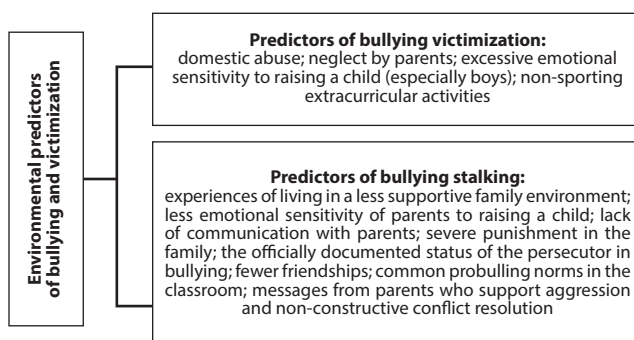

Fig. 3. Description of the Environmental Predictors of Victimization and Harassment Identified in the Analysis of Studies

работа по предупреждению буллинга пока не носит системный характер. Также она позволяет увидеть одновременно и наиболее обсуждаемые предикторы, и, напротив, те, которые еще совсем или практически не затрагивались в работах.

По сравнению с исследованиями, проведенными до 2017 года, в более современных работах конструируются новые ракурсы рассмотрения предикторов

Литература:

Бочавер А.А. Последствия школьной травли для ее участников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 2. С. 393–409.

Бочавер А.А. Школьный опыт буллинга и актуальное благополучие у студентов // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 2. С. 17–27.

Бочавер А.А., Горлова Н.В., Хломов К.Д. Поведенческие стратегии сотрудников и руководства школ в отношении ситуаций буллинга: проактивное, реактивное и избегающее поведение. В сборнике Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление: сб. трудов XIV Междунар. научно-практич. конф. (6–8 апреля 2021 года, Москва) / Под ред. А.А. Бочавер, М.Я. Кац; отв. ред. А.А. Бочавер. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2021.

Бочавер А.А., Горлова Н.В., Хломов К.Д. Проблема буллинга в контексте образовательной среды: опрос сотрудников школ // Психологические исследования. 2021. Т. 14, № 76. С.3.

Волкова И.В. Отношение к животным и буллинг у подростков // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 2. С. 183–196. doi:10.17759/sps.2021120211

- Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю., Трубников В.И. О природе психологических предикторов // Психологическая наука и образование. 1998. Т. 3, № 1.
- Arseneault, L. (2018). Annual Research Review: The persistent and pervasive impact of being bullied in childhood and adolescence: implications for policy and practice. *The Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 59 (4), 405–421.
- Babarro, I., Andiarena, A., Fano, E., Lertxundi, N., Vrijheid, M., Julvez, J., Barreto, F.B., Fossati, S., Ibarluzea, J. (2020). Risk and Protective Factors for Bullying at 11 Years of Age in a Spanish Birth Cohort Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 4428. doi: 10.3390/ijerph17124428
- Baroncelli, A., Perkins, E.R., Ciucci, E., Frick, P.J., Patrick, C.J., Sica, C. (2020). Triarchic Model Traits as Predictors of Bullying and Cyberbullying in Adolescence. *Journal of Interpersonal Violence*, 00 (0), 1–27. doi: 10.1177/0886260520934448
- Camerini, A.L., Marciano, L., Carrara, A., Schulz, P.J. (2020). Cyberbullying perpetration and victimization among children and adolescents: A systematic review of longitudinal studies. *Telematics and Informatics*, 49, 101362. doi: 10.1016/j.tele.2020.101362
- Cecen-Celik, H., Keith, S. (2019). Analyzing Predictors of Bullying Victimization with Routine Activity and Social Bond Perspectives. *Journal of Interpersonal Violence*, 34 (18), 3807–3832. doi: 10.1177/0886260516672941
- Cook, C.R., Williams, K.R., Guerra, N.G., Kim, T.E., Sade, S. (2010). Predictors of Bullying and Victimization in Childhood and Adolescence: A Meta-analytic Investigation. *School Psychology Quarterly*, 25 (2), 65–83. doi: 10.1037/a0020149
- Chu, X.W., Fan, C.Y., Liu, Q.Q., Zhou, Z.K. (2018). Stability and change of bullying roles in the traditional and virtual context: A three-way longitudinal study in Chinese early adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 47, 2384–2400. doi: 10.1007/s10964-018-0908-4
- Chu, X.W., Fan, C.Y., Lian, S.L., Zhou, Z.K. (2019). Does bullying victimization really influence adolescents' psychosocial problems? A three-wave longitudinal study in China. *Journal of Affective Disorders*, 246, 603–610. doi: 10.1016/j.jad.2018.12.103
- Demaray, M.K., Malecki, C.K., Ryoo, J.H., Summers, K.H. (2021). Deconstructing bullying roles: A longitudinal latent profile analysis of bullying participant behaviors for students in grades 4 through 12. *Journal of School Psychology*, 86, 32–48. doi: 10.1016/j.jsp.2021.02.006
- Dragone, M., Esposito, C., De Angelis, G., Affuso, G., Bacchini, D. (2020). Pathways Linking Exposure to Community Violence, Self-serving Cognitive Distortions and School Bullying Perpetration: A Three-Wave Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (1), 188. doi: 10.3390/ijerph17010188
- D'Urso, G., Symonds, J. (2021). Risk factors for child and adolescent bullying and victimization in Ireland: a systematic literature review. *Educational Review*, 1–26. doi: 10.1080/00131911.2021.1987391
- Elliott, S.N., Hwang, Y-S., Wang, J. (2019). Teachers' ratings of social skills and problem behaviors as concurrent predictors of students' bullying behavior. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 60, 119–126. doi: 10.1016/j.appdev.2018.12.005
- Erdoğan, Y.M. (2016). Parental Attitude and Teacher Behaviours in Predicting School Bullying. *Journal of Education and Training Studies*, 4 (6). Doi: 10.11114/jets.v4i6.1459
- Farrell, A.H., Vaillancourt, T. (2021). Childhood Predictors of Adolescent Joint Trajectories: A Multi-Informant Study on Bullying Perpetration and Hypercompetitiveness. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 26, 1–13. doi: 10.1080/15374416.2021.1923019
- Gower, A.L., McMorris, B.J., Eisenberg, M.E. (2015). School-level contextual predictors of bullying and harassment experiences among adolescents. *Social Science and Medicine*, 147, 47–53. doi: 10.1016/j.socscimed.2015.10.036
- Han, Y., Kim, H., Ma, J., Song, J., Hong, H. (2019). Neighborhood predictors of bullying perpetration and victimization trajectories among South Korean adolescents. *Journal of Community Psychology*, 47 (7), 1714–1732. doi: 10.1002/jcop.22226
- Han, Y., Lee, S., Cho, E., Song, J., Hong, J.S. (2021). Individual- and School-level Predictors of Latent Profiles of Bullying Victimization: Comparing South Korea and the United States. *Journal of Interpersonal Violence*, 1–28. doi: 10.1177/0886260521997950.
- Holfeld, B., Leadbeater, B.J. (2017). Concurrent and longitudinal associations between early adolescents' experiences of school climate and cyber victimization. *Computers in Human Behavior*, 76, 321–328. doi: 10.1016/j.chb.2017.07.037
- Holt, M., Vivio, A., Polanin, J., Holland, K., DeGue, S., Matjasko, J., Wolfe, M., Reid, G. (2015). Bullying and suicidal ideation and behaviors: A meta-analysis. *Pediatrics*, 135, 496–509. doi: 10.1542/peds.2014-1864
- Jackson, V., Chou, S., Browne, K. (2017). Protective Factors Against Child Victimization in the School and Community: An Exploratory Systematic Review of Longitudinal Predictors and Interacting Variables. *Trauma, Violence and Abuse*, 18 (3), 303–321. doi: 10.1177/1524838015611675
- Kozasa, S., Olij, A., Kiyota, A., Sawa, T., Kim, S. (2017). Relationship between the experience of being a bully/ victim and mental health in preadolescence and adolescence: A cross-sectional study. *Annals of General Psychiatry*, 16, 1–10. doi: 10.1186/s12991-017-0160-4
- Košir, K., Klasinc, L., Špes, T., Pivec, T., Cankar, G., Horvat, M. (2020). Predictors of self-reported and peer-reported victimization and bullying behavior in early adolescents: the role of school, classroom, and individual factors. *European Journal of Psychology of Education*, 35, 381–402. doi: 10.1007/s10212-019-00430-y
- Kljakovic, M., Hunt, C. (2016). A meta-analysis of predictors of bullying and victimization in adolescence. *Journal of Adolescence*, 49, 134–145. doi: 10.1016/j.adolescence.2016.03.002
- Lee, C., Shin, N. (2017). Prevalence of cyberbullying and predictors of cyberbullying perpetration among Korean adolescents. *Computers in Human Behavior*, 68, 352–358. doi: 10.1016/j.chb.2016.11.047
- Mazur, J., Tabak, I., Zawadzka, D. (2017). Determinants of Bullying at School Depending on the Type of Community: Ecological Analysis of Secondary Schools in Poland. *School Mental Health*, 9, 132–142. doi: 10.1007/s12310-017-9206-7
- Modecki, K.L., Barber, B.L., Vernon, L. (2013). Mapping developmental precursors of cyber-aggression: Trajectories of risk predict perpetration and victimization. *Journal of Youth and Adolescence*, 42, 651–661. doi: 10.1007/s10964-013-9938-0
- Mucherah, W., Finch, H., White, T., Thomas, K. (2018). The Relationship of School Climate, Teacher Defending and Friends on Students' Perceptions of Bullying in High School. *Journal of Adolescence*, 62, 128–139. doi: 10.1016/j.adolescence.2017.11.012

- Natesan, P., Mitchell, M.E., Glover, R.J. (2018). Early Predictors of Child's Bully and Victim Statuses: A Longitudinal Investigation Using Parent, Teacher, and Student Reports from National Data. *Frontiers in Education*, 3, 48. doi: 10.3389/educ.2018.00048
- Nie, Q., Yang, C., Stomski, M., Zhao, Z., Teng, Z., Guo, C. (2021). Longitudinal Link Between Bullying Victimization and Bullying Perpetration: A Multilevel Moderation Analysis of Perceived School Climate. *Journal of Interpersonal Violence*. doi: 10.1177/0886260521997940
- OECD (2019). PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives, PISA, OECD Publishing, Paris, doi: 10.1787/acd78851-en
- Olweus, D. (1993). *Bullying at School: What We Know What We Can Do*. N. Y.: Blackwell.
- Rodríguez-Hidalgo, A.J., Calmaestra, J. (2018). Psychological Predictors of Cyberbullying According to Ethnic-Cultural Origin in Adolescents: A National Study in Spain. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49 (10), 1506–1522. doi: 10.1177/0022022118795283
- Rodríguez-Hidalgo, A.J., Pantaleón, Y., Calmaestra, J. (2019). Psychological Predictors of Bullying in Adolescents from Pluricultural Schools: A Transnational Study in Spain and Ecuador. *Frontiers in Psychology*, 10: 1383. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01383>.
- Rose, C.A., Slaten, C.D., Preast, J.L. (2017). Bully Perpetration and Self-Esteem: Examining the Relation Over Time. *Behavioral Disorders*, 42 (4), 159–169. doi: 10.1177/0198742917715733
- Shaikh, B.F., Rehman, M., Amin, A. (2020). Cyberbullying: A Systematic Literature Review to Identify the Factors Impelling University Students Towards Cyberbullying. *IEEE Access*, 8, 148031–148051. doi: 10.1109/access.2020.3015669
- Teng, Z., Bear, G.G., Yang, C., Nie, Q., Guo, C. (2020). Moral disengagement and bullying perpetration: A longitudinal study of the moderating effect of school climate. *School Psychology*, 35 (1), 99–109. doi: 10.1037/spq0000348
- Turner, I., Reynolds, K.J., Lee, E., Subasic, E., Bromhead, D. (2014). Well-being, school climate, and the social identity process: A latent growth model study of bullying perpetration and peer victimization. *School Psychology Quarterly*, 29 (3), 320–335.
- Vera, E.M., Daskalova, P., Hill, L., Floro, M., Anderson, B., Roche, M., Aydin, F., Adams, K., Camacho, D., Raziuddin, A., Carr, A. (2017). Parental Messages, School Belonging, Social Skills, and Personal Control as Predictors of Bullying in Ethnic Minority Adolescents. *School Mental Health*, 9, 347–359. doi: 10.1007/s12310-017-9218-3
- Villora, B., Larrañaga, E., Yubero, S., Alfaro, A., Navarro, R. (2020). Relations among Poly-Bullying Victimization, Subjective Well-Being and Resilience in a Sample of Late Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 590. doi: 10.3390/ijerph17020590
- Volk, A.A., Veenstra, R., Espelage, D.L. (2017). So you want to study bullying? Recommendations to enhance the validity, transparency, and compatibility of bullying research. *Aggression and Violent Behavior*, 36, 34–43. doi: 10.1016/j.avb.2017.07.003
- Zhao, Z., Liu, G., Nie, Q., Teng, Z., Cheng, G., Zhang, D. (2021). School climate and bullying victimization among adolescents: A moderated mediation model. *Children and Youth Services Review*, 131, 106218.
- Zsila, Á., Orosz, G., Király, O., Urbán, R., Ujhelyi, A., Jármi, E., Griffiths, M.D., Elekes, Z., Demetrovics, Z. (2018). Psychoactive Substance Use and Problematic Internet Use as Predictors of Bullying and Cyberbullying Victimization. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 16, 466–479. doi: 10.1007/s11469-017-9809-0
- Zych, I., Gómez-Ortiz, O., Fernández, T.L., Nasaescu, E., Llorent, V.J. (2020). Parental Moral Disengagement Induction as a Predictor of Bullying and Cyberbullying: Mediation by Children's Moral Disengagement, Moral Emotions, and Validation of a Questionnaire. *Child Indicators Research*, 13, 1065–1083. doi: 10.1007/s12187-019-09670-2
- Walters, G.D., Espelage, D.L. (2018). From victim to victimizer: Hostility, anger, and depression as mediators of the bullying victimization–bullying perpetration association. *Journal of School Psychology*, 68, 73–83.
- Walters, G.D. (2020). School-Age Bullying Victimization and Perpetration: A Meta-Analysis of Prospective Studies and Research. *Trauma, Violence, Abuse*, 1, 11. doi: 10.1177/1524838020906513
- Wang, C., Ryoo, J.H., Swearer, S.M., Turner, R., Goldberg, T.S. (2017). Longitudinal Relationships between Bullying and Moral Disengagement among Adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 46, 1304–1317. doi: 10.1007/s10964-016-0577-0
- Yubero, S., de las Heras, M., Navarro, R., Larrañaga, E. (2021). Relations among chronic bullying victimization, subjective well-being and resilience in university students: a preliminary study. *Current Psychology*. doi: 10.1007/s12144-021-01489-x

References:

- Arseneault, L. (2018). Annual Research Review: The persistent and pervasive impact of being bullied in childhood and adolescence: implications for policy and practice. *The Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 59 (4), 405–421.
- Babarro, I., Andiarena, A., Fano, E., Lertxundi, N., Vrijheid, M., Julvez, J., Barreto, F.B., Fossati, S., Ibarluzea, J. (2020). Risk and Protective Factors for Bullying at 11 Years of Age in a Spanish Birth Cohort Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 4428. doi: 10.3390/ijerph17124428
- Baroncelli, A., Perkins, E.R., Ciucci, E., Frick, P.J., Patrick, C.J., Sica, C. (2020). Triarchic Model Traits as Predictors of Bullying and Cyberbullying in Adolescence. *Journal of Interpersonal Violence*. doi: 10.1177/0886260520934448
- Bochaver, A.A. (2021). Consequences of school bullying for its participants. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki (Psychology. Journal of Higher School of Economics)*, 18 (2), 393–409. doi: 10.17323/1813-8918-2021-2-393-409 (in Russ.).
- Bochaver, A.A. (2021). School Bullying Experience and Current Well-Being Among Students. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 26 (2), 17–27. doi: 10.17759/pse.2021260202 (in Russ.).
- Bochaver, A.A., Gorlova, N.V., Khlokov, K.D. (2021). Behavioral strategies of staff and school leaders in dealing with bullying situations: proactive, reactive and avoidant behavior. In A.A. Bochaver, M.Y. Kats (Eds.), *Teenager in the metropolis: remote growing up: collection of works XIV International scientific and practical conference (6–8 April 2021, Moscow)*, Higher School of Economics, Institute of Education. Moscow: Higher School of Economics. (in Russ.).
- Bochaver, A.A., Gorlova, N.V., Khlokov, K.D. (2021). The problem of bullying in the context of educational environment: questioning of members of school staff. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Research)*, 14 (76), 3. <http://psystudy.ru> (in Russ.).

- Camerini, A.L., Marciano, L., Carrara, A., Schulz, P.J. (2020). Cyberbullying perpetration and victimization among children and adolescents: A systematic review of longitudinal studies. *Telematics and Informatics*, 49, 101362. doi: 10.1016/j.tele.2020.101362
- Cecen-Celik, H., Keith, S. (2019). Analyzing Predictors of Bullying Victimization With Routine Activity and Social Bond Perspectives. *Journal of Interpersonal Violence*, 34 (18), 3807–3832. doi: 10.1177/0886260516672941
- Cook, C.R., Williams, K.R., Guerra, N.G., Kim, T.E., Sade, S. (2010). Predictors of Bullying and Victimization in Childhood and Adolescence: A Meta-analytic Investigation. *School Psychology Quarterly*, 25 (2), 65–83. doi: 10.1037/a0020149
- Chu, X.W., Fan, C.Y., Liu, Q.Q., & Zhou, Z.K. (2018). Stability and change of bullying roles in the traditional and virtual context: A three-way longitudinal study in Chinese early adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 47, 2384–2400. doi: 10.1007/s10964-018-0908-4
- Chu, X.W., Fan, C.Y., Lian, S.L., Zhou, Z.K. (2019). Does bullying victimization really influence adolescents' psychosocial problems? A three-wave longitudinal study in China. *Journal of Affective Disorders*, 246, 603–610. doi: 10.1016/j.jad.2018.12.103
- Demaray, M.K., Malecki, C.K., Ryoo, J.H., Summers, K.H. (2021). Deconstructing bullying roles: A longitudinal latent profile analysis of bullying participant behaviors for students in grades 4 through 12. *Journal of School Psychology*, 86, 32–48. doi: 10.1016/j.jsp.2021.02.006
- Dragone, M., Esposito, C., De Angelis, G., Affuso, G., Bacchini, D. (2020). Pathways Linking Exposure to Community Violence, Self-serving Cognitive Distortions and School Bullying Perpetration: A Three-Wave Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (1), 188. doi: 10.3390/ijerph17010188
- D'Urso, G., Symonds, J. (2021). Risk factors for child and adolescent bullying and victimization in Ireland: a systematic literature review. *Educational Review*, 1–26. doi: 10.1080/00131911.2021.1987391
- Elliott, S.N., Hwang, Y-S., Wang, J. (2019). Teachers' ratings of social skills and problem behaviors as concurrent predictors of students' bullying behavior. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 60, 119–126. doi: 10.1016/j.appdev.2018.12.005
- Erdogdu, Y.M. (2016). Parental Attitude and Teacher Behaviours in Predicting School Bullying. *Journal of Education and Training Studies*, 4 (6). doi: 10.11114/jets.v4i6.1459
- Farrell, A.H., Vaillancourt, T. (2021). Childhood Predictors of Adolescent Joint Trajectories: A Multi-Informant Study on Bullying Perpetration and Hypercompetitiveness. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. doi: 10.1080/15374416.2021.1923019
- Gower, A.L., McMorris, B.J., Eisenberg, M.E. (2015). School-level contextual predictors of bullying and harassment experiences among adolescents. *Social Science and Medicine*, 147, 47–53. doi: 10.1016/j.socscimed.2015.10.036
- Han, Y., Kim, H., Ma, J., Song, J., Hong, H. (2019). Neighborhood predictors of bullying perpetration and victimization trajectories among South Korean adolescents. *Journal of Community Psychology*, 47 (7), 1714–1732. doi: 10.1002/jcop.22226
- Han, Y., Lee, S., Cho, E., Song, J., Hong, J.S. (2021). Individual- and School-level Predictors of Latent Profiles of Bullying Victimization: Comparing South Korea and the United States. *Journal of Interpersonal Violence*, 1–28. doi: 10.1177/0886260521997950.
- Holfeld, B., Leadbeater, B.J. (2017). Concurrent and longitudinal associations between early adolescents' experiences of school climate and cyber victimization. *Computers in Human Behavior*, 76, 321–328. doi: 10.1016/j.chb.2017.07.037
- Holt, M., Viviolo, A., Polanin, J., Holland, K., DeGue, S., Matjasko, J., Wolfe, M., Reid, G. (2015). Bullying and suicidal ideation and behaviors: A meta-analysis. *Pediatrics*, 135, 496–509. doi: 10.1542/peds.2014-1864
- Jackson, V., Chou, S., Browne, K. (2017). Protective Factors Against Child Victimization in the School and Community: An Exploratory Systematic Review of Longitudinal Predictors and Interacting Variables. *Trauma, Violence and Abuse*, 18 (3), 303–321. doi: 10.1177/1524838015611675
- Kozasa, S., Olij, A., Kiyota, A., Sawa, T., & Kim, S. (2017). Relationship between the experience of being a bully/ victim and mental health in preadolescence and adolescence: A cross-sectional study. *Annals of General Psychiatry*, 16, 1–10. doi: 10.1186/s12991-017-0160-4
- Košir, K., Klasinc, L., Špes T., Pivec, T., Cankar, G., Horvat, M. (2020). Predictors of self-reported and peer-reported victimization and bullying behavior in early adolescents: the role of school, classroom, and individual factors. *European Journal of Psychology of Education*, 35, 381–402. doi: 10.1007/s10212-019-00430-y
- Kljakovic, M., Hunt, C. (2016). A meta-analysis of predictors of bullying and victimization in adolescence. *Journal of Adolescence*, 49, 134–145. doi: 10.1016/j.adolescence.2016.03.002
- Lee, C., Shin, N. (2017). Prevalence of cyberbullying and predictors of cyberbullying perpetration among Korean adolescents. *Computers in Human Behavior*, 68, 352–358. doi: 10.1016/j.chb.2016.11.047
- Marjutina T.M., Ermolaev O.J., Trubnikov V.I. (1998). On the nature of psychological predictors. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie* (Psychological science and education), 3 (1). (in Russ.).
- Mazur, J., Tabak, I., Zawadzka, D. (2017). Determinants of Bullying at School Depending on the Type of Community: Ecological Analysis of Secondary Schools in Poland. *School Mental Health*, 9, 132–142. doi: 10.1007/s12310-017-9206-7
- Modecki, K.L., Barber, B.L., & Vernon, L. (2013). Mapping developmental precursors of cyber-aggression: Trajectories of risk predict perpetration and victimization. *Journal of Youth and Adolescence*, 42, 651–661. doi: 10.1007/s10964-013-9938-0
- Mucherah W., Finch H., White T., Thomas K. (2018). The Relationship of School Climate, Teacher Defending and Friends on Students' Perceptions of Bullying in High School. *Journal of Adolescence*, 62, 128–139. doi: 10.1016/j.adolescence.2017.11.012
- Natesan, P., Mitchell, M.E., Glover, R.J. (2018). Early Predictors of Child's Bully and Victim Statuses: A Longitudinal Investigation Using Parent, Teacher, and Student Reports from National Data. *Frontiers in Education*, 3, 48. doi: 10.3389/educ.2018.00048
- Nie, Q., Yang, C., Stomski, M., Zhao, Z., Teng, Z., Guo, C. (2021). Longitudinal Link Between Bullying Victimization and Bullying Perpetration: A Multilevel Moderation Analysis of Perceived School Climate. *Journal of Interpersonal Violence*. doi: 10.1177/0886260521997940
- OECD (2019). PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives, PISA, OECD Publishing, Paris, doi: 10.1787/acd78851-en
- Olweus, D. *Bullying at School: What We Know What We Can Do*. N. Y.: Blackwell, 1993.

- Rodríguez-Hidalgo, A.J., Calmaestra, J. (2018). Psychological Predictors of Cyberbullying According to Ethnic-Cultural Origin in Adolescents: A National Study in Spain. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49 (10), 1506–1522. doi: 10.1177/0022022118795283
- Rodríguez-Hidalgo, A.J., Pantaleón, Y., Calmaestra, J. (2019). Psychological Predictors of Bullying in Adolescents from Pluricultural Schools: A Transnational Study in Spain and Ecuador. *Frontiers in Psychology*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01383>
- Rose, C.A., Slaten, C.D., Preast, J.L. (2017). Bully Perpetration and Self-Esteem: Examining the Relation Over Time. *Behavioral Disorders*, 42 (4), 159–169. doi: 10.1177/0198742917715733
- Shaikh, B.F., Rehman, M., Amin, A. (2020). Cyberbullying: A Systematic Literature Review to Identify the Factors Impelling University Students Towards Cyberbullying. *IEEE Access*, 8, 148031–148051. doi: 10.1109/access.2020.3015669
- Teng, Z., Bear, G.G., Yang, C., Nie, Q., Guo, C. (2020). Moral disengagement and bullying perpetration: A longitudinal study of the moderating effect of school climate. *School Psychology*, 35 (1), 99–109. doi: 10.1037/spq0000348
- Turner, I., Reynolds, K.J., Lee, E., Subasic, E., Bromhead, D. (2014). Well-being, school climate, and the social identity process: A latent growth model study of bullying perpetration and peer victimization. *School Psychology Quarterly*, 29 (3), 320–335.
- Vera, E.M., Daskalova, P., Hill, L., Floro, M., Anderson, B., Roche, M., Aydin, F., Adams, K., Camacho, D., Raziuddin, A., Carr, A. (2017). Parental Messages, School Belonging, Social Skills, and Personal Control as Predictors of Bullying in Ethnic Minority Adolescents. *School Mental Health*, 9, 347–359. doi: 10.1007/s12310-017-9218-3
- Víllora, B., Larrañaga, E., Yubero, S., Alfaro, A., Navarro, R. (2020). Relations among Poly-Bullying Victimization, Subjective Well-Being and Resilience in a Sample of Late Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 590. doi: 10.3390/ijerph17020590
- Volk, A.A., Veenstra, R., Espelage, D.L. (2017). So you want to study bullying? Recommendations to enhance the validity, transparency, and compatibility of bullying research. *Aggression and Violent Behavior*, 36, 34–43. doi: 10.1016/j.avb.2017.07.003
- Volkova, I.V. (2021). Attitudes to Animals and Bullying among Teenagers. *Socialnaya Psikhologiya i Obshchestvo (Social Psychology and Society)*, 12 (2), 183–196. doi: 10.17759/sps.2021120211 (in Russ.).
- Zhao, Z., Liu, G., Nie, Q., Teng, Z., Cheng, G., Zhang, D. (2021). School climate and bullying victimization among adolescents: A moderated mediation model. *Children and Youth Services Review*, 131, 106218.
- Zsila, Á., Orosz, G., Király, O., Urbán, R., Ujhelyi, A., Jármi, E., Griffiths, M.D., Elekes, Z., Demetrovics, Z. (2018). Psychoactive Substance Use and Problematic Internet Use as Predictors of Bullying and Cyberbullying Victimization. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 16, 466–479. doi: 10.1007/s11469-017-9809-0
- Zych, I., Gómez-Ortiz, O., Fernández, T.L., Nasaescu, E., Llorent, V.J. (2020). Parental Moral Disengagement Induction as a Predictor of Bullying and Cyberbullying: Mediation by Children's Moral Disengagement, Moral Emotions, and Validation of a Questionnaire. *Child Indicators Research*, 13, 1065–1083. doi: 10.1007/s12187-019-09670-2
- Walters G.D., Espelage, D.L. (2018). From victim to victimizer: Hostility, anger, and depression as mediators of the bullying victimization–bullying perpetration association. *Journal of School Psychology*, 68, 73–83.
- Walters, G.D. (2020). School-Age Bullying Victimization and Perpetration: A Meta-Analysis of Prospective Studies and Research. *Trauma, Violence, Abuse*, 1, 11. doi: 10.1177/1524838020906513
- Wang, C., Ryoo, J.H., Swearer, S.M., Turner, R., Goldberg, T.S. (2017). Longitudinal Relationships between Bullying and Moral Disengagement among Adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 46, 1304–1317. doi: 10.1007/s10964-016-0577-0
- Yubero, S., de las Heras, M., Navarro, R., Larrañaga, E. (2021). Relations among chronic bullying victimization, subjective well-being and resilience in university students: a preliminary study. *Current Psychology*. doi: 10.1007/s12144-021-01489-x

Оригинальная статья

УДК 159.9.07
doi: 10.11621/npj.2021.0402

Вклад психологических параметров в осознанную саморегуляцию у подростков, занимающихся научной деятельностью

А.А. Якушина*, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-4968-336X

М.С. Асланова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Минздрава РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3150

В.В. Ларина, Образовательный центр Сириус, Сочи, Россия**А.Н. Веракса**, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Психологический институт РАО, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7187-6080

*Для контактов: anastasia.ya.au@yandex.ru

Актуальность. Навыки саморегуляции являются наиболее важными для быстрой адаптации к реальности и организации собственной деятельности наиболее успешным способом. Особенно актуальным это становится для подростков, которые вовлечены в большое количество занятий и проектов, помимо их основной деятельности в школе.

Цель. Изучение особенностей осознанной саморегуляции и ее взаимосвязей с различными характеристиками личности у подростков, занимающихся научной деятельностью.

Описание хода исследования. В исследовании участвовало 78 подростков в возрасте 14–17 лет ($M_{age} = 15,96$; $SD_{age} = 1,01$), которые обучались в рамках проекта “Большие вызовы” образовательного центра «Сириус» по направлению «Наука» в июле 2021 года. В качестве диагностического инструментария было выбрано несколько методик, направленных на изучение осознанной саморегуляции, уровня стресса, субъективного благополучия и перфекционизма у подростков.

Результаты исследования. Было показано, что уровень осознанной саморегуляции подростков развит лучше, чем уровень их эмоциональной саморегуляции. Также было продемонстрировано, что уровень общей саморегуляции у подростков, вовлеченных в занятия наукой, значимо взаимосвязан с показателями жизнестойкости и Я-адресованного перфекционизма.

Заключение. Проведенное исследование подтвердило значимость изучения особенностей саморегуляции у подростков и выявило необходимость разработки практических рекомендаций для развития у них навыков саморегуляции.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, эмоциональная саморегуляция, саморегуляция подростков, личность подростка.

Для цитирования: Якушина А.А., Асланова М.С., Ларина В.В., Веракса А.Н. Вклад психологических параметров в осознанную саморегуляцию у подростков, занимающихся научной деятельностью // Национальный психологический журнал. 2021. № 4(44). С. 15–26. doi: 10.11621/npj.2021.0402

Поступила 2 ноября 2021 / Принята к публикации 1 декабря 2021

Contribution of Psychological Characteristics to Self-Regulation in Adolescents Engaged in Science

Anastasia A. Yakushina*, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4968-336X

Margarita S. Aslanova, Lomonosov Moscow State University, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3150

Victoria V. Larina, Educational Center “Sirius”, Sochi, Russia

Aleksander N. Veraksa, Lomonosov Moscow State University, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7187-6080

*Corresponding author: anastasia.ya.au@yandex.ru

Relevance. Due to the rapidly changing living conditions, self-regulation skills are the most important components of personality that allow to adapt to reality faster and organize activities in the most successful way. This becomes especially relevant for teenagers who are involved in a large number of classes and projects, in addition to their main activities at school.

Objectives to study the features of regulatory functions and their interrelations with various personality characteristics in adolescents engaged in scientific activities.

Study. The study involved 78 adolescents aged 14–17 years ($M_{age} = 15,96$; $SD_{age} = 1.01$) who were trained in the framework of the “Big Challenges” project of the SIRIUS educational Center in the direction of “Science” in 2021. Several methods aimed at studying self-regulation, stress levels, subjective well-being and perfectionism in adolescents were chosen as diagnostic tools.

Results. It was shown that the level of self-regulation of adolescents in activity is better developed than their level of emotional self-regulation. It was also demonstrated that the level of general self-regulation in adolescents involved in science is significantly interrelated with indicators of resilience and self-directed perfectionism.

Conclusion. The study confirmed the importance of studying the features of self-regulation in adolescents and revealed the need to develop practical recommendations for their development.

Keywords: conscious self-regulation, emotional self-regulation, adolescent self-regulation, adolescent personality.

For citation: Yakushina A.A., Aslanova M.S., Larina V.V., Veraksa A.N. (2021) Contribution of Psychological Characteristics to Self-Regulation in Adolescents Engaged in Science [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 4(44), 15–26. doi: 10.11621/npj.2021.0402

Received November 2, 2021 / Accepted for publication December 1, 2021

Введение

Вследствие пандемии COVID-19, произошел резкий переход образовательной среды в онлайн-формат. На сегодняшний день существует высокая вероятность того, что значительная доля этих нововведений сохранится в учебном процессе и после пандемии. В связи с этим перед учащимися остро встает вопрос о том, как развивать собственную образовательную само-

стоятельность вне системы обучения и формировать свою учебную независимость (Баранова и соавт., 2020; Хломов и соавт., 2020). Здесь важную роль играют навыки осознанной саморегуляции, которые способствуют организации деятельности и управлению эмоциональным состоянием (Sirois, 2015). Несформированность саморегуляции отрицательно влияет на продуктивность самостоятельного учения, снижая уровень социальной успешности и академическую успеваемость (Kljajicetal., 2017; Zinchenko et al.2020).

Анастасия Александровна Якушина — аспирантка, сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0003-4968-336X

Anastasia A. Yakushina — Postgraduate student, assistant at the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0003-4968-336X

Маргарита Сергеевна Асланова — ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии института психолого-социальной работы Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова

ORCID: 0000-0002-3150

Margarita S. Aslanova — Assistant at the Department of Pedagogy and Medical Psychology, Institute of Psychological and Social Work, I.M. Sechenov Moscow State Medical University

ORCID: 0000-0002-3150

Виктория Викторовна Ларина — школьница, участница программы «Большие Вызовы-2021», Образовательного центра «Сириус»

Viktoria V. Larina — School student, participant of the “Big Challenges -2021” program, Sirius Educational Center

Александр Николаевич Веракса — академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-7187-6080

Aleksandr N. Veraksa — Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-7187-6080

Вслед за В.И. Моросановой в своей работе мы понимаем саморегуляцию как способность человека к организации собственной активности, особенности его психологических процессов по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности (Моросанова, Бондаренко, 2015; Моросанова, 2010; Зинченко, Моросанова и др., 2020). Также в своей работе мы обращаемся к рассмотрению способности к эмоциональной регуляции, которую мы рассматриваем, основываясь на теории Дж. Гросса, как способность осознавать, понимать и принимать свои эмоции, использовать эти знания в управлении собственным поведением и отношениями с другими людьми (Gross, John, 2003).

Как отмечается во многих исследованиях, уровень осознанной саморегуляции в подростковом возрасте развит в достаточной степени, чтобы успешно справляться с учебными и проектными задачами (Антилова, Черкевич, 2017; Hongetal., 2009; Baumeister, Vohs, 2003). Так, например, Дж. Фарли и Дж. Ким-Спун в своем исследовании отмечают, что подростки с развитым уровнем саморегуляции имеют больше успехов в академической деятельности и меньше вовлекаются в рискованное поведение (Farley, Kim-Spoon, 2014). Также в исследовании Б. Зиммерман и А. Китсантас (Zimmerman, Kitsantas, 2002) отмечается, что способность к планированию связана с более высокими баллами по школьным тестированиям. Результаты исследования М. Обач (Obach, 2003) демонстрируют, что такой показатель осознанной саморегуляции как контроль положительно коррелирует с воспринимаемым академическим успехом у подростков. В то же время многие исследователи отмечают необходимость развития эмоциональной саморегуляции у подростков (Neumannetal., 2009; Гайнанова, 2020; Дубровина, Быстрова, 2018). Так, например, ряд исследований демонстрируют трудности понимания и принятия своих собственных эмоций подростками (Blackwell et al., 2014; Garnefski et al., 2005; Hampel, Petermann, 2006; Silk et al., 2003). Кроме того, как отмечают С. Ахмед и коллеги (Ahmed et al., 2015) в подростковом периоде происходит формирование нейрокогнитивных механизмов, отвечающих за эмоциональный контроль, что делает возраст 14–17 лет наиболее чувствительным для становления психологических механизмов управления эмоциональным состоянием.

Также существует достаточно большое количество исследований, которые демонстрируют связь осознанной саморегуляции с различными личностными характеристиками (Sirois, 2015), такими как жизнестойкость (Гуцунаева, 2015), перфекционизм (Золотарева, 2012), креативность и творческое мышление (Чернов, Хашова, 2021; Lytton, 1971; Mammadov, 2020). Однако, наблюдается дефицит исследований в данной области, когда речь идет о подростках, занимающихся научной и проектной деятельностью. В свою очередь, перечисленные личностные особенности особенно важны для подростков, поскольку состоят во взаимосвязи с академической и социальной успешностью,

учебной мотивацией и мотивацией достижений (Ahmadi et al., 2021; Verner-Filion, Gaudreau, 2010; Гараня, Низовцева, 2012).

В работе С.В. Гуцунаевой (2015) четко прослеживается прямая связь жизнестойкости с саморегуляцией поведения. В результате проведенного эмпирического исследования было выявлено, что личностям с высоким уровнем жизнестойкости характерен более высокий общий уровень саморегуляции поведения (Гуцунаева, 2015).

Помимо этого, в своём исследовании А.А. Золотарева сделала вывод о том, что перфекционизм в структуре саморегуляции личности проявляет себя как психологический ресурс, от которого зависит уровень и степень выраженности навыков саморегуляции (Золотарева, 2012). Результаты следующего зарубежного исследования, проведенного К. Кляич и соавт. показали, что у людей со смешанным перфекционизмом (у которых в одинаковой степени выражены как Я-адресованный, так и социально-предписываемый перфекционизм) уровень саморегуляции выше, и они в меньшей степени подвержены профессиональному выгоранию, чем люди с чистым социально-предписываемым перфекционизмом. Однако студенты со смешанным перфекционизмом испытывают профессиональное выгорание в большей степени и используют худшие стратегии саморегуляции, по сравнению со студентами, у которых был чистый я-адресованный перфекционизм (Kljajic et al., 2017).

Также в исследовании А.В. Чернова и А.А. Хашовой были выявлены взаимосвязи между различными способами саморегуляции и параметрами креативности. Для респондентов с высоким уровнем креативности эффективными способами саморегуляции являются: физическая активность, самоконтроль, повышение мотивации и поисковой активности, перефокусировка на планирование и самовнушение (Чернов, Хашова, 2021; Lytton, 1971). В работе С. Маммадова (Mammadov, 2020) изучались навыки творческого мышления, саморегуляции и уровень мотивации среди подростков. В ходе исследования было обнаружено, что у группы, показавшей низкий уровень тревожности и высокие баллы при оценке навыков саморегуляции, показатель творческого мышления был выше, чем у групп с более низкими показателями по саморегуляции и уровню тревожности (Mammadov, 2020).

Таким образом, в результате проведенного теоретического анализа целью нашего исследования стало изучение особенностей регуляторных функций у подростков, занимающихся научной деятельностью, и разработка для них рекомендаций по развитию навыков саморегуляции.

Описание исследования

В соответствии с поставленной целью, нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. У подростков, занимающихся научной деятельностью, лучше развита поведенческая саморегуляция в деятельности, чем эмоциональная саморегуляция.

2. Высокий уровень саморегуляции у подростков, занимающихся научной деятельностью, связан с высоким уровнем жизнестойкости, я-адресованного перфекционизма и креативности.

Методы

Для диагностики уровня осознанной саморегуляции поведения — ССП-98» В.И. Моросановой (Моросанова, 2004). Опросник состоит из 46 утверждений, входящих в состав шести шкал, выделяемых в соответствии с основными регуляторными процессами (планирование, моделирование, программирование и оценка результатов) и регуляторно-личностными свойствами (гибкость и самостоятельность).

Для диагностики эмоциональной регуляции был использован Опросник ERQ Дж. Гросса в адаптации А.А. Панкратовой и Е.Н. Осина (Панкратова, Осин, 2018). Опросник состоит из 10 пунктов, 6 из которых направлены на диагностику когнитивной переоценки, 4 — на диагностику подавления экспрессии.

«Тест жизнестойкости» С.Р. Мадди, адаптированный Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой, был использован для диагностики уровня жизнестойкости подростков. Методика содержит 24 вопроса и 3 шкалы: вовлеченность, контроль и принятие риска (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Уровень удовлетворенности жизнью оценивался с помощью методики «Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS)» Э. Динера и коллег, адаптированной на русский язык Е.Н. Осиным и Д.А. Леонтьевым (Осин, Леонтьев, 2008).

Диагностика самоэффективности проводилась с помощью методики Дж. Маддукса и М. Шеера, адаптированной Л. Бояринцевой под руководством Р. Кричевского в 2003 году (Красноярцева в соавт., 2014). Методика состоит из 23 утверждений и включает в себя шкалы самоэффективности в сфере предметной деятельности и в сфере межличностного общения.

Перфекционизм у подростков был диагностирован с помощью методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта (1990), которая была адаптирована И.И. Грачевой в 2006 году (Грачева, 2006). Методика состоит из 45 вопросов и позволяет измерить перфекционизм в 3-х разных аспектах: перфекционизм, ориентированный на себя, перфекционизм, ориентированный на других и социально предписанный перфекционизм.

Шкала тревоги Ч. Спилбергера, адаптированная Ю.Л. Ханиным (Спилбергер, Ханин, 2002) состоит из 20 вопросов и была использована для оценки личностной тревожности.

Опросник для оценки уровня воспринимаемого стресса ШВС-10 («PSS-10», SheldonCohen), адаптирован В.А. Абабковыми коллегами (Абабков и соавт., 2016). Опросник состоит из 10 вопросов. Шкала включает в себя две субшкалы, одна из которых измеряет субъективно воспринимаемый уровень напряженности ситуации, а вторая — уровень усилий, прилагаемых для преодоления этой ситуации.

Для оценки уровня креативности была использована шкала Креативности (состоит из 15 вопросов) методики «Тест типа мышления и уровень креативности» Дж. Брунера в адаптации Г.В. Резапкиной (Резапкина, 2004).

Выборка

В нашем исследовании приняло участие 78 подростков в возрасте 14–17 лет ($M_{age} = 15,96$; $SD_{age} = 1,01$), которые проходили обучение в образовательном центре «Сириус» по направлению «Наука» в июле 2021 года. Из них 40 респондентов женского пола и 38 мужского. Средний стаж занятия научной и проектной деятельностью по выборке составил 3,04 года, в день респонденты в среднем тратят на занятия научной и проектной деятельностью 4,08 часа.

Исследование проводилось с применением платформы Google-Forms, в июле 2021 года, в период нахождения респондентов на программе «Большие вызовы». Учащимся необходимо было ответить на все вопросы методик и заполнить анкетные данные. Исследование предполагало метод самоотчета, проводилось в групповой форме и занимало 35–40 минут.

Результаты исследования

Для обработки эмпирических данных использовались программы Microsoft Excel 2016 и IBM SPSS Statistics 22. В результате проверки распределения на нормальность было выявлено, что распределение по выборке носит смешанный характер (Критерий Колмогорова — Смирнова $\in [0,054-0,816]$, $p \in [0,000-0,200]$), поэтому далее для проверки гипотез были применены непараметрические методы обработки данных.

В начале исследования мы провели предварительную оценку взаимосвязи саморегуляции со стрессом и тревожностью у старших подростков, занимающихся наукой (Ro Спирмена). Были получены средние отрицательные корреляции на высоких уровнях значимости, как с уровнем воспринимаемого стресса ($R_o = -0,485$, $p < 0,001$), так и с уровнем личностной тревожности ($R_o = -0,478$, $p < 0,001$), что подтверждает сведения о том, что подростки с высоким уровнем саморегуляции обладают более высоким психологическим благополучием (Potmesilova, Potmesil, 2021). Отметим, что в нашей выборке все подростки обладают высоким уровнем саморегуляции ($M = 37,7$; $SD = 5,75$) относительно половозрастных норм, представленных В.И. Моросановой методики (Моросанова, 2004).

Оценка сформированности осознанной и эмоциональной саморегуляции у старших подростков, занимающихся научной деятельностью

Для проверки гипотезы о том, что у старших подростков, занимающихся научной деятельностью, лучше развита саморегуляция в деятельности, чем эмоциональная саморегуляция, был проведен корреляционный анализ Спирмена по всем показателям поведенческой и эмоциональной регуляции. Было обнаружено, что чем выше гибкость в деятельности,

Таблица 1. Результаты кластерного анализа показателей саморегуляции у подростков

	Кластеры			Оценка достоверности различий	
	Высокий уровень осознанной саморегуляции и склонность к когнитивной переоценке	Высокий уровень осознанной саморегуляции и низкий уровень эмоциональной саморегуляции	Низкий уровень осознанной саморегуляции и низкий уровень эмоциональной саморегуляции	Критерий Уэлча	Уровень значимости
Когнитивная переоценка	32	20	32	35,654	0,000
Подавление экспрессии	13	19	19	19,463	0,000
Осознанная саморегуляция (общий балл)	41	40	33	28,705	0,000
N	30	15	33		

Table 1. Results of Cluster Analysis of Self-Regulation Indicators in Adolescents

	Clusters			Assessment of the significance of differences	
	High level of conscious self-regulation and a tendency to cognitive reappraisal	High level of conscious self-regulation and low level of emotional self-regulation	Low level of conscious self-regulation and low level of emotional self-regulation	Welch criterion	Significance level
Cognitive Reassessment	32	20	32	35.654	0.000
Suppressing Expression	13	19	19	19.463	0.000
Conscious self-regulation (overall score)	41	40	33	28.705	0.000
N	30	15	33		

как компонент осознанной саморегуляции в деятельности, тем ниже склонность к стратегии подавления экспрессии ($R_o = -0,277$, $p = 0,014$).

Для дальнейшей проверки гипотез выборка была поделена на 3 кластера (кластеризация К-средними), отличающихся по выраженности у них осознанной и эмоциональной регуляции. Оценка достоверности различий между кластерами проводилась с применением дисперсионного анализа с непараметрической поправкой Уэлча. Выделенные кластеры отличаются по всем параметрам за исключением способностей к планированию (Критерий Уэлча, $p < 0,05$). Центроиды по кластерам и оценка достоверности различий между ними приведены в таблице 1.

Согласно результатам, в первый кластер вошли: 30 подростков с высокими относительно выборки показателями осознанной саморегуляции и высокой склонностью к когнитивной переоценке. Во второй кластер попали 15 учащихся с относительно высоким уровнем осознанной саморегуляции и относительно низким уровнем эмоциональной регуляции. К третьему же кластеру относятся 33 учащихся с относительно низким уровнем, как осознанной, так и эмоциональной саморегуляции.

Оценка апостериорных критериев (НЗР) показала, что наиболее значимые различия по показателям саморегуляции обнаружены между представителями первого и третьего кластеров, а также между представителями второго и третьего кластеров. Так, у учащихся ($N = 33$) с относительно низким уровнем, как

осознанной, так и эмоциональной саморегуляции, первая значимо ниже, чем у всех остальных. По такому показателю, как когнитивная переоценка представители второго кластера ($N = 15$) имеют значимо более низкие результаты относительно двух других кластеров. У представителей первого кластера ($N = 30$) зафиксирован значимо более низкий уровень подавления экспрессии.

Оценка связи осознанной саморегуляции с психологическими особенностями старших подростков, занимающихся научной деятельностью

С целью проверки гипотезы о том, что высокий уровень саморегуляции у подростков, занимающихся научной деятельностью, связан с их уровнем жизнестойкости, я-адресованного перфекционизма и креативности, был проведен корреляционный анализ Спирмена, в ходе которого было обнаружено, что общий уровень осознанной саморегуляции средне-положительно коррелирует со всеми показателями жизнестойкости: вовлеченностью ($R_o = 0,408$ $p < 0,001$), контролем ($R_o = 0,489$ $p < 0,001$) и принятием риска ($R_o = 0,358$ $p < 0,001$). А также, я-адресованный перфекционизм слабо-положительно коррелирует с общим уровнем саморегуляции ($R_o = 0,229$ $p = 0,043$). Таким образом, чем выше вовлеченность, контроль, принятие риска и я-адресованный перфекционизм у подростков, занимающихся научной деятельностью, тем лучше у них развита саморегуляция.

Для анализа непосредственного вклада психологических особенностей подростков, занимающихся научной деятельностью в развитие уровня их осознанной саморегуляции, нами был проведен множественный регрессионный анализ, критерием которого выступил общий показатель саморегуляции, а предиктором — перечисленные выше психологические особенности подростков. Было выявлено, что высокий уровень контроля, как одного из показателей жизнестойкости на 28,6% определяет высокий уровень осознанной саморегуляции (табл. 2).

Таблица 2. Результаты множественного регрессионного анализа

	Коэффициент регрессии	R-квадрат	F	Знач.	Критерий Дурбина-Уотсона
(Константа)	25,926				
Контроль	0,734	0,286	30,402	0,000	2,228

Table 2. Results of Multiple Regression Analysis

	Regression coefficient	R-square	F	Sig.	Durbin-Watson test
(Constant)	25.926				
Control	0.734	0.286	30.402	0.000	2.228

Таким образом, согласно полученной модели, именно контроль как убежденность в том, что действия человека могут повлиять на ситуацию даже при негарантированном успехе (Леонтьев, Рассказова, 2006), является наиболее значимым предиктором развития саморегуляции у старших подростков, занимающихся научной деятельностью.

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования нами были выявлены отрицательные связи между общим уровнем саморегуляции подростков и таких показателей, как уровень воспринимаемого стресса и личностная тревожность. Эти результаты могут свидетельствовать о том, что подростки с более сформированным навыком саморегуляции своего поведения более устойчивы к влиянию различных негативных факторов. Данные результаты согласуются с результатами многих исследований, подтверждающих значимость навыка саморегуляции в оценке субъективного психологического благополучия людей различных возрастов (To et al., 2021; Wagner et al., 2020; Moffitt, 2011).

Гипотеза о том, что у старших подростков, занимающихся научной деятельностью, лучше развита поведенческая саморегуляция в деятельности, чем эмоциональная саморегуляция, была подтверждена частично. Обнаружена отрицательная связь гибкости как черты осознанной саморегуляции с подавлением экспрессии, то есть подростки, которые способны легко переключаться с одной деятельности на

другую и менять приоритет задач в большей степени склонны напрямую выражать свои эмоции. Данная стратегия помогает им меньше времени и ресурса направлять на переработку эмоций, и посвящать свое время большему количеству проектов (Власова, 2017; Первичко, 2014; Gross, 1998). Также нами было установлено, что подростки, занимающиеся научной деятельностью, имеют относительно невысокий уровень развития эмоциональной саморегуляции. Это подтверждает ранее проведенные исследования о том, что подростковый возраст является наиболее чувствительным для формирования навыков эмоциональной саморегуляции (Vasilopoulos, Ellefson, 2021).

Гипотеза о том, что высокий уровень саморегуляции у подростков, занимающихся научной деятельностью, связан с высоким уровнем жизнестойкости, я-адресованного перфекционизма и креативности, подтверждена в ходе исследования. Нами было выявлено, что общий уровень осознанной саморегуляции значимо коррелирует с я-адресованным перфекционизмом и показателем контроля, являющимся составной частью психологического конструкта жизнестойкости. Полученные результаты свидетельствуют о том, что чем выше показатели перфекционизма, направленного на себя, и убежденность в том, что человек способен управлять своей жизнью, тем выше способность планировать и организовывать свою деятельность, а также управлять ею (Sirois, 2015; Kljajic et al., 2017). Кроме того, результаты проведенного регрессионного анализа демонстрируют значимый вклад такого показателя жизнестойкости как контроль в общий уровень саморегуляции подростков. На основании этого можно предположить, что человек, уверенный в собственных силах и убежденный, что его жизнь в большей степени зависит от его действий, будет более склонен проявлять навыки саморегуляции. В то же время полученные данные свидетельствуют о возможности развития навыков осознанной саморегуляции за счет повышения контроля (Сергиенко, 2018; Уманская и соавт., 2019).

Кроме того, важным является тот факт, что в выборке нашего исследования все подростки обладают высоким относительно половозрастных норм уровнем саморегуляции. Это может говорить о наличии взаимосвязи занятий научной и проектной деятельностью с развитием навыков саморегуляции у подростков. Данное предположение согласуется с результатами исследований, в которых были показаны различия в профилях саморегуляции учащихся, посещающих научные классы (Shell, Soh, 2013), а также влияние учебной среды на формирование способностей к саморегуляции (Burdakova, 2018). Также, было отмечено, что осознанная саморегуляция формируется в процессе деятельности, связанной с решением конкретных, целевых задач (Моросанова, 2010; Панкратова, Осин, 2018). Таким образом, занятия наукой, как индивидуальные, так и групповые (научные клубы, кружки) сами по себе также выступают в роли средства повышения навыков саморегуляции у подростков.

Заключение

Полученные данные продемонстрировали значимое влияние психологических особенностей подростков на уровень развития навыков саморегуляции. Было показано, что у подростков с более высоким уровнем общей саморегуляции ниже показатели воспринимаемого стресса и личностной тревожности, что подтверждает практическую значимость полученных результатов. В то же время подростки, занимающиеся научной деятельностью, имеют относительно невысокий уровень развития эмоциональной саморегуляции.

Обнаружена взаимосвязь уровня саморегуляции у подростков, вовлеченных в научную и проектную деятельность, с высоким уровнем жизнестойкости, я-адресованного перфекционизма и креативности. Кроме того, было выявлено значимое влияние кон-

троля как одного из факторов жизнестойкости на общий уровень саморегуляции подростков.

В то же время стоит отметить, что в выборке нашего исследования все подростки обладают высоким уровнем саморегуляции относительно норм, представленных автором методики, что является ограничением нашего исследования, предполагающим дальнейшее расширение выборки и расширение диагностического инструментария. Также, к перспективам исследования можно отнести возможность проведения сравнительного анализа показателей саморегуляции у подростков, занимающихся наукой, с подростками, занимающимися спортом и искусством, а также не занимающимися дополнительной внеучебной деятельностью. Помимо того, полученные в ходе исследования результаты диктуют необходимость разработки и апробации пакета практических рекомендаций для повышения навыков саморегуляции у подростков, вовлеченных в различные виды активности.

Литература:

- Абабков В.А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О.В., Горбунов И.А., Капранова С.В., Пологаева Е.А., Стуклов К.А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. № 2. С. 6–15.
- Антилогова Л.Н. Черкевич Е.А. Саморегуляция психических состояний личности в подростковый период // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2017. № 3. С. 12–23.
- Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Образовательная среда в условиях пандемии COVID-19: новые вызовы безопасности // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 57–65. doi: 10.11621/npj.2020.0307
- Власова Н.В. Особенности регуляции эмоций в подростковом возрасте (на примере воспитанников кадетской школы-интерната) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2017. Т. 9, № 2. С. 70–83 doi: 10.17759/psyedu.2017090207
- Гайнанова Л.Р. Особенности развития эмоционального интеллекта в подростковом возрасте. Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. № 1. С. 150–152. doi: 10.24411/9999-047A-2020-00040
- Гараян Н.Г., Низовцева А.А. Структура мотива достижения у студентов с разным уровнем перфекционизма [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Т. 4, № 1. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50229.shtml (дата обращения: 06.10.2021)
- Грачева И.И. Адаптация методики Многомерная шкала перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта. Москва: Институт психологии ГУГН. 2006. Т. 27, № 6. С. 73–81.
- Гуцунаева С.В. Копинг-стратегии подростков с различным уровнем жизнестойкости // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3–1. С. 92–95.
- Дубровина О.В., Быстрова Н.В. Особенности стиля саморегуляции поведения студентов, склонных к зависимому поведению // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. № 6 (2). С. 72–72.
- Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени / Под ред. Ю.П. Зинченко, В.И. Моросановой. СПб.: Нестор-История, 2020.
- Золотарева А.А. Дифференциально-психологическая диагностика перфекционизма // Вестник ГУУ. 2012. № 2. С. 279–283.
- Золотарева А.А. Перфекционизм в структуре саморегуляции личности // Психология и психотехника. 2012. Т. 42, № 3. С. 59–68.
- Красноярцева О.М., Кабрин В.И., Муравьева О.И., Подойница М.А., Чучалова О.Н. Психологические практики диагностики и развития самооэффективности студенческой молодежи: учеб. пособие. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014.
- Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М.: Когито-Центр, 2004.
- Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.
- Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека. Университетское психологическое образование. М.: Когито-Центр, 2015.
- Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В кн. Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Ин-т социологии РАН // Российское общество социологов. 2008. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/pjuun7fz60/direct/78753837>
- Панкратова А.А., Осин Е.Н. Особенности эмоциональной регуляции у представителей русской и азербайджанской культур // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 44–52. doi:10.17759/chp.2018140205

- Первичко Е.И. Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 13–22.
- Резапкина Г.В. Скорая помощь в выборе профессии. М.: Генезис, 2004.
- Сергиенко Е.А. Контроль поведения как основа саморегуляции // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 4. С. 130–146.
- Спилбергер Ч.Д., адаптация Ханин Ю.Л. Исследование тревожности // Диагностика эмоционально-нравственного развития. СПб. 2002.
- Уманская И.А., Тихомирова Е.В., Каменский П.И. Самоэффективность и совладающее поведение учащихся кадетского корпуса // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 25 (1). С. 112–115.
- Хломов К.Д., Бочавер А.А., Корнеев А.А. Коупинг-стратегии и образовательная среда подростков // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 2. С. 180–199.
- Чернов А.В., Хашова А.А. Взаимосвязь способов саморегуляции и уровня креативности личности // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2021». Под ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: Издательство ООО «Макс Пресс». 2021. [Электронный ресурс] // URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22331/124383_uid563730_report.pdf (дата обращения 30.10.2021)
- Ahmadi, R., Davood, S., Nasab, H., Azemoseh, M. (2021). The effectiveness of motivational self-regulation training on academic buoyancy, resilience and academic engagement in junior high school students with low academic performance in the fifth district of Tabriz. *Journal of educational sciences*, 14 (53), 61–92.
- Ahmed, S.P., Bittencourt-Hewitt, A., Sebastian, C.L. (2015). Neurocognitive Bases of Emotion Regulation Development in Adolescence. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 15, 11–25, doi: 10.1016/j.dcn.2015.07.006.
- Baumeister, R.F., Vohs, K.D. (2003). Self-regulation and the executive function of the self. In M.R. Leary & J.P. Tangney (Eds.), *Handbook of self and identity* (pp. 197–217). The Guilford Press.
- Blackwell, A.L., Yeager, D.C., Mische-Lawson L., Bird, R.J., Cook, D.M. (2014). Teaching children self-regulation skills within the early childhood education environment: a feasibility study. *Journal of Occupational Therapy, Schools & Early Intervention*, 7 (3/4), 204–224.
- Burdakova, Y. Improving Student Motivation and Self-Regulation in Science and Mathematics Classes: Examining the Impact of the Learning Environment. Thesis PhD, Curtin University, 2018.
- Farley, J.P., Kim-Spoon, J. (2014). The development of adolescent self-regulation: Reviewing the role of parent, peer, friend, and romantic relationships. *Journal of Adolescence*, 37 (4), 433–440.
- Garnefski, N., Kraaij, V., van Etten, M. (2005). Specificity of relations between adolescents' cognitive regulation strategies and internalizing and externalizing psychopathology. *Journal of Adolescents*, 28, 619–631.
- Garnefski, N., Baan N., Kraaij V. (2005). Psychological distress and cognitive emotion regulation strategies among farmers who fell victim to the foot-and-mouth crisis. *Personality and Individual Differences*, 38 (6), 1317–1327.
- Gross, J.J. (1998). Antecedent- and response-focused emotion regulation: Divergent consequences for experience, expression, and physiology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74 (1), 224–237.
- Gross, J.J., John, O.P. (2003). Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being. *Journal of personality and social psychology*, 85 (2), 348–362.
- Hampel, P., Petermann, F. (2006). Perceived stress, coping, and adjustment in adolescents. *Journal of Adolescent Health*, 38 (4), 409–415.
- Hong, E., Peng, Y., Rowell, L.L. (2009). Homework self-regulation: Grade, gender, and achievement-level differences. *Learning and Individual Differences*, 19 (2), 269–276. doi:10.1016/j.lindif.2008.11.009
- Kljajic K., Gaudreau, P., Franche, V. (2017). An investigation of the 2 × 2 model of perfectionism with burnout, engagement, self-regulation, and academic achievement. *Learning and Individual Differences*, 57, 103–113.
- Lytton, H. Creativity and education. London: Rotledge and Kegan, 1971.
- Mammadov, S. (2020). A Comparison of Creativity-Relevant Personal Characteristics in Adolescents Across Personality Profiles. *The Journal of Creative Behavior*, 55, 294–305 doi:10.1002/jocb.451
- Moffitt, T.E., Arseneault, L., Belsky, D., Dickson, N., Hancox, R.J., Harrington H., et al. (2011). A gradient of childhood self-control predicts health, wealth, and public safety. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 108 (7), 2693.
- Neumann, A., van Lier, P.A.C., Gratz, K.L., Koot, H.M. (2009). Multidimensional Assessment of Emotion Regulation Difficulties in Adolescents Using the Difficulties in Emotion Regulation Scale. *Assessment*, 17 (1), 138–149. doi:10.1177/1073191109349579
- Obach, M.S. (2003). A longitudinal-sequential study of perceived academic competence and motivational beliefs for learning among children in middle school. *Educational Psychology*, 23 (3), 323–338.
- Potmesilova, P., Potmesil, M. (2021). Temperament and School Readiness. A Literature Review. *Front Psychology*, 12: 599411. doi: 10.3389/fpsyg.2021.599411
- Shell, D.F., Soh, L. (2013). Profiles of Motivated Self-Regulation in College Computer Science Courses: Differences in Major versus Required Non-Major Courses. *Journal of Science Education and Technology*, 22, 899–913.
- Silk, J.S., Steinberg, L., Morris, A.S. (2003). Adolescents' emotion regulation in daily life: Links to depressive symptoms and problem behavior. *Child Development*, 74, 1869–1880.
- Sirois, F.M. (2015). A self-regulation resource model of self-compassion and health behavior intentions in emerging adults. *Preventive Medicine Reports*, 2, 218–222.

- To P-Y-L., Lo B-C-Y., Ng T-K., Choi A-W-M., Wong B-P-H. (2021). Striving to Avoid Inferiority and Procrastination among University Students: The Mediating Roles of Stress and Self-Control. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (11), 5570. <https://doi.org/10.3390/ijerph18115570>
- Vasilopoulos, F., Ellefson, M.R. (2021). Investigation of the associations between physical activity, self-regulation and educational outcomes in childhood. *PLoS ONE*, 16 (5): e0250984
- Verner-Filion, J., Patrick Gaudreau, P. (2010). From perfectionism to academic adjustment: The mediating role of achievement goals. *Personality and Individual Differences*, 49 (3), 181–186.
- Wagner, B., Latimer, J., Adams, E., Carmichael Olson, H., Symons, M., Mazzucchelli TG, et al. (2020). School-based intervention to address self-regulation and executive functioning in children attending primary schools in remote Australian Aboriginal communities. *PLoS ONE*, 15 (6): e0234895.
- Zimmerman, B.J., Kitsantas, A. (2002). Acquiring writing revision and self-regulatory skill through observation and emulation. *Journal of Educational Psychology*, 94 (4), 660–668.
- Zinchenko, Yu.P., Morosanova, V.I., Kondratyuk, N.G., Fomina, T.G. (2020). Conscious Self-Regulation and Self-organization of Life during the COVID-19 Pandemic. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13 (4), 168–182.

References:

- Ababkov, V.A., Baryshnikova, K., Vorontsova-Venger, O.V., Gorbunov, I.A., Kapranova, S.V., Pologaeva, E.A., Stuklov, K.A. (2016). Validation of the Russian-language version of the Perceived Stress Scale-10 questionnaire. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya (Bulletin of St. Petersburg University. Psychology)*, 2, 6–15 (in Russ.).
- Ahmadi, R., Davood, S., Nasab, H., Azemoseh, M. (2021). The effectiveness of motivational self-regulation training on academic buoyancy, resilience and academic engagement in junior high school students with low academic performance in the fifth district of Tabriz. *Journal of educational sciences*, 14 (53), 61–92.
- Ahmed, S.P., Bittencourt-Hewitt, A., Sebastian, C.L. (2015). Neurocognitive Bases of Emotion Regulation Development in Adolescence. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 15, 11–25, doi: 10.1016/j.dcn.2015.07.006.
- Antilogova, L.N., Cherkevich, E.A. (2017). Self-regulation of mental states of the personality in adolescence. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya" (Bulletin of Omsk University. Series "Psychology")*, 3, 12–23 (in Russ.).
- Baranova, V.A., Dubovskaya, E.M., Savina, O.O. (2020). The educational environment in the context of the COVID-19 pandemic: new security challenges. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal (National psychological journal)*, 3 (39), 57–65. doi: 10.11621/npi.2020.0307 (in Russ.).
- Baumeister, R.F., Vohs, K.D. (2003). Self-regulation and the executive function of the self. In M.R. Leary & J.P. Tangney (Eds.), *Handbook of self and identity* (pp. 197–217). The Guilford Press.
- Blackwell, A.L., Yeager, D.C., Mische-Lawson, L., Bird, R.J., Cook, D.M. (2014). Teaching children self-regulation skills within the early childhood education environment: a feasibility study. *Journal of Occupational Therapy, Schools & Early Intervention*, 7 (3/4), 204–224.
- Burdakova, Y. (2018). Improving Student Motivation and Self-Regulation in Science and Mathematics Classes: Examining the Impact of the Learning Environment. Thesis PhD, Curtin University.
- Chernov, A.V., Hashova, A.A. (2021). The relationship between the methods of self-regulation and the level of creativity of the individual // Materials of the International Youth Scientific Forum "Lomonosov-2021" In I.A. Aleshkovsky, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov (Eds.), "MAKS Press" [Electronic resource]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22331/124383_uid563730_report.pdf (application date 30.10.2021) (in Russ.).
- Dubrovina, O.V., Bystrova, N.V. (2018). Features of the style of self-regulation of behavior of students prone to addictive behavior. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (World of Science. Pedagogy and psychology)*, 6 (2), 72–72 (in Russ.).
- Farley, J.P., Kim-Spoon, J. (2014). The development of adolescent self-regulation: Reviewing the role of parent, peer, friend, and romantic relationships. *Journal of Adolescence*, 37 (4), 433–440.
- Gainanova, L.R. (2020). Features of the development of emotional intelligence in adolescence. *Mezhpokolencheskie otnosheniya: sovremennyy diskurs i strategicheskie vybory v psikhologo-pedagogicheskoy nauke i praktike (Intergenerational relations: modern discourse and strategic choices in psychological and pedagogical science and practice)*, 1, 150–152. doi: 10.24411/9999-047A-2020-00040 (in Russ.).
- Garanyan, N.G., Nizovtseva, A.A. (2012). The structure of the achievement motive among students with different levels of perfectionism. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 4 (1), URL: https://psyjournals.ru/psy-edu_ru/2012/n1/50229.shtml (in Russ.).
- Garnefski, N., Kraaij, V., van Etten M. (2005). Specificity of relations between adolescents' cognitive regulation strategies and internalizing and externalizing psychopathology. *Journal of Adolescents*, 28, 619–631.
- Garnefski, N., Baan N., Kraaij V. (2005). Psychological distress and cognitive emotion regulation strategies among farmers who fell victim to the foot-and-mouth crisis. *Personality and Individual Differences*, 38 (6), 1317–1327.
- Gracheva, I.I. (2006). Adaptation of the methodology Multidimensional scale of perfectionism Hewitt and G. Flett. Moscow: Institute of Psychology GUGN. 27 (6), 73–81 (in Russ.).
- Gross, J.J. (1998). Antecedent- and response-focused emotion regulation: Divergent consequences for experience, expression, and physiology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74 (1), 224–237.
- Gross, J.J., John, O.P. (2003). Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being. *Journal of personality and social psychology*, 85 (2), 348–362.

- Gutsunaeva, S.V. (2015). Coping-strategies of adolescents with different levels of resilience. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy International (Journal of Applied and Fundamental Research)*, 3 (1), 92–95 (in Russ.).
- Hampel, P., Petermann, F. (2006). Perceived stress, coping, and adjustment in adolescents. *Journal of Adolescent Health*, 38 (4), 409–415.
- Hong, E., Peng, Y., Rowell, L.L. (2009). Homework self-regulation: Grade, gender, and achievement-level differences. *Learning and Individual Differences*, 19 (2), 269–276. doi:10.1016/j.lindif.2008.11.009
- Khlomov, K.D. Bochaver, A.A., Korneev, A.A. (2020). Coping strategies and the educational environment of adolescents. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social psychology and societ)*, 11 (2), 180–199 (in Russ.).
- Kljajic, K., Gaudreau, P., Franche, V. (2017). An investigation of the 2 × 2 model of perfectionism with burnout, engagement, self-regulation, and academic achievement. *Learning and Individual Differences*, 57, 103–113.
- Krasnoryadtseva, O.M., Kabrin, V.I., Muravyova, O.I., Podoinitsina, M.A., Chuchalova, O.N. (2014). Psychological practice of diagnostics and development of self-efficacy of student youth: textbook allowance. Tomsk: TSU Publishing House (in Russ.).
- Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I. (2006). Vitality test. Moscow: Smysl (in Russ.).
- Lytton, H. (1971). Creativity and education. London: Rotledge and Kegan.
- Mammadov, S. (2020). A Comparison of Creativity-Relevant Personal Characteristics in Adolescents Across Personality Profiles. *The Journal of Creative Behavior*, 55, 294–305 doi:10.1002/jocb.451
- Moffitt, T.E., Arseneault, L., Belsky, D., Dickson, N., Hancox, R.J., Harrington H., et al. (2011). A gradient of childhood self-control predicts health, wealth, and public safety. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 108 (7), 2693.
- Morosanova, V.I. (2010). Self-regulation and individuality of a person. M.: Nauka. (in Russ.).
- Morosanova, V.I. (2004). Self-Regulatory Behavioral Style Questionnaire (SSPM): A Guide. M: Kogito-Center. (in Russ.).
- Morosanova, V.I., Bondarenko, I.N. (2015). Diagnostics of human self-regulation. University psychological education. M.: Kogito-Center. (in Russ.).
- Neumann, A., van Lier, P.A.C., Gratz, K.L., Koot, H.M. (2009). Multidimensional Assessment of Emotion Regulation Difficulties in Adolescents Using the Difficulties in Emotion Regulation Scale. *Assessment*, 17 (1), 138–149. doi:10.1177/1073191109349579
- Obach, M.S. (2003). A longitudinal-sequential study of perceived academic competence and motivational beliefs for learning among children in middle school. *Educational Psychology*, 23 (3), 323–338.
- Osin, E.N., Leontiev, D.A. (2008). Approbation of Russian-language versions of two scales for rapid assessment of subjective well-being. In the book. Materials of the III All-Russian Sociological Congress. Moscow: Institute of Sociology RAS. Russian Society of Sociologists. (in Russ.) <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/pjuun7fz60/direct/78753837>
- Pankratova, A.A., Osin E.N. (2018). Features of emotional regulation in representatives of Russian and Azerbaijani cultures. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 14 (2), 44–52. doi: 10.17759 / chp.2018140205 (in Russ.).
- Pervichko, E.I. (2014). Emotion regulation strategies: J. Gross's procedural model and cultural-activity approach. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal (National psychological journal)*, 4 (16), 13–22 (in Russ.).
- Potmesilova, P., Potmesil, M. (2021). Temperament and School Readiness. A Literature Review. *Front Psychology*, 12: 599411. doi: 10.3389/fpsyg.2021.599411
- Psychology of self-regulation: Evolution of approaches and challenges of the time In Yu.P. Zinchenko, V.I. Morosanova (Eds.), (pp. 524–535). SPB.: Nestor-Istoriya, 2020 (in Russ.).
- Rezapkina, G.V. Ambulance in choosing a profession. M.: Genesis, 2004.
- Sergienko, E.A. (2018). Behavior control as a basis for self-regulation. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk (South-Russian Journal of Social Sciences)*, 4, 130–146 (in Russ.).
- Shell, D.F., Soh L. (2013). Profiles of Motivated Self-Regulation in College Computer Science Courses: Differences in Major versus Required Non-Major Courses. *Journal of Science Education and Technology*, 22, 899–913.
- Silk, J.S., Steinberg L., Morris, A.S. (2003). Adolescents' emotion regulation in daily life: Links to depressive symptoms and problem behavior. *Child Development*, 74, 1869–1880.
- Sirois, F.M. (2015). A self-regulation resource model of self-compassion and health behavior intentions in emerging adults. *Preventive Medicine Reports*, 2, 218–222.
- Spielberger, Ch.D., Khanin, Yu.L. (2002). Research of anxiety. Diagnostics of emotional and moral development. SPb., 124–126 (in Russ.).
- To, P-Y-L., Lo, B-C-Y., Ng, T-K., Choi, A-W-M., Wong, B-P-H. (2021). Striving to Avoid Inferiority and Procrastination among University Students: The Mediating Roles of Stress and Self-Control. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (11), 5570. <https://doi.org/10.3390/ijerph18115570>
- Umanskaya, I.A., Tikhomirova, E.V., Kamensky, P.I. (2019). Self-efficacy and coping behavior of cadet corps students. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika (Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics)*, 25 (1), 112–115 (in Russ.).
- Vasilopoulos, F., Ellefson, M.R. (2021). Investigation of the associations between physical activity, self-regulation and educational outcomes in childhood. *PLoS ONE*, 16(5): e0250984
- Verner-Filion, J., Patrick, Gaudreau, P. (2010). From perfectionism to academic adjustment: *The mediating role of achievement goals. Personality and Individual Differences*, 49 (3), 181–186.
- Vlasova, N.V. (2017). Features of the regulation of emotions in adolescence (on the example of pupils of a cadet boarding school). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological science and education)*, 9 (2), 70–83 doi: 10.17759 / psyedu.2017090207 (in Russ.).

- Wagner, B., Latimer, J., Adams, E., Carmichael, Olson, H., Symons, M., Mazzucchelli TG, et al. (2020). School-based intervention to address self-regulation and executive functioning in children attending primary schools in remote Australian Aboriginal communities. *PLoS ONE*, 15 (6): e0234895.
- Zimmerman, B.J., Kitsantas A. (2002). Acquiring writing revision and self-regulatory skill through observation and emulation. *Journal of Educational Psychology*, 94 (4), 660–668.
- Zinchenko, Yu.P., Morosanova, V.I., Kondratyuk, N.G., Fomina, T.G. (2020). Conscious Self-Regulation and Self-organization of Life during the COVID-19 Pandemic. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13 (4), 168–182.
- Zolotareva, A.A. (2012). Differential psychological diagnostics of perfectionism. *Vestnik GUU (Bulletin GUU)*, 2, 279–283 (in Russ.).
- Zolotareva, A.A. (2012). Perfectionism in the structure of personality self-regulation. *Psikhologiya i psikhotehnika (Psychology and psychotechnics)*, 42 (3), 59–68 (in Russ.).

Информационно-коммуникационные технологии как способ поддержки социального капитала в условиях пандемии

М.А. Багдасарян, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8000-9229

Для контактов: termariah@gmail.com

Актуальность. С появлением интернета и развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) изменились и расширились доступные способы межличностного общения. С весны 2020 г. и по настоящее время сохраняется нестабильность эпидемиологической обстановки в связи с пандемией COVID-19. Карантинные меры привели к резкому сокращению физических социальных контактов или их полному отсутствию. В результате для большинства развитых стран компьютерно-опосредованная коммуникация стала основным способом поддержания связи с родными, друзьями, коллегами и т.д. Эти беспрецедентные обстоятельства актуализируют наше исследование, показывающее, как ИКТ помогают поддержать социальный капитал россиян на индивидуальном уровне.

Цель. Определить, насколько эффективна вовлеченность при использовании ИКТ для поддержания социального капитала россиян на индивидуальном уровне в период пандемии COVID-19.

Описание хода исследования. Исследование проводилось в онлайн-формате путем предъявления участникам опросника. Выборку исследования составили 300 респондентов в возрасте от 18 до 71 года. Все респонденты являются гражданами Российской Федерации. Они отвечали на вопросы, определяющие уровень воспринимаемой угрозы COVID-19, вовлеченности в использование ИКТ и степень изменения взаимоотношений с «сильными» и «слабыми связями».

Результаты исследования. Прямая взаимосвязь воспринимаемой угрозы коронавируса и индивидуального социального капитала прослеживается только во взаимоотношениях с друзьями и жителями страны. С семьей, коллегами, соседями и жителями города статистически значимая взаимосвязь отсутствует. В случае высокого уровня использования ИКТ воспринимаемая угроза коронавируса не имеет отрицательной взаимосвязи с воспринимаемой близостью с семьей, друзьями и жителями страны. При этом не было выявлено роли использования ИКТ во взаимосвязях воспринимаемой угрозы коронавируса с воспринимаемой близостью с коллегами, соседями и жителями города.

Заключение. В целом вовлеченность в ИКТ способствует сохранению социального капитала на индивидуальном уровне в условиях пандемии.

Ключевые слова: ИКТ, воспринимаемая угроза коронавируса, социальный капитал, социальные связи, пандемия.

Для цитирования: Багдасарян М.А. Информационно-коммуникационные технологии как способ поддержки социального капитала в условиях пандемии // Национальный психологический журнал. 2021. № 4(44). С. 27–38. doi: 10.11621/npj.2021.0403

Поступила 2 августа 2021 / Принята к публикации 20 августа 2021

Information communication technologies as a way to support social capital during the pandemic

Mariya A. Bagdasaryan, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8000-9229

Corresponding author: termariah@gmail.com

Relevance. With the rise of the Internet and the development of information and communication technologies (ICTs), the available ways of interpersonal communication have changed and expanded. From spring 2020 to the present, the epidemiological situation remains unstable due to the COVID-19 pandemic. Quarantine measures have led to a sharp reduction in face-to-face social contacts or to their complete absence. As a result, for most of the developed countries, computer-mediated communication has become the prior way to keep in touch with family, friends, colleagues, etc. These unprecedented circumstances bring our research to the fore, showing how ICTs can help maintain the social capital of Russians at the individual level.

Objective. To determine how effective the use of ICTs is in maintaining of the social capital of Russians at the individual level during the COVID-19 pandemic.

Design. The study was conducted online by presenting the participants with a questionnaire. The study sample consisted of 300 respondents aged 18 to 71. All respondents are citizens of the Russian Federation. They answered questions, which determined the perceived COVID-19 threat level, the level of use of ICTs, and the degree of change in relationships with “strong” and “weak ties”.

Results. The direct relationship between the perceived coronavirus threat and individual social capital can be traced only in relationships with friends and residents of the country. There is no statistically significant relationship with family, colleagues, neighbors, and city residents. In the case of a high level of ICT use, the perceived coronavirus threat does not negatively correlate with the perceived closeness with family, friends, and residents of the country. At the same time, the role of ICT use in the relationship between the perceived coronavirus threat and perceived closeness with colleagues, neighbors and city residents has not been identified.

Conclusion. In general, the use of ICTs contributes to the maintenance of the social capital at the individual level during the COVID-19 pandemic.

Key words: ICT, perceived coronavirus threat, social capital, social connections, pandemic.

For citation: Bagdasaryan, M.A. (2021). Information communication technologies as a way to support social capital during the pandemic, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 4(44), 27–38. doi: 10.11621/npj.2021.0403

Received August 2, 2021 / Accepted for publication August 20, 2021

Введение

Распространение коронавирусной инфекции (COVID-19) повлияло на различные аспекты жизни людей (WHO, 2020). В связи с введением вынужденных долгосрочных ограничительных мер, тотальных локдаунов, люди практически перестали общаться вживую и отказались от привычного образа жизни (посещение концертов, ужин в ресторане, встреч с друзьями и родными) из-за воспринимаемой угрозы коронавируса (Pew Research center, 2020a, b).

Многие аспекты нашей жизни успешно перешли в онлайн среду благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ). ИКТ позволяют нам дистанционно учиться, «посещать» церковные службы, встречаться с коллегами в Zoom и даже консультироваться у врача (Jean-Baptiste et al., 2020; Jurcik et al., 2020). Соблюдая карантинные меры, режим самоизоляции, принцип социального дистанцирования люди практически лишились живого общения, однако смогли поддерживать свои социальные связи, а точнее, социальный капитал, с помощью коммуникационных технологий (Pennington, 2021). Ранее проведенные исследования установили, что с помощью ИКТ мы можем накопить и приумножить ресурсы нашего социального капитала (Elisson et al., 2011; Wellman et al., 2006).

Исследования, проведенные с начала пандемии COVID-19 подтвердили, что социальный капитал является необходимым ресурсом для преодоления заболевания (Barrios et al., 2021; Makridis, Wu, 2021). Также результаты многочисленных исследований по ИКТ показали, что использование ресурсов социального капитала может положительно влиять на благополучие человека (Vano et al., 2019; Kim, Shen, 2020; Tobin et al., 2020).

В нашем исследовании мы решили изучить связь между индивидуальным социальным капиталом (отношения с другими людьми) и воспринимаемой угрозой коронавируса при учете уровня вовлеченности в использование ИКТ в качестве модератора. Мы хотим понять, способствовало ли использование ИКТ сохранению «сильных связей» в условиях пандемии, то есть с людьми, с которыми мы обычно поддерживаем более тесный контакт (члены семьи, друзья, коллеги) (Granovetter, 1974). Также интересно, как в контексте

этого времени использование ИКТ могло повлиять и на «слабые связи», то есть на взаимоотношения с людьми, с которыми мы общаемся значительно реже (соседи, жители города) (Granovetter, 1974).

Социальный капитал и воспринимаемая угроза COVID-19

В настоящем исследовании мы изучаем опыт переживания пандемии COVID-19, поскольку он связан с теми психологическими явлениями, которые составляют основу социального капитала на микроуровне (взаимоотношения с другими людьми — родственниками, друзьями, коллегами).

Социальный капитал — это ресурсы и преимущества, которые приобретают индивиды и группы людей через взаимодействие с другими. Взаимодействие определяется общими нормами и ценностями, которые способствуют сотрудничеству, а также качеству социальных отношений (Kawachi, 2010).

Многочисленные исследования свидетельствуют о позитивной связи социального капитала со здоровьем. Социальный капитал как ресурс может эффективно снизить уровень стресса, связанный с последствиями неожиданных и неизбежных жизненных событий, вызванных глобальной пандемией COVID-19, влияя на индивидуальные психологические процессы (Xu et al., 2020). Результаты одного из исследований американских коллег, посвященного изучению стрессовых жизненных событий во время пандемии COVID-19 и социального капитала, продемонстрировали, что социальный капитал был единодушно признан основополагающим поддерживающим ресурсом, который помогает справиться со стрессом и неопределенностью происходящего (Jean-Baptiste et al., 2020).

К ситуативным факторам, определяющим воспринимаемую угрозу психологическому здоровью, воздействующих на население в условиях распространения COVID-19, относят тяжесть эпидемиологической обстановки, серьёзность заболевания, социальную изоляцию, угрозу социально-экономическому благополучию, «информационное загрязнение» (Луковцева, 2020).

Масштабное международное исследование продемонстрировало, что ограничение физических социальных контактов с нарушением нормального образа

Мария Арсеновна Багдасарян — аспирантка факультета социальных наук, департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0002-8000-9229

Maria A. Bagdasaryan — Postgraduate student of the Faculty of Social Sciences, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0002-8000-9229

жизни (финансовые потери, малоподвижный образ жизни, нарушение сна, нездоровое питание) во время вспышек COVID-19 являлись основными факторами риска, снижения эмоционального благополучия и развития психических расстройств (Ammar et al., 2020). Это исследование также показало, что вынужденная изоляция во время пандемии вызвала снижение социальной активности с друзьями, семьей и соседями, что, в свою очередь, было связано с уменьшением удовлетворенностью жизнью.

Таким образом, можно предположить, что высокий уровень воспринимаемой угрозы коронавируса при ограничении физических социальных контактов может отрицательно отразиться на социальном капитале, поскольку «сильные» и «слабые связи» будут ослабевать в связи с вышеупомянутыми факторами риска.

Социальный капитал и ИКТ

Пандемия 2020 г. наглядно показала, что ИКТ — незаменимый ресурс для поддержания и укрепления социальных связей, как «сильных», так и «слабых». Например, эмоциональная поддержка родных и друзей по видеоконференции, оказание материальной помощи пожилым родственникам с помощью онлайн-сервисов доставки, дистанционный обмен ресурсами для обучения и работы (Spottswood, Wohn, 2020).

Анализ исследований по использованию ИКТ в кризисное время (стихийных бедствий) показывает, что социальные медиа являлись важным ресурсом для связи с родными и близкими, взаимоподдержки и улучшения субъективного благополучия (Austin et al., 2012; Li et al., 2019; Neubaum et al., 2014). Кроме того, стихийные бедствия могут, как ни странно, укрепить социальный капитал (социальные связи), так как оказывают непосредственное влияние на установки людей, их поведение и социальные нормы (Dussaillant, Gussman, 2015).

В другом масштабном исследовании пользователей интернета, проведенным задолго до пандемии, было установлено, что общение в сети с близкими (семья, друзья) может благотворно повлиять на психологическое благополучие, снизить депрессию, уровень стресса, избавиться от чувства одиночества, улучшить настроение, повысить удовлетворенность жизнью, увеличить воспринимаемую социальную поддержку. Многие другие варианты использования интернета, в том числе для получения информации, развлечения, общения с малознакомыми людьми, напротив, не имели положительной связи с психологическим благополучием (Kraut, Burke, 2015).

Социальная поддержка, опосредованная технологиями, была доминирующей темой в вышеупомянутом исследовании американских коллег (Jean-Baptiste et al., 2020). Все респонденты отметили более широкое использование смартфонов, приложений для обмена сообщениями и социальных сетей, чтобы оставаться на связи с членами семьи, друзьями, коллегами и другими людьми в сообществе. Участники также под-

черкивали ощутимые серьезные последствия для их психологического состояния, если они были лишены какой-либо формы социального капитала. Иммигранты, чьи семьи остались жить на родине, подчеркивали важность поддержания связи с пожилыми родителями и родственниками посредством ИКТ. Также респонденты говорили о необходимости религиозных и общинных онлайн-систем поддержки, которые могли бы им справиться со стрессом, отвлекая внимание от мирового хаоса (Jean-Baptiste et al., 2020).

Конечно, онлайн-общение не эквивалент реальному, но в случае пандемии, когда субъекты изолированы и находятся далеко друг от друга, ИКТ могут дополнить и обогатить непосредственное общение (Claridge, 2020).

Таким образом, мы можем предположить, что высокая вовлеченность в использование ИКТ во время пандемии коронавируса помогает россиянам поддерживать «сильные связи» с семьей и друзьями, тем самым сохранить социальный капитал.

На основании анализа литературных источников, описывающих зарубежные исследования, можно выдвинуть основной исследовательский вопрос:

— Помогают ли ИКТ поддерживать социальный капитал россиян во время пандемии COVID-19?

Также нами были выдвинуты следующие гипотезы:

H.1. Воспринимаемая угроза заболевания COVID-19 отрицательно связана с уровнем индивидуального социального капитала.

H.2. При условии высокой вовлеченности в использование ИКТ, воспринимаемая угроза заболевания COVID-19 не демонстрирует отрицательной связи с индивидуальным социальным капиталом.

Проведение исследования

Эмпирическое исследование проводилось в 2021 г. с помощью сервиса онлайн-опросов «Анкетолог». В исследовании приняли участие 300 человек в возрасте от 18 до 71 года, (108 мужчин и 192 женщины, M — 40,68, SD — 10,57). Все респонденты являются гражданами Российской Федерации. Из них 69,6% имеют высшее образование, остальные 30,4% либо являются студентами, либо имеют среднее образование. При этом 29% респондентов уже переболели COVID-19, 81% имеют знакомых или родных, переболевших COVID-19.

Исследование проводилось методом социально-психологического опроса. Он включал в себя шкалы, измеряющие: 1) социальный капитал, 2) вовлеченность в использование ИКТ, 3) воспринимаемую угрозу COVID-19.

1. Социальный капитал. Мы измеряли социальные связи с различными группами людей: семья, друзья, коллеги, соседи, жители города или населенного пункта, жители России. Респондентам был задан вопрос: «Каким образом ситуация с COVID-19 повлияла на Ваши взаимоотношения с ...?» Предложение было дополнено социальной категорией из вышеуказанного списка от семьи до жителей России. Респондентам

предлагалось оценить степень изменения взаимоотношений по шкале от 1 до 5, где 1 — «определенно способствовала отдалению», 2 — «скорее способствовала отдалению», 3 — «отношения не изменились», 4 — «скорее способствовала сближению», 5 — «определенно способствовала сближению» ($\alpha = 0,87$).

2. Вовлеченность в использование ИКТ. Для оценки уровня вовлеченности в ИКТ использовалась авторская методика, включающая в себя 4 фактора: «Экономические действия в интернете», «Коммуникацию в социальных сетях», «Использование смартфона», «Разнообразие сфер использования ИКТ» (Татарко и др., 2020). Методика содержит 16 вопросов, которые организованы по типу Лайкерта, в соответствии с 5-балльной шкалой, где нужно указать частоту, с которой индивиды совершают описанные действия, где 1 — «никогда», 2 — «реже 1 раза в месяц», 3 — «1 раз в месяц», 4 — «несколько раз в неделю», 5 — «ежедневно». Например, «Насколько часто Вы пользуетесь для общения или работы специальными мессенджерами (Viber, WhatsApp, Telegram, Facebook Messenger и др.), которые есть на смартфонах или планшетных компьютерах?» ($\alpha = 0,78$).

3. Воспринимаемая угроза COVID-19. Для оценки уровня воспринимаемой угрозы COVID-19 мы использовали шкалу воспринимаемой угрозы коронавируса Perceived Coronavirus Threat Questionnaire (PCTQ) (Conway, Woodart & Zubrod, 2020). Шкала состоит из 6 утверждений, например, таких как: «Когда

я думаю о коронавирусе, я чувствую, что нахожусь в опасности», «Я изо всех сил стараюсь избегать других людей, потому что я не хочу заболеть». Респондентам предлагалось оценить степень согласия с утверждениями по шкале Лайкерта от 1 до 5, где 1 — «абсолютно не согласен», а 5 — «абсолютно согласен» ($\alpha = 0,85$).

Также были использованы пять дополнительных контролируемых переменных. Социально-демографические показатели (пол, уровень образования, возраст), собственный опыт COVID-19 (у себя / у близких людей). Респондентам предлагалось ответить на два вопроса: «Болели ли Вы коронавирусной инфекцией?»; «Есть ли среди Ваших знакомых или родных те, кто болел или болеет коронавирусной инфекцией?» (варианты ответа: 1 = да, 0 = нет).

Обработка данных. Для обработки данных мы сначала построили корреляционную матрицу (коэффициент Пирсона) и вычислили описательную статистику. Чтобы оценить взаимосвязь между предполагаемой угрозой коронавируса и социальными отношениями, мы использовали регрессионный анализ с контролем социально-демографических характеристик, а также собственного опыта респондентов с коронавирусом. Наряду с этим был проведен дополнительный анализ при помощи внешнего модуля Process v.3.5 для IBM SPSS 27 (Hayes, 2013), чтобы определить, существует ли взаимодействие с уровнем вовлеченности в ИКТ для некоторых из выявленных отношений.

Таблица 1. Интеркорреляции используемых переменных

Переменная	M	SD	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Использование ИКТ	3,26	0,57	1	0,07	0,15**	0,17**	0,07	0,06	0,07	0,06	0,06
2. Воспринимаемая угроза COVID-19	2,91	0,70		1	0,05	-0,08	-0,11	-0,18**	-0,23**	-0,20**	-0,10
3. Отношения с ... семьей	3,15	0,75			1	0,52**	0,28**	0,26**	0,26**	0,21**	0,17**
4. ...друзьями	2,92	0,72				1	0,59**	0,56**	0,46**	0,37**	0,32**
5. ...коллегами	2,88	0,61					1	0,62**	0,50**	0,44**	0,34**
6. ...соседами	2,85	0,63						1	0,65**	0,54**	0,35*
7. ...жителями города / населенного пункта	2,70	0,70							1	0,73**	0,50**
8. ...жителями России	2,74	0,72								1	0,61**

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; M — среднее, SD — стандартное отклонение.

Table 1. Descriptive statistics and correlations between variables

Variable	M	SD	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. ICT use	3.26	0.57	1	0.07	0.15**	0.17**	0.07	0.06	0.07	0.06	0.06
2. Virus threat	2.91	0.70		1	0.05	-0.08	-0.11	-0.18**	-0.23**	-0.20**	-0.10
3. Family	3.15	0.75			1	0.52**	0.28**	0.26**	0.26**	0.21**	0.17**
4. Friends	2.92	0.72				1	0.59**	0.56**	0.46**	0.37**	0.32**
5. Colleagues	2.88	0.61					1	0.62**	0.50**	0.44**	0.34**
6. Neighbors	2.85	0.63						1	0.65**	0.54**	0.35*
7. Residents of the town/village	2.70	0.70							1	0.73**	0.50**
8. Residents of Russia	2.74	0.72								1	0.61**

Note: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$; M — mean, SD — standard deviation.

Результаты исследования

Первым этапом обработки данных выступил анализ дескриптивных статистик и корреляций между переменными. Данный вид анализа был проведен для того, чтобы предварительно оценить связи между конструктами.

В таблице 1 показаны средние значения по всем шкалам, которые использовались в исследовании и их интеркорреляции.

Вовлеченность в использование ИКТ положительно и значимо связана с такими социальными категориями, как семья и друзья, то есть с ближним кругом. Можно предположить, что чем чаще в общении с семьей и друзьями используются ИКТ, тем крепче их взаимоотношения. При этом воспринимаемая угроза коронавируса имеет значимые отрицательные взаимосвязи с малознакомым или незнакомым кругом общения: соседями, жителями города и страны в целом. Также мы не нашли никаких значимых корреляций с коллегами. Можно предположить, что коллеги у разных людей могут относиться к разным категориям, как ближнему, так и дальнему кругу.

При этом мы видим, что между вовлеченностью в использование ИКТ и воспринимаемой угрозой коронавируса нет прямой связи. Можно предположить, что на взаимосвязь воспринимаемой угрозы коронавируса и показателей социального капитала влияет уровень вовлеченности в ИКТ. Далее мы будем проверять роль вовлеченности в ИКТ как модератора данной взаимосвязи.

Далее мы проделали регрессионный анализ с проверкой модерации вовлеченности в ИКТ. В таблице 2 представлены результаты моделей взаимоотношений (степень близости или отдаления с начала пандемии) с «сильными» (семья, друзья, коллеги) и «слабыми» (соседи, жители города, россияне) связями.

Воспринимаемая угроза COVID-19 имеет отрицательную значимую связь с воспринимаемой близостью с друзьями. В модели 2 (друзья) среди дополнительно контролируемых переменных также прослеживается значимая отрицательная связь по полу.

Использование ИКТ в качестве модератора имеет положительную значимую связь в двух моделях (семья, друзья). Это дает нам основание полагать, что высокая вовлеченность в использование ИКТ помогает нам поддерживать «сильные связи» в условиях пандемии.

Мы можем наблюдать, что никакой прямой связи между воспринимаемой угрозой COVID-19 и воспринимаемой близостью в отношениях с коллегами и соседями. Эффект модерации вовлеченности в ИКТ тоже отсутствует.

Табл. 2 показывает, что нет никакой статистически значимой связи между воспринимаемой угрозой коронавируса и воспринимаемой близостью с жителями города, но есть отрицательная связь с воспринимаемой близостью с россиянами в целом. Также использование ИКТ в качестве модератора статисти-

чески значимо в модели 6 (россияне). В модели 5 (жители города) дополнительная контролируемая переменная — пол отрицательно связана с жителями города.

Таблица 2. Связь между воспринимаемой угрозой коронавируса и воспринимаемой близостью со «слабыми» и «сильными» связями

Предиктор, модератор и контрольные переменные	Семья	Друзья	Коллеги	Соседи	Жители города	Россияне
	В	В	В	В	В	В
Угроза COVID-19 (предиктор)	-0,59	-0,72*	-0,06	-0,37	-0,48	-1,11***
Использование ИКТ	-0,37	-0,29	0,15	-0,10	-0,09	-0,66*
Использование ИКТ (модератор)	0,20*	0,19*	-0,01	0,06	0,07	0,27**
Пол	-0,15	-0,21*	-0,13	-0,15	-0,17*	-0,13
Образование	0,03	0,04	-0,01	0,02	0,01	-0,00
Возраст	-0,00	0,00	0,00	-0,00	0,00	0,00
Болею сам	0,08	0,04	0,00	-0,10	0,02	0,11
Болею близкие	-0,13	0,05	-0,04	-0,03	-0,06	-0,06
F	2,15*	3,67***	1,35	2,51*	3,08***	3,34***
R ²	0,06	0,09	0,04	0,06	0,08	0,08

Примечание: В — нестандартизированный коэффициент линейной регрессии; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Table 2. Relation between perceived coronavirus threat and perceived closeness with «strong» and «weak» ties

Predictor, moderator and control variables	Family	Friends	Colleagues	Neighbours	City dwellers	Russians
	B	B	B	B	B	B
Virus Threat (predictor)	-0.59	-0.72*	-0.06	-0.37	-0.48	-1.11***
ICT use	-0.37	-0.29	0.15	-0.10	-0.09	-0.66*
ICT use (moderator)	0.20*	0.19*	-0.01	0.06	0.07	0.27**
Sex	-0.15	-0.21*	-0.13	-0.15	-0.17*	-0.13
Education	0.03	0.04	-0.01	0.02	0.01	-0.00
Age	-0.00	0.00	0.00	-0.00	0.00	0.00
Sick personally	0.08	0.04	0.00	-0.10	0.02	0.11
Friends/relatives sick	-0.13	0.05	-0.04	-0.03	-0.06	-0.06
F	2.15*	3.67***	1.35	2.51*	3.08***	3.34***
R ²	0.06	0.09	0.04	0.06	0.08	0.08

Note: B — unstandardized linear regression coefficient; * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$.

Гипотеза 1 подтвердилась частично. Из «сильных связей» статистически значимой оказалась только негативная взаимосвязь воспринимаемой угрозы коронавируса с воспринимаемой близостью с друзьями. При этом нет значимой взаимосвязи с воспринимаемой близостью с семьей, соседями и коллегами.

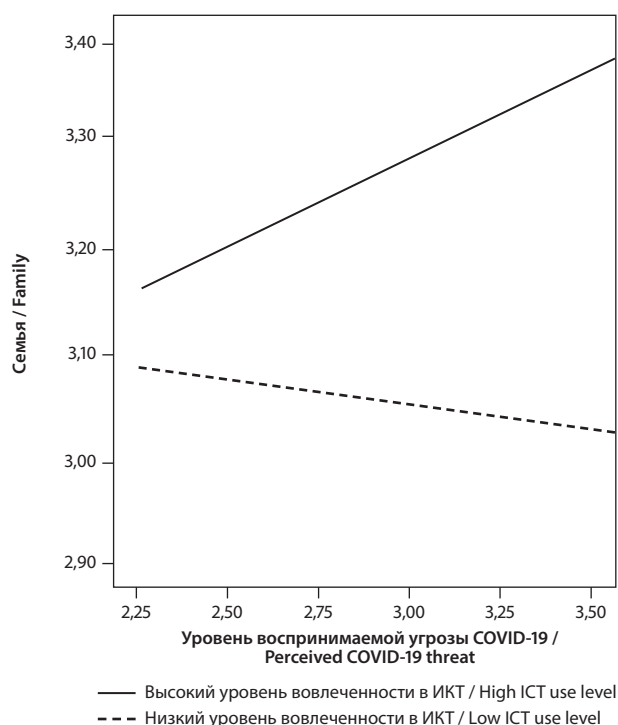

Рис. 1. Взаимосвязь воспринимаемой угрозы коронавируса с воспринимаемой близостью с семьей при различном уровне вовлеченности в ИКТ.

Fig. 1. Graphical depiction of the Interaction effect between Perceived Coronavirus Threat and different levels of ICT use for perceived closeness with Family.

Таким образом, можно сказать, что в период пандемии без учета использования средств ИКТ у людей ослабли взаимоотношения именно с друзьями из-за снижения контактности, в то время как отношения с семьей остались на том же уровне.

Из вышеуказанных таблиц можно увидеть, что значимые связи эффекта модерации показали лишь три модели, на которых мы более подробно остановимся.

На рисунке 1 графически представлен эффект модерации. Мы можем видеть, что при разном уровне вовлеченности в использование ИКТ, связь между воспринимаемой угрозой COVID-19 и оценкой сближения с семьей носит положительный характер (сплошная линия на рис. 1). Обратный эффект мы наблюдаем у людей, которые мало используют ИКТ (прерывистая линия на рис. 1).

Данные, отображенные на рисунке 2 свидетельствуют о том, что при высоком уровне вовлеченности в ИКТ с ростом воспринимаемой угрозы коронавируса отношения с друзьями практически не меняются (сплошная линия на рис. 2). При низком же уровне вовлеченности в ИКТ и при росте воспринимаемой угрозы коронавируса отношения с друзьями становятся менее крепкими (прерывистая линия на рис. 2).

Предположение о том, что высокая вовлеченность в использование ИКТ во время пандемии коронавируса помогает россиянам поддерживать «сильные связи» с семьей и друзьями, оказалось верным.

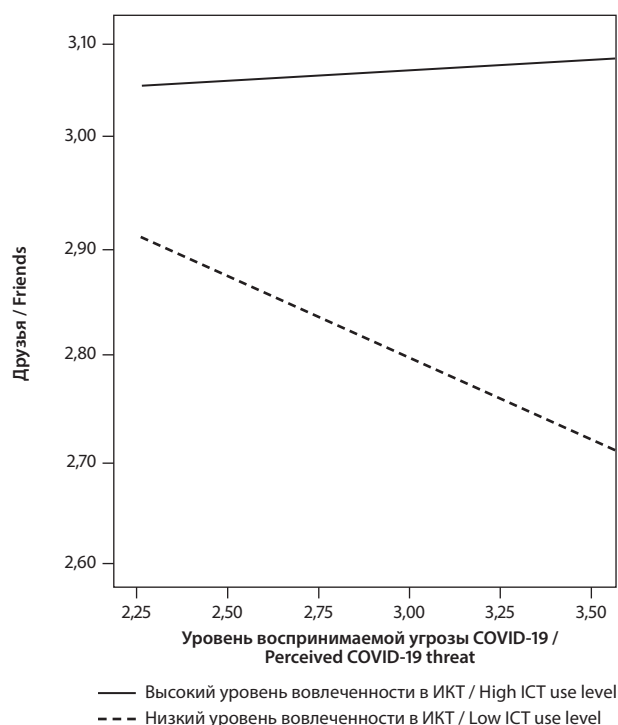

Рис. 2. Взаимосвязь воспринимаемой угрозы коронавируса с воспринимаемой близостью с друзьями при различном уровне вовлеченности в ИКТ.

Fig. 2. Graphical Depiction of the Interaction effect between Perceived Coronavirus Threat and Different Levels of ICT Use for Perceived Closeness with Friends.

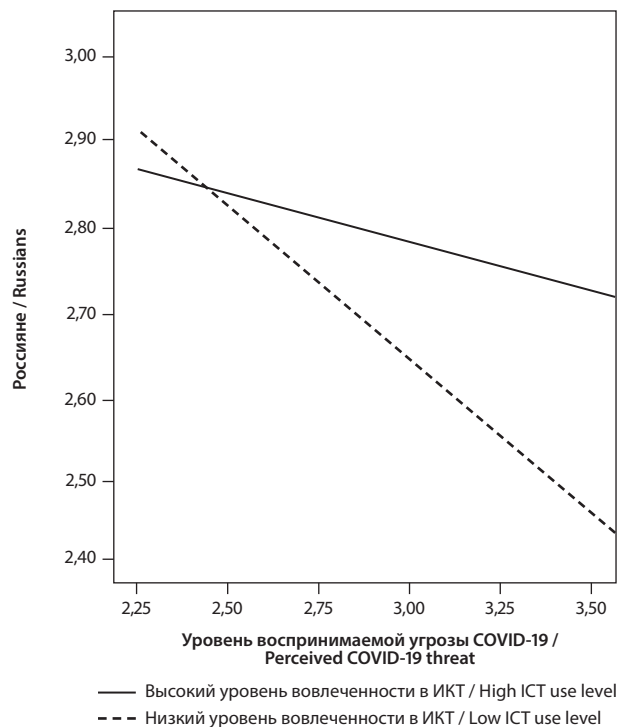

Рис. 3. Взаимосвязь воспринимаемой угрозы коронавируса с воспринимаемой близостью с россиянами при различном уровне вовлеченности в ИКТ.

Fig. 3. Graphical Depiction of the Interaction Effect Between Perceived Coronavirus Threat and Different Levels of ICT Use for Perceived Closeness with Russians.

На рисунке 3 показано, как в зависимости от уровня вовлеченности в использование ИКТ меняется направление связи между воспринимаемой близостью с россиянами и уровнем воспринимаемой угрозы COVID-19. При высоком уровне использования средств ИКТ направление взаимосвязи воспринимаемой угрозы коронавируса с воспринимаемой близостью с россиянами почти не меняется (сплошная линия на рис. 3). При низком же уровне использования ИКТ взаимосвязь воспринимаемой угрозы коронавируса с воспринимаемой близостью с согражданами становится негативной (прерывистая линия на рис. 3).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило определить, насколько эффективна вовлеченность в использование ИКТ для поддержания социального капитала россиян на индивидуальном уровне в период пандемии COVID-19.

Наше предположение о том, что высокий уровень воспринимаемой угрозы коронавируса при ограничении физических социальных контактов может отрицательно отразиться на социальном капитале россиян, поскольку «сильные» и «слабые связи» будут ослабевать в связи с определенными факторами риска, оказалось частично верным.

Мы можем наблюдать тенденцию в ослаблении взаимоотношений именно с друзьями из-за снижения контактности, в то время как отношения с семьей остались на том же уровне. Этот факт можно объяснить следствием изоляции, воссоединением и постоянным сожительством с членами семьи во время пандемии COVID-19. Общение с друзьями, по сути, часто зависит от желания человека поддерживать эти связи. Тот факт, что угроза коронавируса не связана с воспринимаемой близостью с коллегами и соседями может говорить о том, что, в целом, общение с ними носит непостоянный характер и взаимодействие с ними оказывается лишь на вынужденном уровне. Избегание физических контактов с людьми, не из круга семьи, можно объяснить тем, что страх заразиться коронавирусной инфекцией порождает глубинные изменения восприятия другого человека как партнера по общению, формируя сверхосторожное отношение к личному общению в принципе (Луковцева, 2020).

Негативная взаимосвязь воспринимаемой угрозы COVID-19 с воспринимаемой близостью с жителями города и жителями страны кажется тоже вполне логичной. В период пандемии поддержание «слабых связей» на стабильном или высоком уровне было бы возможно без учета физического дистанцирования, локдаунов, карантинных мер и закрытых границ. В условиях распространения коронавирусной инфекции взаимодействие с малознакомыми людьми может быть опасным, так как может представлять угрозу жизни и здоровью (Borgonovi, Andrieu, 2020).

Данные настоящего исследования чрезвычайно важны, так как демонстрируют, что высокий уровень воспринимаемой угрозы COVID-19 может отрицательно отразиться на «сильных» и «слабых связях» россиян, поскольку некоторые западные исследования, проведенные с начала пандемии, показали, что социальный капитал служит важным ресурсом для преодоления болезни (Barrios et al., 2021; Makridis, Wu, 2021; Xu et al., 2020), а также поддержания оптимального уровня субъективного благополучия (Jean-Baptiste et al., 2020; Pennington, 2021).

Возможность укреплять и поддерживать социальный капитал с помощью средств ИКТ соответствует ранним исследованиям, посвященным изучению использования социальных сетей во время потенциальных кризисов (Austin et al., 2012; Dussailant, Gussman, 2015; Li et al., 2019; Neubaum et al., 2014). В свою очередь результаты настоящего исследования также демонстрируют, что компьютерно-опосредованная коммуникация может применяться для укрепления и поддержания семейных уз во время пандемии коронавируса.

Респонденты, активно использующие ИКТ отмечают, что в условиях воспринимаемой угрозы пандемии стали более плотно общаться с членами семьи. Вполне возможно, что роль ИКТ в данном случае очень обширна: они могут служить и средством коммуникации, и средством получения информации о пандемии, которой люди делятся со своими родственниками. Например, с пожилыми членами семьи или страдающими хроническими заболеваниями, которым рекомендовано оставаться в режиме самоизоляции на дому ввиду высокой динамики развития коронавирусной инфекции.

Однако, чем выше воспринимаемая угроза COVID-19, тем больше респонденты отмечают, что отделились от членов семьи. В данном случае, вероятно, слабое использование ИКТ мешает полноценно обмениваться информацией с родственниками. Можно также предположить, что причина слабого использования ИКТ кроется в «цифровом разрыве» между поколениями (Счетная палата Российской Федерации, 2020).

В отношении друзей результаты выглядят немного иначе. Респонденты, активно использующие ИКТ, отмечают, что в условиях угрозы COVID-19 воспринимаемая близость друзьями практически не изменилась. По всей видимости, связь в кругу друзей чаще всего поддерживается при помощи социальных сетей, мессенджеров и т.д., поэтому в период пандемии мало что изменилось.

Однако, как и в случае семьи, чем выше воспринимаемая угроза COVID-19, тем более заметно отдаление от друзей. Вероятно, ИКТ не могут служить средством профилактики пресыщенности общением во время локдаунов.

Особый интерес представляют данные о поддержании «слабых связей». С помощью социальных медиа (блоги, форумы, социальные сети, сайты знакомств, новостные сайты, онлайн-игры и т.д.), приложений

для получения разных видов услуг (такси, онлайн-бронирования, заказа еды, сервисов онлайн-покупки/продажи и т.д.) респонденты могут чувствовать сопричастность к жителям страны, поддерживать и укреплять свои «слабые связи», несмотря на локдауны и другие ограничительные меры из-за пандемии коронавируса. Впрочем, при условии «цифрового разрыва» или просто нежелании использовать ИКТ для поддержания «слабых связей» воспринимаемая близость с согражданами в период пандемии ослабевает.

Заключение

В этом исследовании мы изучали роль связи воспринимаемой угрозы коронавируса с социальным капиталом на индивидуальном уровне. Также мы изучали роль ИКТ как средство сохранения социального капитала. Мы предложили 2 гипотезы. Воспринимаемая угроза заболевания COVID-19 отрицательно связана с уровнем индивидуального социального капитала россиян. При условии высокой вовлеченности в использование ИКТ, воспринимаемая угроза заболевания COVID-19 не демонстрирует отрицательной связи с индивидуальным социальным капиталом.

Гипотеза 1 подтвердилась частично. Воспринимаемая угроза коронавируса может негативно сказаться на наших взаимоотношениях с друзьями во время пандемии, тем самым ослабить «сильные связи». Также воспринимаемая угроза сказывается негативно и на взаимоотношениях с людьми, с которыми мы общаемся значительно реже (в нашем случае, жители страны). Не было найдено значимой взаимосвязи между воспринимаемой угрозой коронавируса и воспринимаемой близостью с семьей, коллегами, соседями и жителями города.

Гипотеза 2 тоже подтвердилась частично. При высоком уровне вовлеченности в использование ИКТ с ростом воспринимаемой угрозы заболевания COVID-19 воспринимаемая близость с семьей и друзьями («сильные связи») заметно выше, чем при

низком уровне вовлеченности в ИКТ, а также воспринимаемая близость с жителями России («слабые связи»). Не было найдено значимой взаимосвязи между воспринимаемой угрозой коронавируса и воспринимаемой близостью с коллегами, соседями, жителями города.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что в условиях пандемии COVID-19 вовлеченность в использование ИКТ позволяет поддерживать и усиливать существующие социальные связи с семьей. Благодаря компьютерно-опосредованной коммуникации можно поддерживать близость с друзьями, а также чувствовать себя более сопричастными к другим россиянам, т.к. в указанных случаях использование ИКТ позволяет сохранить социальный капитал при вынужденном ограничении физических социальных контактов.

Настоящее исследование могло быть более интересным, если бы было лонгитюдным. Например, можно было бы посмотреть на изменение уровня воспринимаемой угрозы COVID-19 во время активной вакцинации населения.

Из ограничений можно выделить следующее: участникам исследования были заданы вопросы о подтверждении факта перенесенного заболевания (ими самими или их близкими, знакомыми). Ответы на эти вопросы могли основываться на ощущениях, а не медицинских фактах. Стоит отметить и то, что на момент исследования в разных городах России карантинные меры соблюдались по-разному, что могло повлиять на уровень воспринимаемой угрозы коронавирусной инфекции респондентов из маленьких городов. Кроме того, люди, не имеющие средств ИКТ, обладающие низким уровнем цифровой грамотности, не смогли получить доступ к нашему опросу. Как результат, не хватает опыта и восприятия определенной группы населения.

В ближайшее время также планируется изучить, как вовлеченность в использование ИКТ для поддержки «сильных» и «слабых связей» повлияла на наше субъективное благополучие во время пандемии коронавируса.

Литература:

- Луковцева З.В. Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11, № 4. С. 13–25. doi: 10.17759/sps.2020110402
- Татарко А.Н., Макласова Е.В., Лепшокова З.Х., Галяпина В.Н., Ефремова М.В., Дубров Д.И., Бульцева М.А., Бушина Е.В., Миронова А.А. Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 1. С. 159–179. doi: 10.17759/sps.2020110110
- Счетная палата Российской Федерации. (2020). Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf> (дата обращения 17.07.2021).
- Ammar, A., Chtourou, H., Boukhris, O., Trabelsi, K., Masmoudi, L., Brach, M., ... & ECLB-COVID19 Consortium. (2020). COVID-19 home confinement negatively impacts social participation and life satisfaction: a worldwide multicenter study. *International journal of environmental research and public health*, 17 (17), 6237. doi: 10.3390/ijerph17176237
- Austin, L., Liu, B.F., & Jin, Y. (2012). How audiences seek out crisis information: Exploring the social-mediated crisis communication model. *Journal of Applied Communication Research*, 40 (2), 188–207. doi: 10.1080/00909882.2012.654498
- Bae, S.M. (2019). The relationship between smartphone use for communication, social capital, and subjective well-being in Korean adolescents: verification using multiple latent growth modeling. *Children and Youth Services Review*, 96, 93–99. doi: 10.1016/j.childyouth.2018.11.032

- Bano, S., Cisheng, W., Khan, A.N., Khan, N.A. (2019). WhatsApp use and student's psychological well-being: role of social capital and social integration. *Children and Youth Services Review*, 103, 200–208. doi: 10.1016/j.childyouth.2019.06.002
- Barrios, J.M., Benmelech, E., Hochberg, Y.V., Sapienza, P., Zingales, L. (2021). Civic capital and social distancing during the Covid-19 pandemic. *Journal of public economics*, 193, 104310. doi: 10.1016/j.jpubeco.2020.104310
- Borgonovi, F., & Andrieu, E. (2020). Bowling together by bowling alone: Social capital and Covid-19. *Social Science & Medicine* (1982), 265, 113501. doi: 10.1016/j.socscimed.2020.113501
- Chen, H.T., Li, X. (2017). The contribution of mobile social media to social capital and psychological well-being: examining the role of communicative use, friending and self-disclosure. *Computers in Human Behavior*, 75. doi: 10.1016/j.chb.2017.06.011
- Claridge, T. (2020). Individual social capital and COVID-19. [Electronic resource]. URL: <https://www.socialcapitalresearch.com/individual-social-capital-and-covid-19/> (date of retrieval: 17.05.2021).
- Conway, L., Woodard, S.R., Zubrod, A. (2020). Social psychological measurements of COVID-19: Coronavirus perceived threat, government response, impact and experiences questionnaires. [Electronic resource]. URL: <https://psyarxiv.com/z2x9a/download?format=pdf> (date of retrieval: 10.05.2021).
- Dussailant, F., Guzman, E. (2015). Disasters as an Opportunity to Build Social Capital. *International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience*, 17 (3), 661–663. doi: 10.4172/1522-4821.1000270
- Ellison, N.B., Vitak, J., Gray, R., Lampe, C. (2014). Cultivating social resources on social network sites: Facebook relationship maintenance behaviors and their role in social capital processes. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 19, 855–870. doi: 10.1111/jcc4.12078.
- Granovetter, M. (1974). *Getting a job: A study of contacts and careers*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hayes, A.F. (2013). *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: Methodology in the social sciences*. New York: Guilford Press.
- Jean-Baptiste, C.O., Herring, R.P., Beeson, W.L., Hildemar, D.S., Banta, J.E. (2020). Stressful life events and social capital during the early phase of COVID-19 in the U.S. *Social Sciences & Humanities Open*, 2 (1). doi: 10.1016/j.ssaho.2020.100057.
- Jurcik, T., Jarvis, G.E., Zeleskov, Doric J., Krasavtseva, Y., Yaltonskaya, A., Ogiwara, K., Grigoryan, K. (2020). Adapting mental health services to the COVID-19 pandemic: Reflections from professionals in four countries. *Counselling Psychology Quarterly*, 1–27. doi: 10.1080/09515070.2020.1785846
- Kawachi, I. (2010). Social capital and health. In C.E. Bird, P. Conrad, A.M. Fremont, S. Timmermans (Eds.), *Handbook of medical sociology* (pp.18–32) Nashville, TN: Vanderbilt University Press. doi: 10.1007:2F978-0-387-71311-3_14
- Kim, C., Shen, C. (2020). Connecting activities on social network sites and life satisfaction: a comparison of older and younger users. *Computers in Human Behaviour*, 105. doi: 10.1016/j.chb.2019.106222
- Kraut, R., & Burke, M. (2015). Internet use and psychological well-being: effects of activity and audience. *Communications of the ACM*, 58 (12), 94–100. doi: 10.1145/2739043
- Li, J., Stephens, K.K., Zhu, Y., Murthy, D. (2019). Using social media to call for help in Hurricane Harvey: Bonding emotion, culture, and community relationships. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 38, 1–8. doi: 10.1016/j.ijdr.2019.101212
- Makridis, C.A., Wu, C. (2021). How social capital helps communities weather the COVID-19 pandemic. *PloS one*, 16 (1), e0245135. doi: 10.1371/journal.pone.0245135
- Neubaum, G., Rösner, L., Rosenthal-von der Pütten, A.M., Krämer N.C. (2014). Psychosocial functions of social media usage in a disaster situation: A multimethodological approach. *Computers in Human Behavior*, 34, 28–38. doi: 10.1016/j.chb.2014.01.021
- Pennington, N. (2021) Communication outside of the home through social media during COVID-19. *Computers in Human Behavior Reports*, 4. doi: 10.1016/j.chbr.2021.100118
- Pew Research Center. (2020a). From virtual parties to ordering food, how Americans are using the internet during COVID-19. [Electronic resource]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/30/from-virtual-parties-to-ordering-food-how-americans-are-using-the-internet-during-covid-19/> (date of retrieval: 08.05.2021).
- Pew Research Center. (2020b). Experiences with the COVID-19 outbreak can vary for Americans of different ages. [Electronic resource]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/06/16/experiences-with-the-covid-19-outbreak-can-vary-for-americans-of-different-ages/> (date of retrieval: 08.05.2021).
- Spottswood, E.L., Wohn, D.Y. (2020). Online social capital: recent trends in research. *Current Opinion in Psychology*, 36, 147–152. doi: 10.1016/j.copsyc.2020.07.031.
- Tobin, S.J., Chant, G., Clay, R. (2020). Interpersonal goals as predictors of Facebook use, social capital, and envy. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 23 (4), 257–263. doi: 10.1089/cyber.2019.0446
- Wellman, B., Quan-Haase, A., Boase, J., Chen, W., Hampton, K., Díaz, I., Miyata, K. (2006). The social affordances of the internet for networked individualism. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 8 (3). doi: 10.1111/j.1083-6101.2003.tb00216.x
- World Health Organization. (2020). Mental health and COVID-19. [Electronic resource]. URL: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/publications-and-technical-guidance/noncommunicable-diseases/mental-health-and-covid-19> (date of retrieval: 01.05.2021).
- Xu, L., Guo, M., Nicholas, S., Sun, L., Yang, F. (2020). Disease causing poverty: adapting the Onyx and Bullen social capital measurement tool for China. *BMC Public Health*, 20. doi: 10.1186/s12889-020-8163-5

References:

- Ammar, A., Chtourou, H., Boukhris, O., Trabelsi, K., Masmoudi, L., Brach, M., ... & ECLB-COVID19 Consortium. (2020). COVID-19 home confinement negatively impacts social participation and life satisfaction: a worldwide multicenter study. *International journal of environmental research and public health*, 17 (17), 6237. doi: 10.3390/ijerph17176237

- Austin, L., Liu, B.F., & Jin, Y. (2012). How audiences seek out crisis information: Exploring the social-mediated crisis communication model. *Journal of Applied Communication Research*, 40 (2), 188–207. doi: 10.1080/00909882.2012.654498
- Bae, S.M. (2019). The relationship between smartphone use for communication, social capital, and subjective well-being in Korean adolescents: verification using multiple latent growth modeling. *Children and Youth Services Review*, 96, 93–99. doi: 10.1016/j.childyouth.2018.11.032
- Bano, S., Cisheng, W., Khan, A.N., Khan, N.A. (2019). WhatsApp use and student's psychological well-being: role of social capital and social integration. *Children and Youth Services Review*, 103, 200–208. doi: 10.1016/j.childyouth.2019.06.002
- Barrios, J.M., Benmelech, E., Hochberg, Y.V., Sapienza, P. & Zingales, L. (2021). Civic capital and social distancing during the Covid-19 pandemic. *Journal of public economics*, 193, 104310. doi: 10.1016/j.jpubeco.2020.104310
- Borgonovi, F., & Andrieu, E. (2020). Bowling together by bowling alone: Social capital and Covid-19. *Social Science & Medicine* (1982), 265, 113501. doi: 10.1016/j.socscimed.2020.113501
- Chen, H.T., Li, X. (2017). The contribution of mobile social media to social capital and psychological well-being: examining the role of communicative use, friending and self-disclosure. *Computers in Human Behavior*, 75. doi: 10.1016/j.chb.2017.06.011
- Claridge, T. (2020). Individual social capital and COVID-19. (Retrieved from <https://www.socialcapitalresearch.com/individual-social-capital-and-covid-19/> (review date: 17.05.2021)).
- Conway, L., Woodard, S.R., Zubrod, A. (2020). Social psychological measurements of COVID-19: Coronavirus perceived threat, government response, impact and experiences questionnaires. (Retrieved from <https://psyarxiv.com/z2x9a/download?format=pdf> (review date: 10.05.2021)).
- Department for International and Regional Cooperation. Sotsialnye posledstviya pandemii COVID-19 i inkluzivnost (Social Consequences of the COVID-19 Pandemic and Inclusiveness) (2020). (Retrieved from <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf> (review date: 17.07.2021)).
- Dussailant, F., Guzman, E. (2015). Disasters as an Opportunity to Build Social Capital. *International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience*, 17 (3), 661–663. doi: 10.4172/1522-4821.1000270
- Ellison, N.B., Vitak, J., Gray, R., & Lampe, C. (2014). Cultivating social resources on social network sites: Facebook relationship maintenance behaviors and their role in social capital processes. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 19, 855–870. doi: 10.1111/jcc4.12078.
- Granovetter, M. (1974). *Getting a job: A study of contacts and careers*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hayes, A.F. (2013). *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: Methodology in the social sciences*. New York: Guilford Press.
- Jean-Baptiste, C.O., Herring, R.P., Beeson, W.L., Hildemar, D.S., Banta, J.E. (2020). Stressful life events and social capital during the early phase of COVID-19 in the U.S. *Social Sciences & Humanities Open*, 2 (1). doi: 10.1016/j.ssaho.2020.100057.
- Jurcik, T., Jarvis, G.E., Zeleskov, D., Krasavtseva, Yaltonskaya, A., Ogiwara, K., Grigoryan, K. (2020). Adapting mental health services to the COVID-19 pandemic: Reflections from professionals in four countries. *Counselling Psychology Quarterly*, 1–27. DOI: 10.1080/09515070.2020.1785846
- Kawachi, I. (2010). Social capital and health. In C.E. Bird, P. Conrad, A.M. Fremont, & S. Timmermans (Eds.), *Handbook of medical sociology*. Nashville, TN: Vanderbilt University Press, 18–32. doi: 10.1007/2f978-0-387-71311-3_14
- Kim, C., Shen, C. (2020). Connecting activities on social network sites and life satisfaction: a comparison of older and younger users. *Computers in Human Behaviour*, 105. doi: 10.1016/j.chb.2019.106222
- Kraut, R., & Burke, M. (2015). Internet use and psychological well-being: effects of activity and audience. *Communications of the ACM*, 58 (12), 94–100. DOI:10.1145/2739043
- Li, J., Stephens, K.K., Zhu, Y., & Murthy, D. (2019). Using social media to call for help in Hurricane Harvey: Bonding emotion, culture, and community relationships. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 38, 1–8. doi: 10.1016/j.ijdrr.2019.101212
- Lukovtseva, Z.V. (2020). The COVID-19 Pandemic as a Social Stressor: Psychological and Psychiatric Risk Factors (Based on Foreign Studies). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. (Social Psychology and Society)*, 11 (4), 13–25. doi:10.17759/sps.2020110402 (in Russ.)
- Makridis, C.A., Wu, C. (2021). How social capital helps communities weather the COVID-19 pandemic. *PLoS one*, 16 (1), e0245135. doi: 10.1371/journal.pone.0245135
- Neubaum, G., Rösner, L., Rosenthal-von der Pütten, A.M., & Krämer, N.C. (2014). Psychosocial functions of social media usage in a disaster situation: A multimethodological approach. *Computers in Human Behavior*, 34, 28–38. doi: 10.1016/j.chb.2014.01.021
- Pennington, N. (2021) Communication outside of the home through social media during COVID-19. *Computers in Human Behavior Reports*, 4. doi: 10.1016/j.chbr.2021.100118
- Pew Research Center. (2020a). From virtual parties to ordering food, how Americans are using the internet during COVID-19. (Retrieved from <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/30/from-virtual-parties-to-ordering-food-how-americans-are-using-the-internet-during-covid-19/> (review date: 08.05.2021)).
- Pew Research Center. (2020b). Experiences with the COVID-19 outbreak can vary for Americans of different ages. (Retrieved from <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/06/16/experiences-with-the-covid-19-outbreak-can-vary-for-americans-of-different-ages/> (review date: 08.05.2021)).
- Spottswood, E.L., & Wohn, D.Y. (2020). Online social capital: recent trends in research. *current opinion in psychology*, 36, 147–152. doi: 10.1016/j.copsyc.2020.07.031
- Tatarko, A.N., Maklasova, E.V., Lepshokova, Z.K., Galyapina, V.N., Efremova, M.V., Dubrov, D.I., Bultseva, M.A., Bushina, E.V., Mironova, A.A. (2020). Assessment Methodology of Involvement in Information and Communication Technology Using. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. (Social Psychology and Society)*, 11 (1), 159–179. doi: 10.17759/sps.2020110110 (in Russ.).

- Tobin, S.J., Chant, G., Clay, R. (2020). Interpersonal goals as predictors of Facebook use, social capital, and envy. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 23 (4), 257–263. doi: 10.1089/cyber.2019.0446
- Wellman, B., Quan-Haase, A., Boase, J., Chen, W., Hampton, K., Díaz, I., Miyata, K. (2006). The social affordances of the internet for networked individualism. *Journal of Computer-mediated communication*, 8 (3). doi: 10.1111/j.1083-6101.2003.tb00216.x
- World Health Organization. (2020). Mental health and COVID-19. (Retrieved from <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/publications-and-technical-guidance/noncommunicable-diseases/mental-health-and-covid-19> (review date: 01.05.2021).
- Xu, L., Guo, M., Nicholas, S., Sun, L., & Yang, F. (2020). Disease causing poverty: adapting the Onyx and Bullen social capital measurement tool for China. *BMC Public Health*, 20. doi: 10.1186/s12889-020-8163-5

Социальная идентичность и предпочтения потребителей: исследование взаимосвязи (на примере продуктов питания отечественных производителей)

А.Д. Волкова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4216-9328

Н.Л. Иванова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7886-8203

О.И. Патоша*, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8278-1343

*Для контактов: opatosha@hse.ru

Актуальность. В условиях растущей роли экономической среды в социализации современного человека повышается интерес к пониманию социально-психологических механизмов поведения человека при выборе товаров. Экономические реалии находят отражение в самоидентификации личности по отношению к другим людям и социальным структурам. Актуальным является исследование взаимосвязи социальной идентичности и особенностей потребительского поведения при выборе товаров. В то же время различные аспекты социальной идентичности в связи с особенностями предпочтения потребителей остаются слабо изученными в социальной психологии.

Цель. Исследование направлено на выявление связи между компонентами социальной идентичности и особенностями предпочтений потребителей (на примере продуктов питания отечественных производителей).

Описание хода исследования. Исследование проводилось в онлайн-формате путем предъявления респондентам опросника, включающего вопросы о предпочтениях потребителей и компонентах социальной идентичности. Выборка целевая экспертная: потребители продуктов питания отечественного производства, граждане РФ, в возрасте от 25 до 67 лет (N = 200).

Результаты исследования. Выявлена взаимосвязь когнитивных и ценностных компонентов социальной идентичности с особенностями предпочтений потребителей, касающихся общего отношения к продуктам, их характеристикам и критериям выбора. Больше значимых связей обнаружено между ценностными компонентами и всеми проявлениями потребительских предпочтений. Обнаружена взаимосвязь между локальной и мировой идентичностью и предпочтением продуктов питания отечественного производства, а также особенности критериев выбора продуктов питания у потребителей с различной выраженностью когнитивного компонента социальной идентичности.

Выводы. Получены новые данные о связи когнитивных и ценностных компонентов социальной идентичности и особенностей предпочтений потребителей. Это может служить основой для более глубокого анализа структуры идентичности, понимания роли идентичности в поведении потребителей. Основные ограничения исследования касаются применяемых методов и выборки.

Ключевые слова: социальная идентичность, потребительские предпочтения, компоненты социальной идентичности, потребительское поведение.

Для цитирования: Волкова А.Д., Иванова Н.Л., Патоша О.И. Социальная идентичность и предпочтения потребителей: исследование взаимосвязи (на примере продуктов питания отечественных производителей) // Национальный психологический журнал. 2021. № 4(44). С. 39–52. doi: 10.11621/npj.2021.0404

Поступила 30 июля 2021 / Принята к публикации 4 декабря 2021

Social Identity and Consumer Preferences: Search for Relationship (Example of Local Food)

Anastasiia D. Volkova, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4216-9328

Natalia L. Ivanova, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7886-8203

Olga I. Patosha*, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8278-1343

*Corresponding author: opatosha@hse.ru

Background. With the growing role of economic environment in the socialization of a modern person, there is an increasing interest in understanding the socio-psychological mechanisms of human behavior when choosing goods. Economic realms are reflected in the self-identification of the individual in relation to other people and social structures. The study of the relationship between social identity and the features of consumer behavior when choosing goods is relevant. At the same time, various aspects of social identity in connection with the peculiarities of consumer preferences remain poorly studied in social psychology.

Objective. The study is aimed at identifying the relationship between the components of social identity and the characteristics of consumer preferences (using the example of locally produced food).

Design. The study was conducted online by presenting respondents with a questionnaire that included questions about consumer preferences and components of social identity. The sample was targeted by experts: consumers of food products of local production, citizens of the Russian Federation, aged 25 to 67 years (N = 200).

Results. The interrelation of cognitive and value components of social identity with the peculiarities of consumer preferences concerning general attitude to products, their characteristics and selection criteria is revealed. More significant connections were found between value components and all manifestations of consumer preferences. The interrelation between local and world identity and preference for food products of domestic production, as well as the features of the criteria for choosing food products among consumers with different severity of the cognitive component of social identity, has been revealed.

Conclusion. New data on the relationship between cognitive and value components of social identity and the characteristics of consumer preferences were obtained. They can serve as a basis for a deeper analysis of the identity structure, understanding the role of identity in consumer behavior. The main limitations of the study relate to the sample and the methods used.

Key words: social identity, consumer preferences, components of social identity, consumer behavior.

For citation: Volkova, A.D., Ivanova, N.L., Patosha, O.I. (2021) Social Identity and Consumer Preferences: Search for Relationship (Example of Local Food), [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 4 (44), 39–52. doi: 10.11621/npj.2021.0404

Received July 30, 2021 / Accepted for publication December 4, 2021

Введение

Проблема идентичности относится к числу актуальных предметных областей социальной психологии личности уже на протяжении нескольких десятилетий. Как отмечала Г.М. Андреева, социальная идентичность — это одна из приоритетных тем современной психологии социального познания, которая имеет отношение к самым острым проблемам современности. Социальная идентичность является результатом социализации, самоопределения человека в социальной среде, соотнесения себя с определенной социальной общностью (Андреева, 2017). Социальная идентичность является существенным основанием для определения новых ориентиров в социальном пространстве. В социальной идентичности, по Е.А. Климову, выражается содержательный результат и процессуальный смысл самоопределения.

Подчеркнем, что в современных условиях особый интерес вызывают механизмы идентификации и проявления идентичности в связи с изменениями со-

циального пространства личности (Думанова, 2017), процессом глобализации, сопровождающегося размыванием границ между государствами (Нестик, 2017), усилением тенденции локализации, проявляющейся, в том числе, в развитии внутреннего туризма, отечественного бизнеса (Евстигеев, 2017).

Самоопределение современного человека трудно представить вне экономической среды, определяющей социальные отношения, коммуникации и многие другие стороны жизнедеятельности людей. Покупатель становится центральным звеном системы экономических отношений, а потребительское поведение — одним из ведущих элементов социальных действий, направленных на удовлетворение потребностей человека. Такие понятия как рынок, деньги, товары, бренды находят отражение в самосознании личности, системе ценностного осмысления действительности (Посыпанова, 2013).

Не случайно, в последние годы появились работы о взаимосвязи различных аспектов социального самоопределения и особенностей потребительского поведения (Sobola, Clevelandb, Laroche, 2018, Wang, 2017, Ye,

Анастасия Дмитриевна Волкова — аспирантка департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0002-4216-9328

Anastasia D. Volkova — Postgraduate Student, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0002-4216-9328

Наталья Львовна Иванова — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории организаций, факультета социальных наук департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0001-7886-8203

Natalya L. Ivanova — Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Organization Theory, Faculty of Social Sciences, Department of Politics and Management, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0001-7886-8203

Ольга Ивановна Патоша — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0002-8278-1343

Olga I. Patosha — PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0002-8278-1343

Thomas Post, 2020). Например, на уровне теоретического анализа было показано, что стиль потребления может быть фактором формирования социальной идентичности (Бородулина, 2013). Кроме того, было выявлено, что особенности идентичности могут быть связаны с символическим характером современного потребления (Wanga, Torellib, Lalwani, 2020; Planck, 2010), расширением сферы предпочтения продуктов (Патоша, Волкова, 2020), восприятием брендов и формированием стратегий потребительского поведения (Антонова, Патоша, 2017; Reyes-Menendez, 2020).

Надо отметить, что появляются работы, в которых показано, что механизмы идентификации не только отражают потребительский спрос, но и, по сути, лежат в основе предложений компаний потребителям (Byun, Jones, Wooldridge, 2018). В частности, благодаря приобретаемым товарам, человек поддерживает и демонстрирует свою личностную и социальную определенность, передает информацию о себе другим людям, тем самым, заявляет о себе в социуме (Planck, 2010).

Появилось даже понятие «потребительская идентичность», которое отражает аспекты социального взаимодействия, эмоционального отношения, межкультурную коммуникацию, сопровождающие процесс покупки (Ahuvia, 2005; Kipnis, Demangeot, Pullig, Broderick, 2019).

Исследования, проводимые в этом направлении, актуальны как с теоретической, так и практической точки зрения. В теоретическом плане они отражают стремление ученых разрешить фундаментальную проблему психологии, которая С.Л. Рубинштейном представлена как «единство сознания и поведения, внутреннего и внешнего бытия человека» (Рубинштейн, 2020). Особенно это касается компонентов личности, в которых выражаются концептуальные представления человека о своем месте и роли в социальной среде, причастности к тем или иным социальным группам. В этой связи интересны работы, в которых было выявлено, что изменения в структуре Я-концепции связаны с потребительским поведением (Liua, 2018). Такая социальная роль как «Потребитель» становится неотъемлемой частью личности. А различные виды самовыражения по отношению к тем или иным людям, группам — формой представления себя другим, способом удовлетворения социальных потребностей, механизмом конструирования чувства идентичности с той или иной группой (Hannele Kaupinen-Räisänen, Björkb, Lönnströmc, Jauffretd, 2018). В то же время, при исследовании двойной культурной принадлежности респондентов, было показано, что сложности в самоопределении создают проблемы в потребительском поведении (Takhar, Jamal, Kizgin, 2021).

В практическом плане обращение к проблеме связи социально-психологических особенностей личности и потребительского поведения направлено на поиск инструментов, повышающих эффективность компании и, как следствие, способность выдержать высокую конкуренцию на внутреннем и внешнем рынке (Liua, 2018). Для российского бизнеса особенно это

важно в настоящий момент, в условиях импортозамещения, усиления ориентации на производстве и реализации отечественных товаров.

Подчеркнем, что существующие работы по данной теме посвящены отдельным аспектам идентичности, но пока еще практически нет исследований, отражающих целостный характер этого явления. Несмотря на растущую потребность в исследовании психологических механизмов и факторов социального самоопределения личности в обществе потребления, недостаточно данных о том, как связано содержание и динамика социальной идентичности с особенностями поведения человека в условиях потребительского выбора, накопления опыта покупки. Остаются открытыми следующие вопросы:

В каких аспектах социальной идентичности в наибольшей степени проявляется потребительский опыт человека?

Чем обусловлен выбор определенных товаров: утилитарными потребностями или смысловыми установками и отношениями, связанными с чувством субъективной причастности индивида к тем или иным группам?

В отношении исследования социальной идентичности важно подчеркнуть, что пока еще сложно говорить о существовании единой концепции в понимании социальной идентичности как социально-психологического феномена. Как отмечает Е.П. Белинская, это связано с появлением большого количества эмпирических исследований, посвященных отдельным аспектам процесса идентификации, отсутствием единой методологии исследования (Белинская, 2018).

Понятие о феномене и механизмах формирования социальной идентичности было раскрыто в теории социальной идентичности и теории самокатегоризации А. Тэшфела и Дж. Тернера в связи с задачами выявления механизмов межгруппового взаимодействия и формирования межгрупповых отношений. Их исследования были направлены на изучение многочисленных видов групповых принадлежностей и поисков ответа на вопрос: влияет ли принадлежность индивида к различным группам на уровень внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дифференциации.

Социальная идентичность в определении А. Тэшфела представляет собой ту часть индивидуальной Я-концепции, которая происходит от знаний индивида о собственной принадлежности к социальной группе или группам вместе с ценностными и эмоциональными проявлениями этой принадлежности (Tajfel, 1979). Механизмы формирования идентичности связаны с процессами самокатегоризации и социального сравнения, благодаря чему, человек осознает свои группы, отделяет их от чужих, ведет себя с другими людьми в соответствии с этим осознанием, которые разделяют его картину мира (Turner, 1987).

Нами социальная идентичность рассматривается как комплексная динамичная личностная характеристика, в структуре которой сочетаются когнитивные и ценностно-мотивационные компоненты. Когнитивные компоненты включают в себя социальные категории, отражающие восприятие человеком сво-

его группового членства, содержательные представления о себе. В исследованиях, как правило, по этим категориям определяют вид идентичности (этническая, семейная, профессиональная и т.п.). Ценностно-мотивационные компоненты отражают нравственную направленность, значимость объектов и явлений для человека (Иванова, 2004). Как отмечал С.Л. Рубинштейн, признаваемая ценность способна выполнять важнейшую ценностную функцию — функцию ориентира поведения (Рубинштейн, 2020). По этим характеристикам определяется направленность идентичности, ее нравственный смысл.

Надо отметить, что в последние годы более четко проявляется тенденция анализа структуры и компонентов идентичности. Исследователи выделяют когнитивные, мотивационные, ценностные и поведенческие компоненты (Стефаненко, 1999, Akhmetzyanova, Nikishina, Petrash, 2017; Weinreich, Saunderson, 2003). При изучении глобальной идентичности, в качестве перспективного направления дальнейших исследований Т.А. Нестик отметил необходимость уточнения аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов глобальной идентичности (Нестик, 2017).

Остаются сложными вопросы о том, как соотносятся между собой различные компоненты в общей структуре социальной идентичности, а также какую роль они играют в поведении человека.

Дж. Тернер допустил существование трех уровней самокатегоризации (или уровней идентичности) и упорядочил различные виды социальной идентичности в рамках целостной структуры: суперординатный — определение себя как части широкой, общности; промежуточный — определение себя в терминах групповой принадлежности; субординатный — определение себя в индивидуальных качествах (Turner, 1987).

Эта идея получила развитие в многочисленных исследованиях, например, для понимания соотношения глобальной и локальной идентификации (Takhar, Jamal, Kizgin, 2021), национальной и более широкой европейской идентичности (Micevskia, Halkiasa, Herzb, 2019), в том числе идентичности потребителя (Tu, Khare, Zhang, 2012).

Проблемой исследования идентичности является слабая проработка вопроса о соотношении компонентов идентичности по другим признакам. В свое время были выделены виды социальной идентичности: базисная, индивидуально-личностная, профессионально-деловая, в которых прослеживалась логика личностного становления в ходе социализации: от идентификации с семьей, этнической группой и другими группами ранней социализации до восприятия своей профессиональной принадлежности (Иванова, 2004).

Новизной нашей работы является то, что компоненты социальной идентичности рассматриваются в связи с таким аспектом поведения потребителей как потребительские предпочтения. По нашему мнению, именно в них выражается вся гамма личностной обусловленности, принятия решений о покупке.

Феномен потребительских предпочтений в последние десятилетия вошел в предметную область психологических исследований благодаря росту интереса к потребительскому поведению в целом, а также к психологическим рычагам управления этим поведением со стороны производителей, дистрибьютеров и продавцов (Посыпанова, 2013). А также благодаря развитию экономической психологии и новых междисциплинарных направлений, таких как психология бизнеса (Иванова, Бентон, Ваддингтон, Махмутова, 2019).

Рассмотрение потребительских предпочтений как социально-психологического феномена и одного из уровней проявления потребительского поведения встречается в работах О.Т. Мельниковой, Т.В. Фоломеевой, О.С. Дейнека, а также С. Камерона, Б. Кемпбелла, Р. Багоцци и др. Потребительские предпочтения рассматриваются как один из основных элементов в структуре принятия потребительских решений, а также как аттитюд. В работах подчеркивается, что потребительские предпочтения связаны с потребительскими нормами, которые определяются обществом и могут изменяться под влиянием социальных изменений.

Понятие «потребительское предпочтение» рассматривается как социально и личностно детерминированное позитивное отношение потребителя к товару или его атрибутам, определяющее выбор продукта (товара) из ряда подобных. По сути, это растянутый во времени процесс принятия решения о покупке товара, обладающего теми или иными свойствами. Этот процесс обусловлен психологическими качествами человека, совершающего покупку, но также оказывает последующее влияние на его личность, отношения, паттерны поведения (Посыпанова, 2013).

Опираясь на подход О.С. Посыпановой, в нашей работе рассматриваются следующие проявления потребительских предпочтений: а) общее отношение (позитивное — негативное) и доверие к товарам и услугам с позиции их субъективной значимости; б) субъективные критерии выбора продукта; в) субъективно значимые характеристики продуктов.

Важно подчеркнуть, что в регуляции процесса потребления большую роль играет, в какой степени удовлетворяется чувство собственного достоинства человека. Иными словами, люди потребляют тем способом, который соответствует их чувству собственного достоинства (White, Argo, Sengupta, 2012). Это очень близко к пониманию механизмов и мотивации формирования социальной идентичности. В рамках теории социальной идентичности, о которой речь шла выше, было показано, что основной мотивацией самоидентификации выступает сохранение или повышение позитивного самоуважения и самооценки (Hogg, Abrams, 1990). Можно сказать, что проявления потребительского поведения, в том числе и потребительские предпочтения, могут выступать своеобразными маркерами построения системы самоидентификации личности.

На наш взгляд в современных социально-экономических реалиях (введение санкций, программа импор-

тозамещения и т.д.), актуальным является изучение предпочтения товаров отечественных производителей в связи с когнитивными и ценностными компонентами идентичности. В экономической психологии исследование такой характеристики товара как страна-происхождения наметилось еще в конце 90-х годов (Maheswaran, 1994). На российской выборке было показано, что фактор отечественного производителя при покупке товаров очень важен в потребительском поведении. Было выявлено, что высокий уровень гражданской идентичности связан с предпочтением отечественных товаров (Патоша, Волкова, 2020).

Эти теоретические основания легли в основу нашего эмпирического исследования социальной идентичности в связи с потребительскими предпочтениями.

Эмпирическое исследование

Исследование направлено на выявление связи между характеристиками социальной идентичности и потребительских предпочтений человека.

Объектом исследования выступала социальная идентичность личности как комплексная характеристика. А предметом — связь когнитивных и ценностных компонентов социальной идентичности с потребительскими предпочтениями, как важнейшими проявлениями потребительского поведения индивида. Учитывая большой общественный интерес к продвижению отечественных товаров и услуг, глобальные задачи, которые стоят перед нашим обществом, рассматривались как потребительские предпочтения к продуктам питания отечественных производителей (ППОП).

Основная гипотеза исследования: когнитивные и ценностные компоненты социальной идентичности специфически связаны с особенностями потребительских предпочтений, такими как позитивное отношение к ППОП и критерии выбора продукта.

Мы считаем, что это обусловлено тем, что именно данные компоненты идентичности определяют поведение человека, в том числе и его предпочтения относительно ППОП.

В рамках развиваемого нами подхода в данном исследовании рассматривались когнитивные и ценностные компоненты идентичности. Роль ценностных аспектов самосознания личности при принятии решения о покупке товара из той или иной страны была отмечена в ряде работ (Патоша, Волкова, 2020). Относительно когнитивных компонентов идентичности данных крайне мало. Можно привести примеры обращения к локальной идентичности в связи с задачами экономического и социального развития городов, но в них не выделяются вопросы непосредственно потребительского поведения (Ming, Zhong, 2020). Поэтому конкретизация гипотезы касалась также и различных по широте компонентов идентичности в их связи с особенностями предпочтений потребителя.

Выборка носила целевой (экспертный) характер. В нее вошли россияне, которые имели четкое представление о своем способе покупок, могли объяс-

нить, почему они покупают продукты отечественного или зарубежного производителя.

Характеристика выборки (№ = 200): возраст — от 25 до 67 лет, 58 мужчин, 142 женщины. Эмпирическое исследование проводилось в различных населенных пунктах России. Среди опрошенных были жители столичных и региональных городов, поселков и т.п.

Методы исследования

На предварительном этапе выявлялись значимые для потребителей параметры покупки продуктов питания путем метода включенного наблюдения и беседы с покупателями в магазинах розничной торговли (№ = 18). Покупателей и продавцов просили дать совет относительно покупки. Фиксировались параметры: модальность высказывания (позитивное, нейтральное, негативное), содержание высказываний (конкретные слова, которыми покупатель описывал товар), среди которых выделялись реализуемые предпочтения, аргументы по цене и качеству товара. К анализу ответов привлечены эксперты, имеющие опыт исследований предпочтений потребителей (5 человек), что позволило составить список значимых характеристик и критериев выбора продуктов, которые были включены в анкету для оценки респондентами.

Основным методом сбора данных был письменный опрос (анкета), который проводился путем рассылки респондентам через Интернет и включал в себя следующие блоки:

1. Социально-демографические данные (пол, возраст, место проживания).

2. Вопросы (открытые и закрытые) о потребительских предпочтениях респондента ППОП.

Открытые вопросы касались выявления общего представления относительно ППОП, а также к выбираемым видам продуктов питания. Респонденты кратко отвечали о том, какие продукты питания они предпочитают и почему. Подсчитывалось количество видов продуктов, покупаемых каждым респондентом. Использовались также вопросы проективного плана (какие ассоциации вызывают отечественные продукты, производители?), направленные на выявление модальности отношения и степени доверия к отечественным продуктам. Проводился подсчет позитивных и выражающих доверие высказываний.

Закрытые вопросы предполагали оценку респондентами заданных параметров. По 5-балльной шкале оценивались:

а) Значимые характеристики продуктов (отечественного и зарубежного производства), отобранные с помощью экспертов на предварительном этапе: качественный, популярный, вкусный, понятный, экологичный, безопасный, натуральный, привычный, современный, высокотехнологичный, полезный, модный.

б) Критерии выбора ППОП: качество, цена, известность бренда/компании, наличие эко-маркировки, доверие к своему производителю, поддержка отечественного производителя, полезный состав продук-

та, доступность выбора, привычка, знакомый вкус, информация о продукте от производителя, доступная информация о технологии производства продукта, поддержка развития экономики и бизнеса страны, широкая рекламная компания продукта, отзывы покупателей.

3. Вопросы, направленные на выявление когнитивных компонентов социальной идентичности.

а) Методика «Кто Я?», которая широко используется при исследовании идентичности для выявления когнитивных компонентов (Augostinos, Walker, 2014; Isbell, McCabe et al., 2013; Lam, Chan et al., 2014).

Респонденты должны были ответить на вопрос: «Кто Я?» (10 и менее ответов).

Качественные самоописания, полученные по методике «Кто Я» были проанализированы с помощью метода контент-анализа с привлечением экспертов — психологов, которые владеют данной методикой (4 человека). В результате экспертной работы были выявлены следующие категории, которые содержательно представляют собой когнитивные компоненты идентичности: рефлексивные, семейные, статусно-ролевые, гражданские, этнические, физические, профессиональные. Далее по всем испытуемым было отмечено наличие или отсутствие каждого из выделенных компонентов идентичности согласно его самоописаниям, что и было в дальнейшем проанализировано.

б) Авторская процедура анализа содержания идентичности. Респонденты оценивали (от 1 до 7), насколько они ощущают себя представителями разных общностей (своей национальности, своего региона, своей страны, а также европейцем и человеком мира). В соответствии с целями нашего исследования выявлялась выраженность следующих видов идентичности: локальная, гражданская, европейская, мировая, профессиональная.

в) Методика оценки субъективной значимости ценностей для изучения ценностного компонента идентичности. Респонденты оценивали по 7-балльной шкале значимость для них следующих ценностей, которые уже рассматривались в связи с исследованием идентичности (Иванова, 2004): профессиональный рост; забота о своем здоровье; общение; материальное благополучие; комфорт; смысл жизни; состояние внешней среды; ценности общества; семья; автономия.

Проводился корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), факторный анализ (использовался метод главных компонент, с последующим вращением матрицы факторных нагрузок методом varimax) с использованием пакета прикладных программ Statistica 10.

Результаты

1. Особенности предпочтений потребителей относительно ППОП

Качественный анализ открытых вопросов о продуктах отечественного производства проводился

методом контент-анализа. Анализ ассоциаций относительно ППОП выявил следующие категории: позитивные ассоциации (например, качество, ГОСТ, экологичность, недорого, доступно, вкусно, свежее, натуральное, без добавок, можно доверять и др.) — 56%, негативные ассоциации (например, дорого, небезопасно, качество ниже среднего, отсталость, неэкологичность, коррупция и др.) — 20%, ассоциации со своим, родным (напр. Родина, привычные, продукты, произведенные в своей стране, в России, патриотизм и др.) — 18%, нейтральные ассоциации (отдельные категории товаров — молоко, овощи, картошка, хлеб, вафли, сгущенка, колбаса и др.) — 16%. В результате анализа незаконченных предложений относительно типичного покупателя ППОП были получены следующие категории: патриот (поддерживает производителя, заботится о экономике страны) — 38%, делает правильный (мудрый) выбор — 20%, заботиться о здоровье, покупает качественное — 11%, консерватор, выходец из СССР, немолодой — 9%, экономит, нет денег — 9%, необразованный, глупый, ограниченный — 7%, вынужден покупать, поскольку нет зарубежных аналогов — 6%.

Таким образом, качественный анализ открытых вопросов относительно ППОП выявил наличие как позитивных, так и некоторых негативных характеристик, при этом ППОП более всего ассоциируется с позитивными атрибутами, с нечто своим, родным, а предпочтение ППОП связано с поддержкой отечественного производителя, правильным решением. Также в качестве факторов предпочтения была обнаружена ограниченность в плане выбора, а также в плане консерватизма и сниженных умственных способностей потребителей. Качество и цена ППОП оказались достаточно спорными атрибутами и попали одновременно как в положительные, так и в отрицательные характеристики. Тем не менее, отрицательных характеристик оказалось гораздо меньше.

Для изучения особенностей потребительских предпочтений товаров отечественного производства был проведен факторный анализ оценок значимых характеристик продуктов питания отечественного и зарубежного производства. Критерий сферичности Барлетта на уровне значимости 0,000, значение КМО 0,905, что свидетельствует о приемлемости использования факторного анализа. В результате анализа графика собственных значений было обнаружено 2 фактора (см. табл. 1), содержательно демонстрирующие выраженные позитивные оценки продуктов питания отечественного производства (фактор 1, процент объясняемой дисперсии 26,81) и продуктов питания зарубежного производства (фактор 2, процент объясняемой дисперсии 26,07).

Таким образом, выявилось 2 фактора, отражающих положительную оценку продуктов питания отечественного производства, а также характеризующих положительную оценку продуктов питания зарубежного производства. Факторы оказались идентичными по содержанию за исключением характеристики «дорогой», которая вошла только в фактор, описывающий продукты зарубежного производства.

Таблица 1. Результаты факторного анализа оценок характеристик продуктов питания отечественного и зарубежного производства

Характеристика	Фактор 1 (характеристики продуктов отечественного производства)	Фактор 2 (характеристики продуктов зарубежного производства)
Качественный	0,834	0,838
Популярный	0,675	0,602
Вкусный	0,837	0,803
Понятный	0,747	0,721
Экологичный	0,849	0,837
Дорогой	–	0,477
Безопасный	0,805	0,788
Натуральный	0,822	0,837
Привычный	0,693	0,596
Современный	0,716	0,742
Высокотехнологичный	0,653	0,762
Полезный	0,865	0,807
Заботящийся	0,840	0,784
Модный	0,540	0,514

Table 1. Results of Factor Analysis for the Assessments of Food Products of Local and Foreign Production

Characteristic	Factor 1 (characteristics of locally produced products)	Factor 2 (characteristics of foreign-made products)
Qualitative	0.834	0.838
Popular	0.675	0.602
Tasty	0.837	0.803
Understandable	0.747	0.721
Eco-friendly	0.849	0.837
Expensive	–	0.477
Safe	0.805	0.788
Natural	0.822	0.837
Habitual	0.693	0.596
Modern	0.716	0.742
High tech	0.653	0.762
Useful	0.865	0.807
Caring	0.840	0.784
Fashionable	0.540	0.514

Факторы посчитаны как отдельные переменные, предварительно была проанализирована согласованность шкал (коэффициент альфа Кронбаха больше 0,9).

Для выявления групп, предпочитающих ППОП в сравнении с зарубежными была посчитана разница между двумя переменными и шкала была преобразована на основе анализа процентилей. Таким образом была получена новая переменная, отражающая оценку отечественных продуктов питания относительно зарубежных в зависимости от предпочтения продуктов питания зарубежного производства до предпочтения продуктов питания отечественного производства.

Далее был проведен анализ критериев выбора ППОП, при этом также использовался факторный анализ оценок данных критериев. Критерий сферичности Бартлетта на уровне значимости 0,000, значение КМО 0,763, что свидетельствует о приемлемости использования факторного анализа. В результате

Таблица 2. Результаты факторного анализа критериев выбора продуктов питания

Критерий	Фактор 1 «Информация о товаре»	Фактор 2 «Поддержка экономики страны»	Фактор 3 «Известность»
Известность бренда/ компании			0,8
Низкая цена		0,5	
Страна-происхождения		0,69	
Поддержка отечественного производителя		0,87	
Состав продукта	0,74		
Информация о продукте от производителя	0,87		
Доступная информация о технологии производства продукта	0,78		
Поддержка развития экономики и бизнеса страны		0,65	
Широкая рекламная кампания компаний продукта			0,84

Table 2. Results of Factor Analysis of Criteria for Choosing Food Products

Criterion	Factor 1 “Product information”	Factor 2 “Support to the country’s economy”	Factor 3 “Fame”
Brand / company popularity			0.8
Low price		0.5	
Country of origin		0.69	
Support of a local manufacturer		0.87	
Composition of the product	0.74		
Manufacturer information	0.87		
Available information on the technology of production	0.78		
Support for the development of the country’s economy and business		0.65	
Wide advertising campaigns for the product			0.84

анализа графика собственных значений было обнаружено 3 фактора (см. табл. 2): информация о товаре (процент объясняемой дисперсии 22), поддержка экономики страны (процент объясняемой дисперсии 20) и известность (процент объясняемой дисперсии 19).

Таким образом были выявлены 3 группы критериев выбора ППОП. В первую группу вошли признаки ППОП, связанные с информацией о товаре — о его составе, производителе, а также технологии производства. Вторая группа описывает критерии, непосредственно отражающие покупку ППОП с целью поддержки экономики страны и отечественного производителя, страна производства и низкая цена также вошли в данную группу критериев. Третья группа критериев связана с известностью — то есть товар приобретается, поскольку он произведен известной компанией или брендом, а также является широко разрекламированным продуктом.

Для дальнейшей обработки данных полученных факторов были преобразованы в переменные, предварительно была проанализирована согласованность шкал (коэффициент альфа Кронбаха больше 0,9).

2. Когнитивные характеристики идентичности и особенности потребительских предпочтений ППОП

Для анализа был использован критерий Манна — Уитни. По результатам анализа не было обнаружено

Таблица 3. Значимые различия выраженности критериев выбора ППОП при наличии различных когнитивных характеристик идентичности

	Информационный критерий	Поддержка экономики страны	Известность
Физическая	U = 4138,5 p = 0,48		
Гражданская		U = 4902 p = 0,44	
Профессиональная		U = 4284 p = 0,47	
Рефлексивная			U = 4592 p = 0,43

Table 3. Significant Differences in the Severity of the Criteria for Choosing Local Food in the Presence of Various Cognitive Characteristics of Identity

	Information criterion	Supporting the country's economy	Fame
Physical	U = 4138.5 p = 0.48		
Civil		U = 4902 p = 0.44	
Professional		U = 4284 p = 0.47	
Reflective			U = 4592 p = 0.43

значимых различий предпочтений ППОП, а также позитивных оценок продуктов питания отечественного и зарубежного производства для изучаемых компонентов идентичности. Тем не менее, значимые отличия были обнаружены для критериев выбора ППОП. Так, согласно табл. 3, информационный критерий более выражен при наличии физического компонента идентичности, критерий поддержки экономики страны и производителя более важен при наличии гражданского и профессионального компонента идентичности. Критерий известности оказался значимо более выражен для рефлексивной идентичности.

Также был проведен корреляционный анализ для выявления взаимосвязи содержания идентичности с предпочтением ППОП. Согласно результатам, значимые связи были обнаружены между предпочтением и оценкой себя как представителя своего региона или города (локальной идентичностью) (0,162, $p < 0,05$), также положительная связь была выявлена между ППОП и представлением себя как человека мира (0,141, $p < 0,05$).

Таким образом, было выявлено, что чем больше человек ощущает себя представителем общества, в котором живет, что отражает локальный компонент социальной идентичности, тем он более выделяет продукты отечественного производства. Более выраженное представление о себе, как о человеке мира, глобальный компонент социальной идентичности, также связан с предпочтением ППОП.

3. Ценностный компонент идентичности и особенности потребительских предпочтений ППОП

Для изучения взаимосвязи ценностного компонента идентичности и особенностей предпочтений ППОП был использован корреляционный анализ. В результате были обнаружены значимые корреляции со всеми ценностями и позитивным отношением к продуктам питания как отечественного, так и зарубежного производства. Относительно критериев выбора также были обнаружены значимые корреляции информационного критерия и критерия известности. Что касается критерия «Поддержка отечественного производителя», значимые корреляции не были обнаружены только с ценностями материального благополучия и ценностью хороших бытовых условий.

При анализе взаимосвязей ценностей с предпочтением ППОП была обнаружена значимая корреляция с ценностью общества (0,162, $p < 0,05$).

Таким образом, мы обнаружили, что позитивное отношение к товарам как отечественного, так и зарубежного производства связано с различными ценностями. В то время как то предпочтение отечественных товаров связано исключительно с ценностью общества. Также были обнаружены некоторые различия во взаимосвязи ценностей с критериями выбора ППОП. Так, выбор «поддержка отечественного производства» оказался значимо не связан с такими материальными ценностями, как материальное благополучие и хорошие бытовые условия.

Обсуждение

Проведенное исследование показало, что закономерности социального самоопределения личности проявляются в условиях потребительского поведения. Развитие рынка, появление новых продуктов и другие аспекты социально-экономической жизни воспринимаются человеком как новые, порой проблемные ситуации, которые запускают работу по самоопределению личности и актуализацию идентичности. На первый план выступают наиболее актуальные в определенном социальном окружении и социальной ситуации элементы идентичности, с которыми связаны особенности поведения человека. Все это проявилось в нашем исследовании.

Видимо, не случайно в условиях растущей конкуренции и санкционного давления, у респондентов с выраженной локальной, гражданской, мировой и профессиональной идентичностью проявилось стремление помочь отечественным производителям и развитию экономики страны в целом (по критерию выбора ППОП). Связь гражданской идентичности и предпочтений товаров отечественного производства уже была обнаружена в исследованиях (Патоша, Волкова, 2020). Отметим, что важная роль локальной идентичности для развития регионов, отмечается в ряде исследований (Лебедев, Истомин, Гущина, 2016; Belanche, Casalo, Flavian, 2017). Но относительно мировой идентичности данных практически нет. Возможно, что люди с широкой, мировой идентичностью обладают большей осведомленностью о принципах конкурентной борьбы за мировые ресурсы, что проявляется в особенностях их принятия решений о покупке. Это может быть направлением дальнейших исследований идентичности. Тенденция исследования различных по масштабу видов идентичности, таких как глобальная и локальная идентичность, явно прослеживается в последнее время (Нестик, 2017; Евстифеев, 2017).

Подчеркнем в связи с этим, что интерес к изучению широты идентичности проявился в последние годы в различных аспектах. Прежде всего, отметим исследования профессиональной идентичности. Например, «узкая» и «широкая» профессиональная идентичность выделяется для того, чтобы подчеркнуть роль опыта профессиональной деятельности в увеличении объема решаемых профессионалом задач (Завалишина, 2001).

В то же время к анализу широты идентичности обращаются при исследовании трансформации идентичности в динамичном обществе, при расширении жизненного пространства и т.п. (З. Бауман, С. Хантингтон и др.). Отмечается тенденция перехода от широких (национальная) идентичностей к узким (групповая, субнациональная, религиозная) (Думнова, 2017). Все это может послужить основой новых направлений исследования идентичности в связи с различными аспектами потребительского поведения.

Также было обнаружено, что когнитивный компонент идентичности связан с критериями выбо-

ра продукта, нежели с позитивным отношением к продукту в целом. При этом критерий известности более значимым оказался для выраженного рефлексивного компонента идентичности у потребителей, а информационный критерий — для физического компонента. Полученные результаты можно обосновать содержательным анализом данных когнитивных компонентов идентичности. Физический компонент связан с описанием внешних данных, собственных физических характеристик. Выраженность данного компонента связана с осознанием своего тела, его физических границ, что является важным фактором формирования самосознания человека. Такие потребители очень серьезно подходят к проблеме выбора продуктов питания и вопрос производителя, состава товара и информации о нем становится очень важным. Рефлексивный компонент идентичности связан с описанием личностных качеств, своих персональных характеристик, таким образом отражает осознанность себя, своих положительных и отрицательных сторон, своего внутреннего мира. Следовательно, широкая рекламная компания для потребителей с выраженным рефлексивным компонентом идентичности оказалась более значимым критерием для выбора. Это может быть обусловлено тем, что для таких потребителей выбор продуктов питания (в данном случае отечественного производства) проходит достаточно просто и в условиях перенасыщенного рынка реклама и известный бренд оказываются решающими критериями выбора.

Вместе с тем получены интересные данные относительно ценностного компонента идентичности, связанного с разделением ценностей общества и предпочтением ППОП. А также отсутствие взаимосвязи материальных ценностей, связанных с благополучием, комфортными условиями и поддержкой экономики страны. Можно предположить, что выбор отечественного производителя оценивается как некоторая общественная норма, подчеркивая важность общества в поддержке экономики страны, при этом такое предпочтение никак не связано с материальным комфортом и благополучием.

Неожиданным результатом работы оказалось появление связи относительно поддержки производителя в качестве критерия выбора ППОП и профессиональной идентичности. Это требует дополнительных исследований. Тем не менее, в литературе подчеркивается, что профессиональная идентичность является результатом ориентации не только в мире профессий и профессионального сообщества, но и более широком социальном окружении (Ермолаева, 2001, 2017). Возможно, что для людей с выраженной профессиональной идентичностью также важны социально-экономические условия жизни в своей стране.

Заключение

Полученные в исследовании данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Обнаружено позитивное отношение как к продуктам питания отечественного, так и зарубежного производства. В качестве критериев выбора товара отечественного производства выделились информационный, поддержка экономики страны и критерий известности.

2. Обнаружена взаимосвязь между локальной и мировой идентичностью и предпочтением ППОП. Выявлены особенности предпочтений потребителей, проявляющихся в критериях выбора продуктов питания у потребителей с выраженностью рефлексивного, физического, гражданского, профессионального когнитивного компонента социальной идентичности.

3. Ценностные компоненты социальной идентичности по-разному соотносятся с особенностями потребительских предпочтений, а именно, большое количество значимых связей выявлено между ценностными компонентами и позитивным отношением к продуктам отечественного и зарубежного производства, а также информационным критерием и критерием известности при выборе ППОП. При этом критерий поддержки экономики страны оказался не связанным только с ценностями материального благополучия и комфортными бытовыми условиями. В целом предпочтение ППОП оказалось связанным с ценностями общества.

Таким образом, поставленные гипотезы частично подтвердились.

Основные ограничения исследования касаются применяемых методов и выборки. Опрос включал са-

моописания, требующие контент-анализа и экспертной оценки, что во многом отражает сложившуюся в психологии традицию изучения компонентов социальной идентичности. В то же время в ходе работы стало ясно, что необходимо разрабатывать стандартизированные процедуры, позволяющие получать более объективные данные о компонентах идентичности. Относительно выборки. Необходимо включить в нее представителей разных социальных статусов, групп. Также в будущем интересно провести анализ изучаемых взаимосвязей при покупке различных продуктов.

Полученные данные могут служить основой для более глубокого анализа структуры идентичности и для понимания роли особенностей когнитивных и ценностных компонентов идентичности в поведении потребителей, смыслового наполнения аргументации отношения к товарам отечественного и зарубежного производства и т.д. Это касается, прежде всего, локальной, гражданской и профессиональной идентичности.

Подчеркнем, что в работе ставились задачи прикладного плана, связанные с выявлением психологических факторов потребительского поведения. Изучение связи идентичности и предпочтения потребителей может дать новые идеи отечественным производителям продуктов питания для разработки маркетинговых концепций и стратегий, что позволит глубже понять социально-психологические механизмы поведения отечественного потребителя при выборе отечественных продуктов питания.

Литература:

- Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2017.
- Антонова Н.В., Патоша О.И. Восприятие брендов и стратегии потребительского поведения. Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017.
- Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, вып. 1. С. 6–15.
- Бородулина С.В. Стиль потребления как фактор формирования социальной идентичности: дисс. ...канд. филос. наук. Барнаул, 2013.
- Думнова Э.М. Специфика самоидентификации социального субъекта в условиях транзитивного общества // Идеи и идеалы. Серия Социологические науки. 2017. Т. 2, № 3 (93). С. 73–79.
- Евстифеев Р.В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3, № 2. С. 3–9.
- Ермолаева Е.П. Мультидисциплинарный подход в модели «человек — профессия — общество» // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2, № 1. С. 3–22.
- Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 4. С. 51–59.
- Завалишина, Д. Н. Способы идентификации человека с профессией // Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. А.В. Брушлинского, А.В. Карпова. М. Ярославль. 2001. С. 104–128.
- Иванова Н., Бентон С., Вадингтон К., Махмутова Е. Тенденции и перспективы развития психологии бизнеса. // Организационная психология. 2019. Т. 9, № 1. [Электронный ресурс] // URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 10.07.2021).
- Иванова Н.Л. Структура социальной идентичности: проблема анализа // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 1. С. 52–60.
- Лебедев С.Д., Истомина А.Г., Гущина В.В. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам количественного исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2, № 2. С. 13–21.
- Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 4 (8). С. 145–185.
- Патоша О.И., Волкова А.Д. Социальная идентичность и доверие в контексте предпочтения продуктов цифровой экономики: теоретический обзор // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3–1 (42). С. 173–177.

- Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. М.: Директ-Медиа. 2013.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: АСТ, 2020.
- Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: дисс. ... д-ра психол. наук. Москва, 1999.
- Ahuvia, A.C. (2005). Beyond the extended self: Loved objects and consumers' identity narratives. *Journal of Consumer Research*, 32 (1), 171–184.
- Akhmetzyanova, A.I., Nikishina, V.B., Petrash, E.A. (2017). Features of the Structure of Addictive Identity in Adolescence. *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*, 12, 619–630.
- Augoustinos, M., Walker, I. (2014). *Social Cognition*. Sage Publications.
- Belanche, D., Casalo, L.V., Flavian, C. (2017). Understanding the cognitive, affective and evaluative components of social urban identity: Determinants, measurement, and practical consequences. *Journal of Environmental Psychology*, 50, 138–153.
- Byun, K., Jones, R.P., Wooldridge, B.R. (2018). It is not always about brand: Design-driven consumers and their self-expression. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 43, 296–303.
- Hannele Kauppinen-Räsänen H., Björkb, P., Lönnström, A., Jauffret, M.-N. (2018). How consumers' need for uniqueness, self-monitoring, and social identity affect their choices when luxury brands visually shout versus whisper. *Journal of Business Research*, 84, 72–81.
- Hogg, M., Abrams, D. (1990). Social motivation, self-esteem and social identity. Social identity theory: Constructive and critical advances. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 28–47.
- Isbell, L.M., McCabe, J., Burns, K.C., Lair E.C. (2013). Who am I?: The influence of affect on the working self-concept. *Cognition and Emotions*, 27 (6), 1073–90.
- Kipnis, E., Demangeot, C., Pullig, C., Broderick, A.J. (2019). Consumer Multicultural Identity A liation: Reassessing identity segmentation in multicultural markets. *Journal of Business Research*, 98, 126–141.
- Lam, M., Chan, G., Marcet, M.M., Wong, W., Wong, J., & Wong, D. (2014). Spontaneous self-concept among Chinese undergraduates in Hong Kong. *Social Behavior and Personality*, 42 (8), 1353–1364.
- Liua, R.L., Sprott, D.E., Spangenberg, E.R., Czellar, S., Voss, K.E. (2018). Consumer preference for national vs. private brands: The influence of brand engagement and self-concept threat. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 41, 90–100.
- Maheswaran, D. (1994). Country of origin as a Stereotype: Effects of Expertise Attribute Strength on Product Evaluations. *The Journal of Consumer Research Inc.*, 2 (21), 354–365.
- Micevski, M., Halkias, G., Herz, M. (2019). Multiple consumer identities and the crossover effect of the EU identity in predicting domestic and foreign product preferences. *Journal of Business Research*, 622–631.
- Ming, L., Zhong Jiali, Z. (2020). Between national and local: Identity representations of post-colonial Hong Kong in a local English newspaper. *Discourse, Context & Media*, 36.
- Planck, M. (2010). Symbolic consumption and the social construction of product characteristics. *Structural Change and Economic Dynamics*, 21, 17–25.
- Reyes-Menendez, A., Palos-Sanchez, P., Saura, J.R., Rodríguez Santos C. (2021). Revisiting the impact of perceived social value on consumer behavior toward luxury brands. *European Management Journal*. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2021.06.006>
- Sobola, K., Cleveland, M., Laroche, M. (2018). Globalization, national identity, biculturalism and consumer behavior: A longitudinal study of Dutch consumers. *Journal of Business Research*, 82, 340–353.
- Tajfel, H. (1979). Individuals and groups in social psychology. *British Journal of Social and Clinical Psychology*, 18, 2, 183–190.
- Takhar, A., Jamal, A., Kizgin, H. (2021). Transcultural identity development among third generation minority consumers. *Journal of Business Research*, 133, 132–142.
- Tu, L., Khare, A., Zhang, Y. (2012). A short 8-item scale for measuring consumers' local — global identity. *Intern J. of Research in Marketing*, 29, 35–42.
- Turner, J.C. (1987). *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization theory*. Oxford & New York: Blackwell.
- Wanga, J.J., Torellib C.J., Lalwani A.K. (2020). The interactive effect of power distance belief and consumers' status on preference for national (vs. private-label) brands. *Journal of Business Research*, 107, 1–12.
- Wang, T. (2017). Social identity dimensions and consumer behavior in social media. *Asia Pacific Management Review*, 22, 4, 45–51.
- White, K., Argo, J., Sengupta, J. (2012). Dissociative Versus Associative Responses to Social Identity Threat: The Role of Consumer Self-Construction. *Journal of Consumer Research*, 39, 4, 704–719.
- Weinreich, P., Saunderson, W. (2003). *Analysing identity: cross-cultural, societal, and clinical contexts*. N.Y.: Routledge.
- Ye, Z., Thomas, Post, T. (2020). What age do you feel? — Subjective age identity and economic behaviors. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 173, 322–341.

Reference:

- Andreeva, G.M. (2017). *Psychology of social cognition*. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.)
- Antonova, N.V., Patosha, O.I. (2017). *Brand Perception and consumer behavior strategies*. Moscow: NRU HSE. (in Russ.)
- Belinskaya, E.P. (2018). Modern Identity studies: from structural certainty to processality and incompleteness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika (Bulletin of the Saint Petersburg University. Psychology and pedagogy)*, 8, 1, 6–15. (in Russ.)
- Borodulina, S.V. (2013). *Stil' potrebleniya kak faktor formirovaniya sotsial'noi identichnosti: diss. ...kand. filol. nauk. (Consumption style as a factor in the formation of social identity: dissertation)*. Ph.D. (Psychology). Barnaul. (in Russ.)

- Dumnova, E.M. (2017). The specifics of the self-identification of a social subject in a transitive society. *Idei i idealy. Seriya Sotsiologicheskie nauki (Ideas and ideals. A series of Sociological sciences)*, 3 (93), 2, 73–79. (in Russ.).
- Evstifeev, R.V. (2017). Studies of local identities: theoretical approaches and promising directions. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie (Scientific result. Sociology and management)*, 3, 2, 3–9. (in Russ.).
- Ermolaeva, E.P. (2017). Multidisciplinary approach in the model “man-profession-society”. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda (Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology)*, 2, 1, 3–22. (in Russ.).
- Ermolaeva, E.P. (2001). Professional identity and marginalism: concept and reality. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 22, 4, 51–59. (in Russ.).
- Zavalishina, D.N. (2001). Methods of identifying a person with a profession. *Psikhologiya sub'ekta professional'noi deyatel'nosti (Psychology of a subject of professional activity)*, 104–128. (in Russ.).
- Ivanova, N., Benton, S., Vaddington, K., Makhmutova, E. (2019). Trends and prospects of business psychology development. *Organizatsionnaya psikhologiya (Organizational psychology)*, 9, 1. (Retrieved from <http://orgpsyjournal.hse.ru> (review date: 10.07.2021)).
- Ivanova, N.L. (2004). The structure of social identity: the problem of analysis. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 25, 1, 52–60. (in Russ.).
- Lebedev, S.D., Istomin, A.G., Gushchina, V.V. (2016). Local identity of residents of the city of Belgorod (based on the materials of a quantitative study). *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie (Scientific result. Sociology and management)*, 2, 2, 13–21. (in Russ.).
- Nestik, T.A. (2017). Global identity as a socio-psychological phenomenon: theoretical and empirical research. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya (Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology)*, 2, 4 (8), 145–185. (in Russ.).
- Patosha, O.I., Volkova, A.D. (2020). Social identity and trust in the context of digital economy product preferences: a theoretical review. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennykh nauk (International Journal of Humanities and Natural Sciences)*, 3-1 (42), 173–177. (in Russ.).
- Posypanova, O.S. (2013). Economic psychology: psychological aspects of consumer behavior. Moscow: Direkt-Media. (in Russ.).
- Rubinshtein, S.L. (2020). Fundamentals of general psychology. Moscow: AST. (in Russ.)
- Stefanenko, T.G. (1999). Sotsial'naya psikhologiya etnicheskoi identichnosti: Diss. ... dokt. psikhol. nauk. (Social psychology of ethnic identity). Doctoral dissertation (Psychology). Moscow. (in Russ.).
- Ahuvia, A.C. (2005). Beyond the extended self: Loved objects and consumers' identity narratives. *Journal of Consumer Research*, 32 (1), 171–184.
- Akhmetzyanova, A.I., Nikishina, V.B., Petrash, E.A. (2017). Features of the Structure of Addictive Identity in Adolescence. *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*, 12, 619–630.
- Augostinos, M., Walker, I. (2014). Social Cognition. London: Sage.
- Belanche D., Casalo L.V., Flavian C. (2017). Understanding the cognitive, affective and evaluative components of social urban identity: Determinants, measurement, and practical consequences. *Journal of Environmental Psychology*, 50, 138–153.
- Byun, K., Jones, R.P., Wooldridge, B.R. (2018). It is not always about brand: Design-driven consumers and their self-expression. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 43, 296–303.
- Hannele Kauppinen-Räsänen, H., Björkb, P., Lönnström, A., Jauffret, M.-N. (2018). How consumers' need for uniqueness, self-monitoring, and social identity affect their choices when luxury brands visually shout versus whisper. *Journal of Business Research*, 84, 72–81.
- Hogg M., Abrams D. (1990). Social motivation, self-esteem and social identity. Social identity theory: Constructive and critical advances. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 28–47.
- Isbell, L.M., McCabe, J., Burns, K.C., Lair, E.C. (2013). Who am I?: The influence of affect on the working self-concept. *Cognition and Emotions*, 27(6), 1073–90.
- Kipnis, E., Demangeot, C., Pullig, C., Broderick, A.J. (2019). Consumer Multicultural Identity A liation: Reassessing identity segmentation in multicultural markets. *Journal of Business Research*, 98, 126–141.
- Lam, M., Chan, G., Marcet, M.M., Wong, W., Wong, J, in Wong, D. (2014). Spontaneous self-concept among Chinese undergraduates in Hong Kong. *Social Behavior and Personality*, 42 (8), 1353–1364.
- Liua, R.L., Sprott, D.E., Spangenberg, E.R., Czellar, S., Voss, K.E. (2018). Consumer preference for national vs. private brands: The influence of brand engagement and self-concept threat. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 41, 90–100.
- Maheswaran, D. (1994). Country of origin as a Stereotype: Effects of Expertise Attribute Strength on Product Evaluations. *The Journal of Consumer Research Inc.*, 2 (21), 354–365.
- Micevski, M., Halkias, G., Herz, M. (2019). Multiple consumer identities and the crossover effect of the EU identity in predicting domestic and foreign product preferences. *Journal of Business Research*, 104, 622–631.
- Ming, L., Zhong Jiali, Z. (2020). Between national and local: Identity representations of post-colonial Hong Kong in a local English newspaper. *Discourse, Context & Media*, 36.
- Planck, M. (2010). Symbolic consumption and the social construction of product characteristics. *Structural Change and Economic Dynamics*, 21, 17–25.
- Reyes-Menendez, A., Palos-Sanchez, P., Saura, J.R., Rodríguez, Santos S. (2021). Revisiting the impact of perceived social value on consumer behavior toward luxury brands. *European Management Journal*. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2021.06.006>
- Sobola, K., Cleveland, M., Laroche, M. (2018). Globalization, national identity, biculturalism and consumer behavior: A longitudinal study of Dutch consumers. *Journal of Business Research*, 82, 340–353.
- Tajfel, H. (1979). Individuals and groups in social psychology. *British Journal of Social and Clinical Psychology*, 18, 2, 183–190.

- Takhar, A., Jamal, A., Kizgin, H. (2021). Transcultural identity development among third generation minority consumers. *Journal of Business Research*, 133, 132–142.
- Tu, L., Khare, A., Zhang, Y. (2012). A short 8-item scale for measuring consumers' local–global identity. *Intern J. of Research in Marketing*, 29, 35–42.
- Turner, J.C. (1987). *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization theory*. Oxford & New York: Blackwell.
- Wanga, J.J., Torellib, C.J., Lalwani, A.K. (2020). The interactive effect of power distance belief and consumers' status on preference for national (vs. private-label) brands. *Journal of Business Research*, 107, 1–12.
- Wang, T. (2017). Social identity dimensions and consumer behavior in social media. *Asia Pacific Management Review*, 22, 4, 45–51.
- White, K., Argo, J., Sengupta, J. (2012). Dissociative Versus Associative Responses to Social Identity Threat: The Role of Consumer Self-Construal. *Journal of Consumer Research*, 39, 4, 704–719.
- Weinreich, P., Saunderson, W. (2003). *Analysing identity: cross-cultural, societal, and clinical contexts*. London: Routledge.
- Ye, Z., Thomas, Post T. (2020). What age do you feel? — Subjective age identity and economic behaviors. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 173, 322–341.

Оригинальная статья

УДК 159.9.015, 159.95
doi: 10.11621/npj.2021.0405

Анализ эргономических понятий В.П. Зинченко и В.М. Мунипова с позиций теории актов взаимодействия людей с миром

Б.И. Беспалов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3479-4454

Для контактов: bespalovb@mail.ru

Цель и актуальность статьи. Статья посвящена 90-летию со дня рождения основателей российской эргономики В.М. Мунипова и В.П. Зинченко, под руководством которых автор статьи учился и долгое время работал. Введенные ими понятия *система «человек — машина»* и *человеческий фактор* анализируются и развиваются в статье с позиций разрабатываемой автором теории актов взаимодействия людей с миром, которые рассматриваются с их психологической стороны.

Результаты. Исходным в теории актов является понятие «компонент» мира, под которым понимается любое «нечто», существующее в мире в какой-либо форме — материальной или идеальной, реальной или виртуальной, чувственной, мыслимой и др. *Взаимодействие* компонентов мира рассматривается как разновидность отношения между ними, которое включает их *воздействия* друг на друга и возможно на самих себя. Отношение «А воздействует на Б» отождествляется с отношением «А изменяет Б в некотором направлении». Различные *направления*, по которым могут изменяться взаимодействующие компоненты, соотносятся со *свойствами* этих компонентов, которые изменяются по своим *значениям*. Актом психологического взаимодействия, или психологическим актом называется такое взаимодействие человека с миром, которое *активно* со стороны данного человека, *осмыслено* им, *опосредствовано* образами компонентов акта, а также имеет *начало во времени*, *относительно завершено* и *направлено на получение нужных кому-либо результатов*. Компонентами такого акта являются его объекты и субъекты, активность субъектов, их смыслы, свойства и состояния, цели и мотивы, предметы и средства, орудия и знаки, условия и способы осуществления актов, их процессы и результаты и др. Понятия обо всех компонентах акта определяются конструктивно (на основе предварительно введенных понятий), а также с учетом функций компонентов в акте субъекта. Раскрываются функциональные и логические отношения между компонентами акта, которые превращают его в психологическую функциональную систему.

Выводы. Показано, что предложенная в статье теоретическая модель психологического акта может служить концептуальным средством изучения и эргономического проектирования трудовых актов операторов в системах «человек — машина».

Ключевые слова: система «человек — машина», человеческие факторы, акты психологического взаимодействия людей с миром.

Для цитирования: **Беспалов Б.И.** Анализ эргономических понятий В.П. Зинченко и В.М. Мунипова с позиций теории актов взаимодействия людей с миром // Национальный психологический журнал. 2021. № 4(44). С. 53–62. doi: 10.11621/npj.2021.0405

Поступила 5 декабря 2021 / Принята к публикации 20 декабря 2021

Analysis of Ergonomic Notions by V.P. Zinchenko and V.M. Munipov from the Standpoint of the Theory of Human-World Interaction Acts

Boris I. Bespalov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Corresponding author: bespalovb@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3479-4454

Purpose and relevance of the article. The article is dedicated to the 90th anniversary of the birth of the founders of Russian ergonomics V.M. Munipov and V.P. Zinchenko, under whose guidance the author of the article studied and worked for a long time. The notions of “Human — Machine” system” and “human factor” are considered from the standpoint of the theory of *acts of psychological interaction of people with the world* developed by the author of the article. This made it possible to fill these notions with new psychological content, as well as briefly describe the basic notions in the theory of acts.

Results. The *interaction* of the components of the world is considered as a kind of relationship between them, which includes their *impact on each other* and possibly on themselves. The ratio “A impacts on B” is identified with the ratio “A changes B *in some direction*”. Different *directions* in which the interacting components may change are related with the *properties* of these components that change in their *values*. The act of psychological interaction of a person with the components of the world is active on the part of this person, meaningful by him, mediated by the images of its components, is relatively complete and directed on achieving the results that someone needs, and also has a beginning on the timeline. Components of such an act include its objects and subjects, the activity of subjects, their meanings, properties and states, goals and motives, objects and means, tools and signs, conditions and ways (methods) of carrying out acts, processes and results, etc. The notions about these components are defined constructively (based on the previously introduced notions), as well as taking into account the functions of components in the activity of the subject. Different relations between the components of the act, which turn it into a psychological functional system are described.

Conclusions. It is shown that such a theoretical model of a psychological act can serve as a conceptual tool for the study and ergonomic design of any work acts of operators in “Human — Machine” systems.

Keywords: “Human — Machine” systems, human factors, acts of psychological interaction of people with the world.

For citation: **Bespalov, B.I.** (2021). Analysis of Ergonomic Notions by V.P. Zinchenko and V.M. Munipov from the Standpoint of the Theory of Human-World Interaction Acts, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 4(44), 53–62. doi: 10.11621/npj.2021.0405

Received December 5, 2021 / Accepted for publication December 20, 2021

Любую психологию, равно как и культурную, а не догматическую теологию должны интересовать не столько факты, сколько акты, совершаемые человеком.

В.М. Мунипов, В.П. Зинченко,
«Эргономика, 2001»

Введение

В 2021 году исполнилось 90 лет со дня рождения замечательных людей — Владимира Петровича Зинченко и Владимира Михайловича Мунипова, которые оказали огромное влияние на жизнь и научную работу автора данной статьи. Мне посчастливилось учиться и работать на кафедре «Психологии труда и инженерной психологии» факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, которую в 1970 г. организовал и до 1983 г. возглавлял проф. В.П. Зинченко. Было также интересно учиться в аспирантуре возглавляемого В.П. Зинченко отдела эргономики во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики (ВНИИТЭ). В то время там по совместительству работал и делал доклады на научном семинаре отдела известный философ и методолог системно-деятельностного подхода в психологии Эрик Григорьевич Юдин. Научным руководителем моей диссертации на тему «Микроструктурный анализ сенсомоторного действия» был проф. В.М. Мунипов, который занимал должность заместителя директора по науке этого института.

Задача статьи и обсуждаемые вопросы

В данной статье некоторые из введенных В.П. Зинченко и В.М. Муниповым эргономических понятий рассматриваются с позиций разрабатываемой нами теории актов психологического взаимодействия людей с миром или, более кратко, психологических актов, которые могут быть опосредствованы техническими системами. Задача данной статьи состоит в том, чтобы на понятиях и примерах из эргономики обсудить возможности практического применения этой теории, рассмотреть ее основные понятия, а также метод их конструктивного построения.

В.П. Зинченко и В.М. Мунипов рассматривали эргономику как научную и проектировочную дисциплину,

объектами которой являются различные системы «человек — машина» (сокр. СЧМ), а «предметом — деятельность человека или группы людей с техническими средствами» (Мунипов, Зинченко, 2001, с. 31). В предмет эргономики они включали также такие свойства СЧМ, которые «обусловлены положением, ролью и целями людей в этой системе», их антропометрическими, биомеханическими, психофизиологическими и личностными характеристиками. Эти свойства получили название «человеческих факторов», от учета которых во многом зависит надежность и эффективность функционирования человеко-машинных систем.

Основное эргономическое понятие «система “человек — машина”» В.П. Зинченко и В.М. Мунипов определяют как систему, включающую в себя человека-оператора или группу операторов, а также машину, посредством которой они осуществляет трудовую деятельность. При этом трудовая деятельность рассматривается как *форма взаимодействия* операторов «с предметом труда (объектом управления) и с машиной через посредство органов управления... и в соответствии с получаемой информацией» (там же, с. 30).

Вместе с тем, указанные авторы в явном виде не включают в СЧМ среду, в которой данная система функционирует. Они полагают, что «среда, по определению, не включается в СЧМ, а противостоит ей» (там же, с. 30). Тем не менее, представления о среде входят в сформулированное ими понятие СЧМ в неявной форме, через трудовую деятельность операторов, которая осуществляется не только в «среде на рабочем месте», но и в более широкой технической и социальной среде, в которой работают операторы и СЧМ в целом. Так, в Большой советской энциклопедии В.П. Зинченко и В.М. Мунипов пишут, что «Комплексное изучение человека (группы людей) и их деятельности с техническими средствами и предметом деятельности в среде, в которой она осуществляется, составляет ее (эргономики — Б.Б.) научное содержание» (Зинченко, Мунипов, 1975, с. 29. Курсив авторов).

Для описания среды пользователей современных человеко-машинных систем, включающих элементы «искусственного интеллекта» и «виртуальной реальности» С.Д. Сергеев (Сергеев, 2009) предлагает использовать понятие «эрготехническая среда», которая расширяет традиционные представления о среде как совокупности внешних условий функционирования

Борис Иванович Беспалов —

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0003-3479-4454

Boris I. Besspalov —

PhD in Psychology, Senior Researcher, Department of Occupational Psychology and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0003-3479-4454

СЧМ, позитивно или негативно влияющих на работу операторов и системы. Отмечается, что включение человека-оператора в сложные «технические среды... приводит к появлению в его психике особого образования в виде эрготехнической среды... Эрготехнические среды — это новый объект проектирования в инженерной психологии. Он отличается от традиционной технической среды и является психическим образованием, возникающим в человеке-пользователе» (там же, с. 441).

По поводу описанного выше «классического» понятия СЧМ возникают следующие теоретические вопросы: Что и как объединяет человека (Ч) и машину (М) в целостную функциональную систему? Какие виды связей и взаимодействий существуют в СЧМ? Каковы ее психологические компоненты? Как возникают и функционируют психологические связи между компонентами СЧМ? Как эти связи и психологические взаимодействия в системе (трудовые акты операторов и пр.) образуют функциональные системы? Каковы их «системообразующие факторы»? Чем входящие в СЧМ *психологические* функциональные системы трудовых актов операторов отличаются от *физиологических* функциональных систем человека, описанных П.К. Анохиным?

При ответе на эти вопросы будет показано, что психологические связи между операторами и другими компонентами СЧМ возникают и реализуются в актах чувственно опосредованного и осмысленного взаимодействия людей друг с другом, с машиной и средой. Такие акты разворачиваются в линейном физическом времени и могут образовывать *психологические функциональные системы трудовых актов*, которые реализуют различные функции человеко-машинных систем. Для обоснования этого утверждения и получения развернутых ответов на поставленные выше вопросы нужно более детально рассмотреть используемые в теории актов представления о *психологических взаимодействиях* и *связях* между компонентами человеко-машинных систем.

Исходные понятия теории психологических актов

Взаимодействия людей с техникой являются разновидностью их жизненного, «бытийного» взаимодействия с миром. Философские и психологические аспекты такого взаимодействия рассмотрены С.Л. Рубинштейном в книге «Человек и Мир» (Рубинштейн, 2003), на идеи которого мы опираемся в нашей работе. Взаимодействие является исходной категорией в концепции А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1981), который конкретизировал ее значение в психологическом понятии о *предметной, осмысленной и опосредствованной* деятельности людей. В теории актов учитываются также представления Я.А. Пономарева (Пономарев, 1983) о «психологическом» и «психическом» взаимодействии «субъекта с объектом».

Исходным в теории актов является понятие «компонент» мира, под которым понимается любое «нечто»,

существующее в мире в какой-либо форме — материальной или идеальной, реальной или виртуальной, чувственной, мыслимой и др. Человек рассматривается как высокоразвитый компонент мира, создающий в нем свой *жизненный мир*, включающий осмысленные человеком представления о мире в целом, о его компонентах и о своей жизни в нем. *Компонентом СЧМ* называется компонент мира, который в каком-либо определенном (явно описанном) смысле *включён в эту систему или (и) принадлежит ей*, а также *участвует, участвовал или может участвовать в реализации ее функций*.

Когда некоторое А порождается человеком, усваивается им как пища, приобретает им как тренируемое свойство, присваивается как личная вещь, принимается как цель, осваивается как социальная роль, то в этих смыслах А в некоторой степени принадлежит человеку и частично становится его биологическим, психологическим или социальным компонентом.

Входящее в понятие «компонент СЧМ» отношение «включения» имеет техническую и психологическую интерпретацию. В первом случае человеко-машинные системы рассматриваются как *состоящие* из уже готовых, заранее построенных, статичных или «дизъюнктивных» по А.В. Брушлинскому компонентов, из которых эти системы собираются при конструировании и на которые их можно обратимым образом разложить при изучении механизмов работы системы. К таким «разложимым на элементы» компонентам СЧМ иногда относят также трудовые акты работающих в ней людей, что не оправдано с психологической точки зрения.

Человеко-машинные системы с позиции теории психологических актов рассматриваются как системы, *образующиеся* из динамичных, активных компонентов, находящихся в процессах их *становления, осуществления и саморазвития*. К саморазвивающимся компонентам СЧМ относятся работающие в системе люди, которых будем называть операторами. Осуществляемые ими трудовые акты и функциональные системы таких актов реализуют цели операторов и функции СЧМ. Для анализа, проектирования и формирования таких актов, как активных, процессуальных и «не дизъюнктивных» компонентов СЧМ, требуется специальный понятийный аппарат, который рассматривается далее.

Реальная и виртуальная форма существования компонентов СЧМ

При описании *процессов становления* некоторых психологических компонентов СЧМ (целей операторов, смыслов их трудовых актов и пр.) используются представления об их существовании в *виртуальной* (потенциальной или возможной) и *реальной* (актуальной или действительной) форме. Если некоторые компоненты системы в моменты настоящего времени оператора существенно не влияют на его *текущие* акты, но *вливали* на них в прошлом или *могут влиять* в будущем, то *относительно данного* оператора, как

субъекта этих актов они существуют соответственно в потенциальной или возможной форме. В потенциальной форме существуют, в частности, *не реализуемые* в текущих трудовых актах цели операторов и функции компонентов СЧМ, *не используемые* операторами знания, умения, навыки и др.

Под *становлением* компонентов системы в жизненном мире, или *относительно конкретного оператора* понимаются их переходы из виртуальной формы существования в реальную (актуальную или действительную) форму. Так, хранящиеся в памяти субъектов цели трудовых актов и представления о функциях их компонентов переходят из *потенциальной* формы существования в *актуальную* форму, то есть актуализируются в моменты осуществления актов. Вместе с тем, из *возможной* формы существования *еще не известные* операторам компоненты актов переходят в *действительную* форму существования. Это происходит в процессах случайного обнаружения людьми у компонентов мира новых функций, при нахождении, осознании и реализации новых, спонтанно возникающих идей, целей, способов действий и пр.

Если некоторое нечто в настоящие моменты времени *влияет* на процессы и результаты функционирования или работы СЧМ, то в этом смысле оно участвует в реализации функций системы, включается в ее работу и, тем самым, *становится реальным* компонентом этой работы. Реальными компонентами работы СЧМ становятся, в частности, трудовые акты операторов по мере их осуществления и включения в эту работу. Эти акты разворачиваются в физическом времени и актуально влияют на текущую работу системы своими промежуточными результатами, получаемыми в настоящие моменты психологического времени оператора, которое синхронизировано с физическим временем, но переживается и оценивается субъективно, без физических часов.

Виртуальные (в том числе потенциально необходимые) для работы конкретного оператора компоненты СЧМ отождествляются нами с *объектами* трудовых актов этого оператора, который *становится субъектом этих актов* при их освоении и осуществлении. Объектами для субъекта некоторого акта могут быть не только материальные или идеальные компоненты СЧМ (части машины, орудия и знаки, их свойства, назначения, значения и пр.), но также другие люди, которые в моменты осуществления акта данным субъектом *не принимают в нем какого-либо участия*. Переходы так понимаемых объектов из виртуальной формы существования в реальную форму соотносятся с процессом их «опредмечивания», в котором субъекты придают объектам определенное *предметное значение*, то есть воспринимают их как конкретного человека, определенную вещь, их свойство и пр.

Осуществление акта может включать его инициацию, подготовку к выполнению, сам процесс выполнения акта, оценивание его конечного и промежуточных результатов, а также осознание и принятие ответственности за эти результаты. В этих процессах осуществления одного акта могут участвовать разные люди, которые становятся при этом побуждающими,

помогающими, оценивающими и др. субъектами данного акта на разных этапах его осуществления.

Реальными субъектами акта называются люди, *практически* участвующие в его осуществлении. Реальные субъекты акта противоположны его виртуальным объектам по форме существования. Субъекты акта могут существовать в нем также в *субъективно идеальной*, воображаемой реальными субъектами *форме*. Например, когда реально выполняющий акт человек воображает другого человека, оценивающего результаты данного акта, то другой человек существует в этом акте в идеальной форме. Идеальный субъект акта включается в акт его исполнителем с помощью образа («идеи») этого субъекта.

Кроме субъектов и объектов актов в них выделяют также другие *универсальные* компоненты, которые присутствуют в любом акте психологического взаимодействия людей с миром. К ним относится *активность* (см. далее) субъекта, а также предметы и средства актов. *Предметами* акта являются его объекты, которые в моменты настоящего времени субъекта *активно преобразуются им или на которые направляется его* активность в форме внимания, актов восприятия, практических актов и пр. Эта активность «опредмечивается» в актуализированном состоянии данных объектов, в результате чего субъект открываются порождаемые им и *зависящие от объектов* их психологические характеристики — воспринимаемые цвета и запахи, эмоционально переживаемые свойства объекта (приятный/неприятный и пр.), его предметные значения, различные смысловые отношения предметов к целям и мотивам субъекта и пр. (Беспалов, 2012; 2018).

Противоположными к предметам акта являются его *средства*, под которыми понимаются те компоненты акта, которые *в моменты настоящего времени субъекта активно используются им и направляют его* активность. Понятие «средство» получается из понятия «предмет» путем замены некоторых терминов в его определении на противоположные термины. Понятия о других компонентах психологических актов — о *мотивах, целях и жизненных ценностях* их субъектов, их эмоциональных, функциональных и других *состояниях*, о *смыслах, условиях и способах* осуществления актов, о *знаках, орудиях* и др., также определяются конструктивно (на основе предварительно введенных понятий) и функционально, путем описания функций, выполняемых этими компонентами в различных актах.

При определении теоретических понятий о компонентах акта раскрываются также *функциональные и логические отношения* (противоположности, двойственности и др.) между ними. Эти отношения между компонентами акта, а также его функции в других актах превращают акт в психологическую функциональную систему. Кроме того, одинаковые логические и функциональные отношения между предметами и средствами, условиями и способами, целями и мотивами и другими компонентами актов, имеющими различную сложность и уровень иерархии, порождают у разных актов подобные свойства.

Это позволяет рассматривать различные психологические акты как «единицы» жизни осуществляющих их людей, из которых эта жизнь образуется, или «синтезируется». При этом *теоретическая модель* акта выступает в роли «единицы анализа» жизни людей, в том числе их работы в системах «человек — машина». Такая модель при ее применении может служить концептуальным средством изучения, проектирования, формирования и диагностики *любых* психологических актов и их функциональных систем. В разработке этой модели, а также вытекающих из нее методов психологического изучения различных жизненных актов состоит одна из главных задач, решаемых в теории актов психологического взаимодействия людей с миром.

Взаимодействия, свойства и состояния компонентов СЧМ

Взаимодействие компонентов СЧМ, как и взаимодействие людей с миром рассматривается нами как разновидность отношения между ними, включающего их *воздействия* друг на друга и возможно на самих себя, в которых эти компоненты *реально или виртуально* изменяются в некоторых направлениях. При этом отношение «А воздействует на Б» отождествляется с отношением «А изменяет Б в некотором направлении».

Различные *направления*, по которым *изменяются или могут изменяться и различаться* взаимодействующие компоненты СЧМ, мы рассматриваем как *свойства* этих компонентов, изменяющиеся по своим значениям. Разным значениям свойства соответствуют разные степени или величины изменения компонента по соответствующему направлению. При воздействии компонента А на Б может измениться компонентный состав Б, содержание его внутренних компонентов, внутренняя структура Б (отношения между его компонентами) или (и) отношения Б как целого с другими компонентами мира. В результате таких изменений компонент Б может приобретать новые или терять имеющиеся у него свойства или значения этих свойств.

Психологические значения свойств компонентов СЧМ могут быть *субъективными*, когда они порождаются или обнаруживаются людьми с помощью органов чувств, воображения и мышления, а также *объективными*, при их выявлении с помощью общезначимых (стандартизированных) психологических тестов, которые используются для оценивания свойств операторов и их трудовых актов. Физические и биологические значения свойств компонентов СЧМ определяются с помощью соответствующих приборов.

Совокупность взаимосвязанных значений существенных свойств компонента СЧМ описывают его *состояние*, которое может изучаться с разных сторон, выступая как *преимущественно* физическое, биологическое, психологическое или социальное в зависимости от преобладания выделяемых в нем зна-

чений свойств соответствующего типа. В состоянии оператора потенциально присутствуют все эти стороны. В психологическое состояние трудового акта оператора входят значения его субъективной сложности, воспринимаемой длительности, точности и пр. Состояние трудовых актов может оцениваться также с помощью физических, биологических и социальных показателей, которые характеризуют соответствующие аспекты этого состояния.

Через понятие «состояние» компонента СЧМ определяются такие понятия, как «событие» (быстрое изменение состояния в выбранном масштабе времени) и «процесс» (упорядоченная во времени и пространстве последовательность взаимосвязанных событий или состояний, объединенных общим носителем). В теории психологических актов эти понятия имеют свою специфику, которая проявляется, в частности, в том, что носителями психологических состояний и процессов могут быть не только субъекты психологических актов, но также другие их компоненты — воспринимаемые предметы актов, воображаемые и желаемые субъектом будущие результаты актов и др.

Признаками *психологического* взаимодействия человека с компонентами мира (людьми, техникой и др.) являются его *активное и направленное* осуществление человеком, наличие и реализация во взаимодействии *личностных смыслов* (Леонтьев, 1981) и *инструментальных смыслов* (Беспалов, 2012), а также его *опосредованность* порождаемыми данным человеком *чувственными или воображаемыми состояниями и образами* этих компонентов.

Воздействие человека на какой-либо компонент мира является *активным со стороны данного человека*, если изменение человеком этого компонента *в нужном ему направлении* осуществляется за счет его *собственной, накопленной ранее энергии*, которая может существовать в разных биологических и психологических (смысловых) формах. Такая энергия может проявляться в двигательных усилиях человека что-либо сделать, в направленном на предмет внимания и пр.

Направленность активности человека, его *активных воздействий* на компоненты мира определяется мотивами (предметами потребностей), целями и жизненными ценностями человека, а также теми свойствами (направлениями изменений) компонентов мира, которые преобразуются человеком в его воздействиях на эти компоненты.

Примером *психологического* взаимодействия человека с материальным объектом является акт его опознания, включающий чувственную (сенсорно-перцептивную) идентификацию объекта (Беспалов, 2019). При предъявлении такого объекта он физически и физиологически воздействует на человека, изменяя состояние его рецепторов и других нейронов. Человек оказывает обратное, но уже психологическое воздействие на данный объект, *активно и осмысленно* порождая и изменяя его воспринимаемое (психологическое) состояние за счет направленной на объект *чувственно-смысловой энергии* (проявляемой в форме внимания, движений ощупывания и

пр.), которая «опредмечивается» в объекте и преобразует его в *воспринимаемый предмет*.

Если при этом человек не оказывает на внешний материальный объект телесного, практического воздействия, например, только зрительно воспринимает или воображает его, то *физические* характеристики (значения свойств) объекта не изменяются. Такое воздействие на объект можно назвать *психическим*. Его можно трактовать как разновидность *психологического* воздействия, в котором объект переходит в психологическое состояние без физического воздействия на него со стороны человека. Психическое воздействие на объект может быть компонентом психологического воздействия при его мысленной подготовке, планировании и пр.

Актом психологического взаимодействия человека с миром, или психологическим актом, называется их взаимодействие, которое не только активно со стороны данного человека, осмыслено им и чувственно опосредовано, но также имеет *начало во времени, относительно завершено и направлено на получение нужных кому-либо результатов* (Беспалов, 2018). Выделяемые А.Н. Леонтьевым операции, действия и деятельности людей, а также акты их общения друг с другом являются разновидностями актов их психологического взаимодействия с миром, которые не исчерпывают всего многообразия психологических актов.

Акты психологического взаимодействия в СЧМ для наглядности и дальнейшего эргономического и математического анализа можно изображать *стрелками*, которые описывают только психологические воздействия оператора системы на другие ее компоненты или на самого себя. Например, когда оператор целенаправленно нажимает на кнопку пульта, то он активно и осмысленно воздействует на кнопку и связанную с ней машину, изменяя их психологическое (воспринимаемое) и физическое (измеряемое с помощью приборов) состояние.

Обратное воздействие кнопки на оператора не является психологическим, поскольку кнопка деформирует палец руки оператора пассивно (не за счет своей энергии), а также не ощущает и не осмысливает результат этого воздействия. Описанное взаимодействие оператора с машиной является психологическим только со стороны человека. Поэтому оно изображается одной прямой стрелкой, направленной от Ч к М и обозначающей сенсомоторный акт, с помощью которого Ч активно, т.е. за счет собственной энергии преобразует состояние компонента М.

Нажимая на кнопку пульта, оператор может одновременно воздействовать на себя и, тем самым, изменять свое психологическое состояние. Это может происходить с помощью *акта* осознания себя как инициатора или источника воздействия на машину, *актов* субъективного оценивания своего усилия и длительности нажатия на кнопку. Такие оценочные акты оператора активны, осмыслены, чувственно опосредованы и направлены на выделение и осознание различных характеристик (величины усилия, длительности и пр.) акта нажатия на кнопку. Эти характеристики двигательного акта входят также в

текущее психологическое состояние оператора и изменяют его в направлениях, соответствующих выделяемым значениям свойств акта нажатия на кнопку. Подобные оценочные, а также рефлексивные акты оператора изображаются овальными стрелками, направленными от Ч к Ч.

Смысловые отношения и связи в системах «человек — машина»

Для осуществления *реального психологического* воздействия человека А на компонент мира Б между ними, должна существовать *потенциальная и направленная* от А к Б *смысловая связь* или другое смысловое отношение, которое реализуется в данном воздействии. Связи являются разновидностью отношений между компонентами системы, при наличии которых изменение одного компонента *может* вызывать или сопровождаться закономерным, повторяющимся изменением другого.

Например, профессиональное общение (взаимодействие) операторов СЧМ оказывается возможным при наличии у них способностей к восприятию и пониманию порождаемых ими знаков, состояний друг друга и пр. Когда «оператор А способен понимать жесты и слова Б», то эту фразу можно трактовать как описание ранее установленной *смысловой связи* между операторами А и Б, которая существует потенциально в форме способности А понимать жесты и слова Б. Присутствие такой связи в *смысловом поле оператора А* проявляется в том, что при изменении жестов, тембра голоса или содержания речи оператора Б состояние и акты оператора А могут закономерно и предсказуемо изменяться в определенных направлениях.

Между компонентами СЧМ существуют различные виды объективных (независимых от оператора и не известных ему) отношений и связей — пространственные, временные, причинно-следственные, функциональные, логические, технические и другие, которые образуют соответствующие им объективные структуры в СЧМ. В процессе профессионального обучения оператора объективные связи и отношения между компонентами системы познаются им, отображаются в осмысленных представлениях и, тем самым, становятся смысловыми связями, которые имеют субъективную и объективную сторону. Такие связи между *познанными* оператором компонентами СЧМ при их актуализации направляют познавательную и практическую активность оператора, позволяют ему управлять этими компонентами, находить и устранять их неисправности и пр.

Еще одна функция смысловых связей и отношений в СЧМ состоит в том, что они ограничивают возможности одних психологических взаимодействий в системе и расширяют, открывают или предоставляют возможности для других взаимодействий. Такие связи возникают и проявляются при освоении и выполнении людьми правил, норм и требований к процессам и результатам актов их взаимодействия с машиной и предметами труда. Смысловые связи фик-

сируются в памяти операторов в форме освоенных ими профессиональных знаний о том, что, как, когда и зачем в ней можно делать, а чего нельзя. В памяти операторов эти связи существуют в потенциальной форме. Они актуализируются и проявляются в процессе «живого» психологического взаимодействия людей между собой, с машиной и предметами труда. При хорошей организации в долговременной памяти оператора профессиональных знаний и смысловых отношений между компонентами трудовых актов, они образуют *потенциальные психологические системы*, существующие в «свернутом виде».

Целостность СЧМ может поддерживаться также с помощью специальных актов, направленных на сохранение этого качества системы. Например, выполняя изученные правила дорожного движения, как разновидность осмысленных ограничений, или смысловых связей наложенных на взаимодействия человека с машиной и внешней средой, водитель объезжает препятствия, поддерживает безопасную дистанцию с другими автомобилями и пр. Регламентированные правилами акты обслуживания и ремонта СЧМ также направлены на поддержание параметров ее целостности в заданных пределах.

Функции и системообразующие факторы систем «человек — машина»

Понятие «системообразующий фактор» П.К. Анохин определил как «фактор, который радикально ограничивает степени свободы участвующих в данном множестве компонентов» (Анохин, 1975, с. 69). При этом «главным системообразующим фактором» физиологических функциональных систем (дыхательной, пищеварительной, нервной и пр.) является по П.К. Анохину «полезный для организма», «приспособительный результат» их функционирования.

При ответе на вопрос о «системообразующих факторах» *человеко-машинных* систем используется представление о функциях этих систем и их компонентов. *Функция компонента* СЧМ соотносится с его назначением, которое определяется *местом и ролью* компонента в системе, а также имеющейся у него *необходимостью и возможностью* порождать по естественным законам или по установленным кем-либо правилам *полезный* для системы результат их взаимодействия. Функция СЧМ в целом, как предписанная ей необходимость порождать результаты, полезные для этой или более общей системы, ограничивает «степени свободы» СЧМ и является ее «системообразующим фактором».

В отличие от природных, «натуральных» (по Л.С. Выготскому) функций физиологических систем человека, функции трудовых актов операторов СЧМ являются «культурными». Они проектируются на начальных стадиях разработки систем и первоначально существуют в возможной и идеальной форме еще до получения реально полезных результатов трудовых актов. В связи с этим, проектировщиков и разработчиков функций компонентов СЧМ также можно

отнести к их «системообразующим факторам», которые «первичны» по отношению к функциям системы.

Работа самих создателей СЧМ также ограничена и системно организована «факторами» и нуждами более общих социально-экономических систем, которые играют роль *объективных* «системообразующих факторов» для своих функциональных подсистем более низких иерархических уровней. Потребности и цели людей можно трактовать как *субъективные* «системообразующие факторы» осуществляемых ими трудовых, учебных, игровых, спортивных и других жизненных актов, образующих разворачивающиеся во времени психологические функциональные системы.

«Человеческие факторы» в СЧМ, как профессионально полезные или вредные характеристики компонентов трудовых актов операторов

С помощью теории трудовых, психологических актов операторов можно дополнить также сформулированное В.М. Муниповым и В.П. Зинченко понятие «человеческий фактор» (ЧФ). Такие факторы «представляют собой интегральные *показатели связи* человека, машины, предмета деятельности и среды, проявляющиеся при *деятельности* человека с системой и ее функционировании, связанные с достижением конкретных целей. Человеческие факторы в технике существуют *актуально*, т.е. «здесь и теперь», *порождаются во время взаимодействия* человека и технической системы» (Мунипов, Зинченко, 2011, с. 32). Данное понятие «ЧФ» допускает дальнейшую разработку по выделенным курсивом пунктам.

В теории актов расширяется совокупность психологических компонентов СЧМ, к которым относятся не только трудовые акты операторов в форме операций, действий и деятельности, но также акты регуляции операторами своих состояний, акты их профессионального общения, координации совместных трудовых актов и др. Уточняется понятие «связи» между компонентами какой-либо системы. Связь рассматривается как разновидность отношения между компонентами, при котором изменение одного из них приводит к повторяющемуся и закономерному изменению других. Между компонентами СЧМ, а также компонентами трудовых актов операторов существуют пространственно-временные, причинно-следственные, системные, функциональные, технические и другие виды объективных связей и отношений.

При изучении операторами объективно существующих связей между компонентами СЧМ или компонентами своих трудовых актов эти связи приобретают субъективный аспект и становятся осмысленными, смысловыми связями между познанными компонентами этих систем. Такие связи направляют осуществление трудовых актов операторов, позволяют ему управлять компонентами машины, находить и устранять их неисправности и пр.

Разрабатываемые в теории актов представления о механизмах реализации операторами различных

смысловых связей и отношений между компонентами их трудовых актов позволяют объяснять коэффициенты корреляции и другие показатели связей между характеристиками этих компонентов, например, корреляций между психическими состояниями оператора и характеристиками его целей, результатов актов, способами их выполнения и пр.

Из теории актов вытекает также, что ЧФ можно рассматривать как *актуализированные или потенциально существующие* компоненты человеко-машинных систем, которые порождаются работающими в них или создающими их людьми и от которых зависит *целостность, надежность и эффективность* функционирования этих систем, а также их *управляемость, обслуживаемость и осваиваемость*.

Для разработки методов эмпирического изучения, диагностики и проектирования ЧФ можно воспользоваться сформулированной с позиций теории актов концепцией *профессионально важных качеств* (ПВК) различных компонентов трудовых актов, в том числе ПВК *людей*, осуществляющих эти акты (Беспалов, 2014). Под ПВК компонентов трудовых актов понимаются значения их физических, биологических, психологических и социальных свойств, которые *полезны или необходимы для быстрого освоения, а также для надежного и эффективного решения* операторами их рабочих задач. К противоположному классу качеств операторов относятся их *анти-ПВК*, которые определяются как *вредные и не необходимые* для обучения и работы операторов характеристики компонентов их трудовых актов.

Заключение

В статье показано, что людей и машину объединяют в целостную, *функциональную и психологическую* систему трудовые акты операторов, реализующие их цели, а также функции СЧМ. В результате освоения операторами трудовых актов порождаются *потенциальные* психологические компоненты СЧМ, к которым относятся хранящиеся в памяти операторов профессиональные знания и умения работать с этими компонентами, смысловые связи и отношения между ними и др. Осуществляемые операторами трудовые акты образуют *актуализированные психологические* компоненты СЧМ. Они являются разновидностью ограниченных во времени актов психологического (активного, осмысленного, чувственно опосредованного и направленного на получение нужных кому-либо результатов) взаимодействия людей с миром. Описаны некоторые компоненты таких актов (их субъекты и объекты, предметы и средства, смыслы и др.), а также метод конструктивного построения *системы* теоретических понятий обо всех основных компонентах актов. Показано, что понятия из общей теории психологических актов могут конкретизироваться и дорабатываться в прикладной психологии. Теоретическая модель трудовых актов может использоваться при их эмпирическом изучении и диагностике, а также при решении различных задач, возникающих при эргономическом проектировании человеко-машинных систем.

Литература:

- Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- Беспалов Б.И. Развитие представлений П.Я. Гальперина о средствах, орудиях и орудийных операциях человека и животного // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 9, № 4. С. 55–66.
- Беспалов Б.И. Профессионально важные компоненты деятельности человека и подходы и их психодиагностике // Организационная психология. 2014. Т. 4, № 4. С. 12–50.
- Беспалов Б.И. Основные теоретические понятия культурно-деятельностной концепции трудовых актов. В сборнике Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / Под ред. А.Н. Занковского, А.Л. Журавлева. М.: ИПРАН, 2018. С. 41–50.
- Беспалов Б.И. Классические и квантовоподобные модели нейросетей и познавательных процессов: анализ с позиций векторной психофизиологии. В сборнике Векторная психофизиология: от поведения к нейрону / Под ред. Е.Н. Соколова, А.М. Черноризова, Ю.П. Зинченко. М.: МГУ, 2019. С. 700–756. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/198078631/> (дата обращения: 12.10.2021).
- Зинченко В.П., Мунипов В.М. Система «человек-машина» // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 21.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981.
- Мунипов В.М., Зинченко В.П. Эргономика: человеко-ориентированное проектирование техники, программных средств и среды: Учебник. М.: Логос, 2001.
- Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сергеев С.Ф. Инженерно-психологическое проектирование сложных эрготехнических сред: методология и технологии. В сборнике Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: ИПРАН, 2009. С. 429–449.

References:

- Anokhin, P.K. (1975). Essays on the Physiology of Functional Systems. Moscow: Meditsina. (In Russ.).
- Bespalov, B.I. (2012). Evolution of Galperin's Notions of Means, Tools and Tool-Mediated Operations in Humans and Animals. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical psychology)*, 9 (4), 55–66. (In Russ.).

- Bespalov, B.I. (2014). Professionally Important Components of Human Activity and Approaches and their Psychodiagnostics. *Organizatsionnaya psikhologiya (Organizational psychology)*, 4 (4), 12–50. (In Russ.).
- Bespalov, B.I. (2018). Basic Theoretical Concepts of the Cultural and Activity Concept of Labor Acts. In A.N. Zankovskii, A.L. Zhuravlev (Eds.), *The Current State and Prospects for the Development of the Psychology and Organizational Psychology* (pp. 41–50). Moscow: IPRAN. (In Russ.).
- Bespalov, B.I. (2019). Classical and Quantum-Like Models of Neural Networks And Cognitive Processes: Analysis From the Standpoint of Vector Psychophysiology. In E.N. Sokolov, A.M. Chernorizov, Yu.P. Zinchenko (Eds.), *Vector Psychophysiology: from Behavior to Neuron: Monograph* (pp. 700–756). Moscow: Moscow State University. (in Russ.).
URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/198078631/> (Accessed 12.10.2021). (In Russ.).
- Zinchenko, V.P., Munipov, V.M. (1975). The “Man — Machine” systems. In A.M. Prokhorov (Eds.), *Great Soviet Encyclopedia*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Leont'ev, A.N. (1981). *Problems of Mental Development*. Moscow: MGU. (In Russ.).
- Munipov, V.M., Zinchenko, V.P. (2001). *Ergonomics: Human-Centered Design of Equipment, Software, and Environment: A Textbook*. Moscow: Logos. (In Russ.).
- Ponomarev, Ya.A. (1983). *Methodological Introduction to Psychology*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Rubinshtein, S.L. (2003). *Being and Consciousness. Man and the World*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Sergeev, S.F. (2009). Engineering and Psychological Design of Complex Ergotechnical Environments: Methodology and Technologies. In V.A. Bodrov, A.L. Zhuravlev (Eds.), *Actual Problems of Labor Psychology, Engineering Psychology and Ergonomics* (pp. 429–449). Moscow: IPRAN. (In Russ.).

Оригинальная статья

УДК 159.9, 622.3
doi: 10.11621/npj.2021.0406

Особенности психологической адаптированности вахтового персонала в условиях Крайнего Севера

Я.А. Корнеева, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия
ORCID: 0000-0001-9118-9539

Н.Н. Симонова*, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5658-6811

*Для контактов: n23117@mail.ru

Аннотация. Вахтовый персонал на Крайнем Севере подвергается воздействию экстремальных климатогеографических, производственных факторов, а также пребывает в условиях групповой изоляции, что предъявляет к организму и психике вахтового работника требования, зачастую превышающие их резервы. Невозможность полной адаптации связана с неблагоприятными функциональными состояниями работников, которые приводят к снижению уровня психического здоровья, производительности и эффективности трудовой деятельности. Трудовые задачи работников различных производств отличаются по физической и физиологической нагрузке, по степени действия вредных производственных факторов.

Цель настоящего исследования — выявить и описать особенности психологической адаптированности вахтового персонала промышленных предприятий в условиях Крайнего Севера. В исследовании приняло участие 145 вахтовых работников нефтегазодобывающего и алмазодобывающего производств в условиях Крайнего Севера, 82 строителя, работающих вахтовым методом на юге РФ, которые явились группой сравнения для выявления особенностей психологической адаптированности вахтового персонала на Крайнем Севере.

Методы исследования. Психофизиологическое и психологическое тестирование направлено на диагностику осознанной саморегуляции произвольной активности человека и субъективного контроля как ключевых характеристик психологической адаптированности работников. Полученные результаты позволяют сделать вывод о схожести психологических характеристик, способствующих успешной адаптированности вахтового персонала вне зависимости от региона нахождения промышленного объекта. К их числу относятся интернальность в области достижений, неудач, семейных отношений, здоровья и болезни, а также моделирование, оценка результатов и самостоятельность как регуляторные процессы. В то же время есть специфика их выраженности в зависимости от региона расположения объекта и отрасли промышленности.

Ключевые слова: вахтовый метод труда, психологическая адаптированность, регуляторные процессы, саморегуляция, локус контроля, функциональное состояние.

Информация о грантах и благодарностях. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00799А «Прогностическая модель адаптивности и надежности профессионалов в экстремальных условиях труда».

Для цитирования: Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Особенности психологической адаптированности вахтового персонала в условиях Крайнего Севера // Национальный психологический журнал. 2021. № 4(44). С. 63–74. doi: 10.11621/npj.2021.0406

Поступила 6 декабря 2021 / Принята к публикации 12 декабря 2021

The Psychological Adaptation Features of Shift Personnel in the Far North

Yana A. Korneeva, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

ORCID: 0000-0001-9118-9539

Natalya N. Simonova*, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5658-6811

*Corresponding author: n23117@mail.ru

Abstract. Fly-in-fly-out personnel in the Far North are exposed to extreme climatic, geographic, and production factors, and also remain in conditions of group isolation, which makes demands on fly-in-fly-out worker's body that often exceed its reserves. The full adaptation impossibility is associated with unfavorable functional states of workers, which lead to a decrease in the level of mental health, productivity and work efficiency. Job tasks of workers in various industries differ in physical and physiological stress and in the degree of harmful production factors expression. The purpose of this study is to identify and describe the psychological adaptation features in fly-in-fly-out personnel in industrial enterprises of the Far North. The study involved 145 fly-in-fly-out workers of oil, gas, and diamond mining industries in the Far North, 82 fly-in-fly-out builders in the south of the Russian Federation, who were a comparison group to identify the psychological adaptation features of fly-in-fly-out personnel in the Far North. Research methods are psychophysiological and psychological testing aimed at diagnosing conscious self-regulation of voluntary human activity and subjective control as key characteristics of psychological adaptation of workers. The results obtained allow us to conclude about the similarity of psychological characteristics that contribute to the successful adaptation of fly-in-fly-out personnel, regardless of the region where the industrial facility is located. These include internality in the areas of achievement, failure, family relationships, health and illness, as well as modeling, performance evaluation, and autonomy as regulatory processes. At the same time, their expression is specific, depending on the region of the object location and the industry.

Key words: fly-in-fly-out work method; psychological adaptation; regulatory processes; self-regulation; locus of control; functional state.

Information about grants and acknowledgments. Research is supported by RFBR, project # 19-013-00799A "Prognostic model of adaptability and reliability of professionals working under extreme job conditions."

For citation: **Korneeva Ya.A., Simonova N.N.** (2021) The Psychological Adaptation Features of Shift Personnel in the Far North, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 4 (44), 63–74. doi: 10.11621/npj.2021.0406

Received December 6, 2021 / Accepted for publication December 12, 2021

Введение

Поскольку спрос на ресурсы продолжает расти во всем мире, все большее число проектов по добыче полезных ископаемых расположены в регионах, удаленных от населенных пунктов. Из-за удаленного расположения ресурсов компании, стремящиеся добывать полезные ископаемые на этих участках, ввели для своих сотрудников особый метод организации труда — вахтовый метод или “Fly-in-fly-out” FIFO (Houghton, 1993). В зарубежных исследованиях вахтовый метод определяется как «всякая занятость, на которой работа настолько изолирована от домов рабочих, что им предоставляется питание и жилье на рабочем месте, и создаются списки, в соответствии с которыми работники проводят на площадке фиксированное количество дней с последующим фиксированным количеством дней дома» (Storey & Shrimpton, 1989, p. 2).

Занятость вахтовым методом продолжает расширяться и в настоящее время используется для обслуживания удаленной добычи, включая как морские, так и наземные проекты добычи полезных ископаемых. Важно отметить, что вахтовый метод является единственным жизнеспособным вариантом для морской нефтегазовой промышленности, так как в отличие от наземных шахтных площадок ежедневные поездки на работу невозможны, а постоянные перемещения недоступны (Storey, 2001; Zhao et al., 2017).

В России традиционно вахтовый метод применяется для разведки и добычи нефти, газа, алмазов и пр. на Крайнем Севере и в Арктике. Эти территории характеризуются экстремальными природно-клима-

тическими факторами и условиями жизнедеятельности (низкая плотность населения, удаленность от основных населенных пунктов, сложности с поставками топлива, продовольствия и товаров первой необходимости из других регионов России).

В исследованиях многих авторов установлено, что на работников вахтового метода труда в условиях Крайнего Севера и Арктики влияют три группы факторов: климатогеографические, связанные с суровым арктическим климатом; производственные, обусловленные опасностью и вредностью производства; социально-бытовые, детерминированные условиями групповой изоляции (Богатырева Е.В., 2004; Крамар В.С. с соавт., 2009; Симонова Н.Н., 2011; Дегтева Г.Н. с соавт., 2017).

Для вахтовых форм организации труда характерным является целый ряд проблем, связанных с условиями профессиональной деятельности (Белых С.Л. с соавт., 2016; Богатырева Е.В., 2004; Крамар В.С. с соавт., 2009; Пасленов А.П. с соавт., 2006; Симонова Н.Н., 2011; Корнеева Я.А. с соавт., 2013). С одной стороны, в экономике существует большая потребность в вахтовой организации труда, с другой стороны, такая организация создает для работника целый ряд ограничений (Белых С.Л. с соавт., 2016; Симонова Н.Н., 2011), преодоление которых требует большого напряжения сил.

В научных исследованиях накоплен большой объем данных по вопросам воздействия климатических условий Крайнего Севера, а также производственных факторов на вахтовых работников (Богатырева Е.В., 2004; Симонова Н.Н., 2011; Hart, 2013; Дегтева Г.Н. с соавт., 2017). Авторами представлены научные данные о резких негативных физиологических изме-

Яна Александровна Корнеева —

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ)

ORCID: 0000-0001-9118-9539

Yana A. Korneeva —

PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Psychology of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (NArFU)

ORCID: 0000-0001-9118-9539

Наталья Николаевна Симонова —

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0001-5658-6811

Natalya N. Simonova —

Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher at the Laboratory of Occupational Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0001-5658-6811

нениях в организме работников при различных режимах труда и отдыха в условиях Крайнего Севера, несмотря на то, что HR специалисты работают над снижением влияния негативных факторов (Симонова, 2011; Occupational safety and health and skills in the oil and gas industry, 2015).

В исследованиях показано, что деятельность в экстремальных условиях усложняет требования к профессиональной адаптации работников, что обусловлено сочетанием множества неблагоприятных факторов среды и непредсказуемостью возникновения стрессогенных или аварийных ситуаций (Velasco Garrido et al., 2018; Mette et al., 2018; Gardner et al., 2018; Rebar et al., 2018; Sibbel et al., 2016).

В проведенных ранее исследованиях установлено, что профессиональная деятельность специалистов вахтовых форм труда в условиях Крайнего Севера требует создания условий, способствующих физиологической, психологической и социально-психологической адаптации (Корнеева, Симонова, 2016; Vojnovic et al., 2015; Дегтева с соавт., 2017; Korneeva, Simonova, 2018; Albrecht et al., 2018; Mette et al., 2019; Miller et al., 2019; Adams et al., 2019). В свою очередь, от работников требуется адаптированность, которую мы вслед за Л.Г. Дикой понимаем как результат психологической адаптации, представляющий собой систему качеств личности, необходимую для продуктивного выполнения своей ведущей деятельности (Шапкин, Дикая, 1996; Hobfoll, 2002).

Оценка адаптированности вахтового персонала должна базироваться на учете всего многообразия негативных факторов среды. Анализ каждого из факторов по отдельности и всех вместе очень важен для оценки нагрузки на адаптивные резервы организма и психики человека.

При умеренном воздействии факторов среды адаптированность достигается стандартными для человека способами. Но в случае повышения напряженности воздействия факторов среды, адаптация в обычном ее понимании не может быть завершена и требует постоянного активного участия личности в процессе поддержания своего состояния для успешного решения профессиональных задач и сохранения себя.

По результатам проведенных ранее исследований, изучающих функциональные состояния средствами объективных, субъективных и проективных методов, стратегии совладания со стрессом, психологические защиты, стили поведения в конфликте, различные одномерные и многомерные опросники личностных черт, в том числе социально-психологические особенности (Симонова, 2011; Корнеева с соавт., 2013; Korneeva, Simonova, 2018), в процесс адаптации работников к неблагоприятным воздействиям среды включаются, преимущественно, осознанная саморегуляция поведения и внутренний локус контроля. Критерием успешности адаптации — адаптированности — являются благоприятные функциональные состояния, обеспечиваемые саморегуляцией поведения человека. Проактивный уровень включения личности в процесс в адаптации связан с умеренным

повышением внутреннего локуса контроля (интернальность).

Таким образом, психологическую адаптированность мы будем изучать через субъективные критерии — показатели осознанной саморегуляции поведения и субъективного контроля, и объективные критерии — уровень функционального состояния.

В связи с тем, что специфика деятельности и условия организации труда на различных предприятиях могут обеспечивать различный набор внешних средств, возможности которых доступны работникам для обеспечения эффективной профессиональной деятельности и поддержания при этом оптимального функционального состояния, т.е. различный средовой ресурс. В ранее нами проведенном исследовании установлено, что средовой ресурс более представлен у вахтовых работников лесозаготовительного предприятия, персонала нефтегазодобывающего производства, а менее всего выражен у специалистов алмазодобывающего предприятия (Корнеева Я.А., Симонова Н.Н., 2014). Мы ожидаем, что данные различия отражаются на особенностях психологической адаптированности персонала различных производств.

В соответствии с этим, *цель* настоящего исследования — выявить и описать особенности психологической адаптированности вахтового персонала промышленных предприятий в условиях Крайнего Севера.

Гипотеза исследования

Успешной психологической адаптированности вахтового персонала промышленных предприятий на севере и юге будет способствовать особое сочетание характеристик интернальности и регуляторных процессов, обусловленное спецификой вида предприятия и отрасли промышленности. Психологическая адаптированность работников алмазодобывающего производства выше в части осознанной саморегуляции и субъективного контроля, чем у работников нефтегазодобывающего производства, что обусловлено спецификой вида производства, экстремальностью деятельности и степенью групповой изоляции.

Материалы и методы исследования

Для выявления особенностей психологической адаптированности вахтового персонала промышленных предприятий в условиях Крайнего Севера проведено исследование посредством трех экспедиционных выездов на следующие объекты:

1. Нефтедобывающее производство, где приняло участие в исследовании 69 человек (Республика Коми, с длительностью вахтового заезда 28 дней). Исследование проводилось в 2015 году.

2. Алмазодобывающее производство, где приняло участие 76 человек (Архангельская область, с дли-

тельностью вахтового заезда 14 дней). Исследование проводилось в июле — августе 2017 года.

3. Строительство объекта «Крымский мост», где приняло участие 82 человека (Краснодарский край, с длительностью вахты 28 дней). Исследование проводилось в июне — июле 2018 года. Данная группа явилась группой сравнения для выявления особенностей психологической адаптированности вахтового персонала в условиях Крайнего Севера.

Всего в исследовании приняло участие 227 вахтовых работников в возрасте от 21 до 63 лет. Все работники принимали участие в исследовании при их личном согласии.

В соответствии с целью и задачами исследования в данной работе использованы следующие методы:

1. Анкетирование, направленное на получение информации о биографических данных работника и особенностях его трудовой деятельности.

2. Оценка уровня функционального состояния работников посредством аппаратурной психофизиологической методики — «Вариационная кардиоинтервалометрия (ВКМ)», выполненной с помощью устройства УПФТ-1/30 «Психофизиолог». Это оценка функционального состояния и адаптационных возможностей сердечно-сосудистой системы по методике вариационной кардиоинтервалометрии.

3. Метод психологического тестирования, использованный для выявления особенностей психологической адаптированности:

- 1) методика «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, которая диагностирует уровень развития индивидуальной саморегуляции и ее индивидуального профиля (Моросанова, Кондратьев, 2020);
- 2) методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина с соавт. (Бажин с соавт., 1984).

Статистический анализ данных осуществлен с помощью пакета программ IBM SPSS Statistics 23.00 (лицензионное соглашение № Z125-3301-14). Для статистической обработки данных использованы описательные характеристики, таблицы сопряженности с использованием χ^2 Пирсона, многомерный дисперсионный анализ (MANOVA).

Результаты исследования

Как отмечалось ранее, объективным критерием адаптированности вахтовых работников может выступать функциональное состояние, которое мы измеряли с помощью методики ВКМ путем отнесения к одной из шести групп: оптимальное; близкое к оптимальному; допустимое, предельно допустимое; негативное; критическое. Для задач настоящего исследования мы укрупнили эти группы, объединив сотрудников с благоприятным и неблагоприятным состоянием следующим образом: с благоприятным функциональным состоянием (оптимальное; близкое к оптимальному; допустимое) и неблагоприятным функциональным состоянием (предельно допусти-

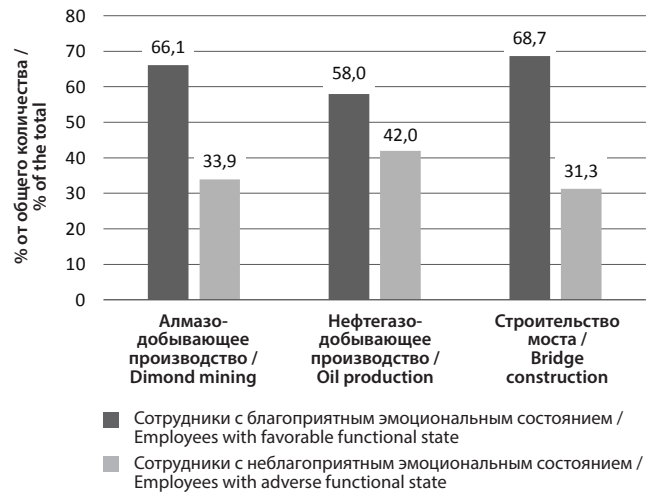

Рис. 1. Распределение работников по уровню функционального состояния (в %)

Fig. 1. Distribution of Employees by the Level of Functional State (in %)

мое; негативное; критическое). На рис. 1 представлено распределение работников каждого из изучаемых производств на две группы по уровню функционального состояния.

Согласно данным описательных статистик (рис. 1), большинству вахтовых работников в каждой отрасли производства удается сохранить свое функциональное состояние благоприятным. Также мы можем сказать, что на нефтедобывающем производстве работников с неблагоприятным функциональным состоянием больше, по критерию χ^2 различия обнаружены на уровне статистической тенденции ($\chi^2 = 3,636$ при $p = 0,057$).

При изучении особенностей психологической адаптированности у вахтового персонала с разным уровнем функционального состояния мы предположили, что работники с благоприятным состоянием более адаптированы к работе вахтовым методом и используют более эффективные способы адаптации.

С целью определения уровня выраженности субъективного контроля у работников различных отраслей производства при различной адаптированности применен многомерный дисперсионный анализ, где сравнивались группы представителей различных регионов расположения промышленных объектов с благоприятным и неблагоприятным функциональным состоянием по показателям опросника «Уровень субъективного контроля» (а именно общая интернальность, интернальность в области достижений, неудач, семейных отношений, производственных отношений, межличностных отношений, интернальность в области здоровья и болезни).

Согласно данным многомерных тестов выявлены статистически значимые различия для вида производства (След Пиллаи равен 0,279 при $p < 0,001$) и для взаимодействия двух факторов — вида производства и уровня функционального состояния (След Пиллаи равен 0,279 при $p = 0,001$) — на выраженность субъективного контроля вахтовых работников. Влияние

Таблица 1. Описательные статистики показателей интернальности вахтового персонала различных производств при разной адаптированности

Фактор	Градации фактора	Интернальность в достижениях M±SD	Интернальность в неудачах M±SD	Интернальность в семейных отношениях M±SD	Интернальность в производственных отношениях M±SD	Интернальность в области здоровья и болезни M±SD
Уровень ФС	Благоприятное ФС	6,5±0,19	5,0±0,18			
	Неблагоприятное ФС	5,7±0,22	4,3±0,25			
	P уровень значимости по одномерным тестам	0,04	0,052	0,244	0,454	0,489
Вид производства	Алмазодобывающее	6,9±0,26	5,0±0,33	6,8±0,27	4,5±0,25	
	Нефтедобывающее	5,9±0,25	3,9±0,22	5,8±0,24	3,3±0,20	
	Строительство моста	5,8±0,23	5,1±0,21	5,9±0,21	3,8±0,18	
	P уровень значимости по одномерным тестам	0,004	0,002	0,001	0,001	0,797
Вид производства* Уровень ФС	Алмазодобывающее			6,5±0,35		5,1±0,35
	Неблагоприятное ФС			7,5±0,37		5,8±0,44
	Нефтедобывающее			6,3±0,25		5,2±0,39
	Неблагоприятное ФС			5,3±0,38		6,2±0,36
	Строительство моста			6,3±0,20		6,2±0,28
	Неблагоприятное ФС			5,4±0,40		5,2±0,46
	P уровень значимости по одномерным тестам	0,178	0,204	0,005	0,197	0,013

Примечание: средние значения внесены по переменным, имеющим статистически значимые различия по соответствующим группам.

Table 1. Descriptive statistics of indicators of internality of rotational personnel of various industries with different adaptations

Factor	Factor gradation	Internality in achievements M±SD	Internality in failure M±SD	Internality in family relationships M±SD	Internality in industrial relations M±SD	Internality in health and disease M±SD
FS level	Favorable FS	6.5±0.19	5.0±0.18			
	Adverse FS	5.7±0.22	4.3±0.25			
	P level of significance by univariate tests	0.04	0.052	0.244	0.454	0.489
Production type	Diamond mining	6.9±0.26	5.0±0.33	6.8±0.27	4.5±0.25	
	Oil production	5.9±0.25	3.9±0.22	5.8±0.24	3.3±0.20	
	Bridge construction	5.8±0.23	5.1±0.21	5.9±0.21	3.8±0.18	
	P level of significance by univariate tests	0.004	0.002	0.001	0.001	0.797
Type of production* FS level	Diamond mining			6.5±0.35		5.1±0.35
	Adverse FS			7.5±0.37		5.8±0.44
	Oil production			6.3±0.25		5.2±0.39
	Adverse FS			5.3±0.38		6.2±0.36
	Bridge construction			6.3±0.20		6.2±0.28
	Adverse FS			5.4±0.40		5.2±0.46
	P level of significance by univariate tests	0.178	0.204	0.005	0.197	0.013

Note: The mean values are included for variables that have statistically significant differences in the respective groups.

предиктора «функциональное состояние» на выраженность субъективного контроля вахтовых работников не установлено. В то же время, зафиксированы различия у представителей с благоприятным и неблагоприятным состоянием на уровне тенденций. Сопровождение требует дифференцированного подхода, учитывающее сочетание фактора региона нахождения промышленного объекта и типа функционального состояния сотрудников.

В табл. 1 представлены описательные статистики показателей интернальности вахтового персонала, имеющие статистически значимые различия у изучаемых групп по результатам одномерных критериев.

Согласно результатам одномерных тестов, выявлена тенденция в различиях выраженности интернальности в области достижений и неудач у вахтового персонала с различным уровнем функционального состояния. Сотрудники с благоприятным функциональным состоянием отличаются большей интернальностью в области достижений и средней интернальностью в области неудач. Им свойственно считать, что достигнутые ими положительные результаты своего труда являются их личной заслугой. В то же время, они понимают, что в ряде ситуаций неудач причина поражений также кроется в их собственных действиях и поведении. Сотрудники с неблагоприятным функциональным состоянием имеют противоположные особенности: им свойственно приписывать причины своих неудач больше внешним обстоятельствам, относительно ситуаций успеха — их причины видятся как результат собственных усилий, так и случая. Такое понимание и осмысление результатов своей деятельности приводит, с одной стороны, к отсутствию удовлетворенности от проделанной работы, с другой стороны — к отсутствию желания вносить изменения в свое поведение для достижения лучшего результата. Вследствие чего затруднено достижение цели деятельности и вероятно формирование неблагоприятных функциональных состояний и сниженной адаптированности.

Как видно из данных табл. 1, у вахтовых работников различных производств наблюдаются статистически значимые различия в выраженности интернальности в области достижений, неудач, семейных и производственных отношений. Относительно более высокий уровень интернальности характерен для работников алмазодобывающей отрасли. Эти работники считают себя ответственными за события, происходящие с ними в области семейных и производственных отношений. По их мнению, только от их собственных действий зависит организация их производственной деятельности и они чаще проявляют склонность к принятию ответственности на себя. Также они считают, что всего достигают своими усилиями и способны с успехом идти к намеченной цели. Они не склонны перекладывать ответственность на своих коллег или руководство.

Интересно отметить, что наряду с выраженной интернальностью в области достижений данные специалисты имеют внешний локус контроля в области неудач и семейных отношений, что выражается в не-

принятии на себя ответственности в данных сферах своей жизни.

В сравнении с данными специалистами, работники нефтедобывающего производства имеют меньшую выраженность интернальности в области достижений, семейных и производственных отношений, чем у представителей алмазодобывающей отрасли. При этом в области неудач им свойственен схожий умеренный внутренний локус контроля.

Представители всех трех производств экстернальны в области производственных отношений, что выражается в приписывании более важной роли внешним обстоятельствам (руководству, коллегам, везению и т.п.) при организации своей профессиональной деятельности, что может затруднять повышение ее эффективности.

В целом, можно говорить о том, что у вахтового персонала Крайнего Севера субъективный контроль в области достижений и семейных отношений выше, чем у вахтового персонала южной вахты. Работники алмазодобывающего производства более ответственны за свои действия, чем работники нефтегазодобывающего производства. Это может быть связано с тем, что в нефтегазодобывающем производстве выше вероятность возникновения стрессогенных или аварийных ситуаций, которые требуют указаний руководителей для их разрешения, а также выше уровень профессиональной подготовки специалистов.

Существуют статистически значимые различия в выраженности интернальности в семейных отношениях и в области здоровья и болезни у представителей различных предприятий с разным уровнем функциональных состояний. Работники алмазодобывающего предприятия с неблагоприятным функциональным состоянием имеют более высокий интернальный локус контроля в семейных отношениях и в области здоровья и болезни. В то же время у строителей моста с неблагоприятным уровнем функционального состояния, наоборот, наблюдаются более низкие значения по данным параметрам. Эти результаты свидетельствуют в пользу умеренного повышения интернальности в обозначенных сферах, т.к. при ее значительном повышении возрастает и напряженность, отнимающая дополнительные внутренние ресурсы, а при недостаточной выраженности субъект труда недостаточно включается в процесс общения и деятельности, что приводит к снижению качества отношений и снижению состояния здоровья.

С целью определения ведущих регуляторных процессов у работников различных производств проводился многомерный дисперсионный анализ, где были соотнесены группы представителей различных отраслей промышленности (нефтедобывающая, алмазодобывающая, строительство моста) с благоприятным и неблагоприятным функциональным состоянием по выраженности регуляторных процессов (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, самостоятельность).

Согласно данным многомерных тестов существуют статистически значимые различия в регуляторных процессах у вахтовых работников с различны-

ми функциональными состояниями (След Пиллаи равен 0,672 при $p=0,052$), различных производств (След Пиллаи равен 0,185 при $p=0,001$) и при взаимодействии факторов вида производства и функционального состояния (След Пиллаи равен 0,073 при $p=0,05$).

В табл. 2 представлены описательные статистики регуляторных процессов вахтового персонала, имеющие статистически значимые различия у изучаемых групп по результатам одномерных критериев.

Согласно данным одномерных тестов, существуют статистически значимые различия в выраженности самостоятельности как регуляторного процесса у вахтового персонала с различным уровнем функци-

онального состояния. Сотрудники с благоприятным функциональным состоянием отличаются более высоким (в пределах нормы) уровнем самостоятельности, чем представители противоположной группы.

Представители трех изучаемых производств отличаются в выраженности таких регуляторных процессов, как моделирование, оценка результатов и самостоятельность.

Самостоятельность у работников на Крайнем Севере выражена меньше всего, что говорит о зависимости от мнений других людей и регуляторных сбоях при отсутствии посторонней помощи, что особенно проявляется у работников нефтегазодобывающего производства, вероятно, в связи с наибольшей опас-

Таблица 2. Описательные статистики регуляторных процессов вахтового персонала различных производств при разной адаптированности

Фактор	Градация фактора	Моделирование M±SD	Оценка результатов M±SD	Самостоятельность M±SD
Уровень ФС	Благоприятное ФС			4,9±0,19
	Неблагоприятное ФС			4,4±0,19
	P уровень значимости по одномерным тестам	0,186	0,840	0,030
Вид производства	Алмазодобывающее	7,1±0,30	6,0±0,17	4,9±0,32
	Нефтедобывающее	6,5±0,22	6,2±0,17	4,1±0,21
	Строительство моста	6,1±0,21	5,5±0,19	5,2±0,21
	P уровень значимости по одномерным тестам	0,015	0,014	0,002
Вид производства* Уровень ФС	Алмазодобывающее	Благоприятное ФС	7,3±0,27	
		Неблагоприятное ФС	6,7±0,83	
	Нефтедобывающее	Благоприятное ФС	6,3±0,28	
		Неблагоприятное ФС	6,8±0,34	
	Строительство моста	Благоприятное ФС	6,5±0,27	
		Неблагоприятное ФС	5,4±0,31	
	P уровень значимости по одномерным тестам	0,027	0,579	0,186

Примечание: средние значения внесены по переменным, имеющим статистически значимые различия по соответствующим группам.

Table 2. Descriptive Statistics of Regulatory Processes of Shift Personnel in Various Industries with Different Adaptations

Factor	Factor gradation	Modeling M±SD	Result evaluation M±SD	Independence M±SD
FS level	Favorable FS			4,9±0,19
	Adverse FS			4,4±0,19
	P level of significance by univariate tests	0.186	0.840	0.030
Production type	Diamond mining	7.1±0.30	6.0±0.17	4.9±0.32
	Oil production	6.5±0.22	6.2±0.17	4.1±0.21
	Bridge construction	6.1±0.21	5.5±0.19	5.2±0.21
	P level of significance by univariate tests	0.015	0.014	0.002
Type of production* * FS level	Diamond mining	FAVORABLE FS	7.3±0.27	
		Adverse FS	6.7±0.83	
	Oil production	FAVORABLE FS	6.3±0.28	
		Adverse FS	6.8±0.34	
	Bridge construction	FAVORABLE FS	6.5±0.27	
		Adverse FS	5.4±0.31	
	P level of significance by univariate tests	0.027	0.579	0.186

Note: the mean values are included for variables that have statistically significant differences in the respective groups.

ностью профессиональной деятельности. В то же время мы видим, что данные работники демонстрируют пластичность всех регуляторных процессов. При возникновении непредвиденных обстоятельств они способны перестраивать планы и поведение, способны быстро оценить изменение условий и перестроить программу действий (Моросанова, Кондратюк, 2020). Гибкость регуляторных процессов позволяет адекватно реагировать на быстрое изменение условий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска.

По результатам анализа выявлено, что ведущим регуляторным процессом у работников нефтегазового и алмазодобывающего производств является моделирование. Этим работников отличает четкость постановки целей, тщательное планирование, назначение конкретных сроков выполнения задач и, как следствие, организованность производственного процесса. Достаточно высокий уровень развития моделирования позволяет правильно оценить ситуацию, оперативно подобрать пути и способы достижения цели, особенно в стрессогенной ситуации.

Строители моста на юге РФ имеют более высокий уровень выраженности самостоятельности, что может быть обусловлено наличием индивидуального плана работы и возможности независимого от коллег планирования его реализации.

Сотрудников различных производств с разным уровнем функциональных состояний отличает выраженность моделирования как регуляторного процесса. Следует отметить, что моделирование имеет более высокий уровень выраженности у представителей алмазодобывающего производства и строительства с благоприятным функциональным состоянием. У сотрудников нефтегазодобывающего производства с благоприятным функциональным состоянием, наоборот, отмечается меньшая выраженность данного регуляторного процесса. Этот факт мы связываем со спецификой профессиональной деятельности: в нефтегазодобывающей промышленности чаще возникают нестандартные ситуации, обусловленные экстремальными климатическими условиями, что не всегда делает возможным применять моделирование.

Обсуждение результатов

Ранее нами установлено (Корнеева, Симонова, 2014), что вахтовые работники нефтедобывающего, алмазодобывающего и лесозаготовительного производств с высоким уровнем адаптированности обладают следующим «ядром» личностного ресурса: достаточно высоким уровнем принятия других, умеренно высокими значениями уровня субъективного контроля и использованием программирования как регуляторного процесса, что позволяет преодолевать негативное средовое воздействие вахтового труда в условиях Крайнего Севера.

Получены следующие различия в параметрах адаптированности у вахтового персонала различных производств (Корнеева, Симонова, 2014): для работни-

Таблица 3. Обобщенные результаты выраженности различных параметров адаптированности настоящего исследования в соотношении с результатами предыдущих исследований

Показатель адаптированности	Нефтегазодобывающее производство	Алмазодобывающее производство	Строительство моста
Интернальность в области достижений	Средний	Высокий	Средний
Интернальность в области семейных отношений	Средний	Выше среднего	Средний
Интернальность в области производственных отношений	Низкий	Ниже среднего	Низкий
Интернальность в области неудач	Ниже среднего	Средний	Средний
Моделирование	Выше среднего	Высокий	Выше среднего
Самостоятельность	Ниже среднего	Ниже среднего	Средний
Оценка результатов	Выше среднего	Выше среднего	Средний

Примечание: полужирным шрифтом выделены параметры, которые являются ключевыми для адаптированности вахтового персонала нефтегазодобывающего, алмазодобывающего и лесозаготовительного производств по результатам предыдущих исследований (Корнеева, Симонова, 2014).

Table 3. Generalized Results of the Severity of Various Parameters of Adaptation in This Study in Relation to the Results of Previous Studies

Adaptation indicator	Oil and gas production	Diamond mining production	Bridge construction
Internality in the field of achievement	Average	High	Average
Internality in the field of family relations	Average	Above average	Average
Internality in the field of industrial relations	Low	Below the average	Low
Internality in the area of failure	Below the average	Average	Average
Modeling	Above average	High	Above average
Independence	Below the average	Below the average	Average
Evaluation of results	Above average	Above average	Average

Note: the parameters that are key for the adaptation of the shift personnel of oil and gas production, diamond mining and logging industries according to the results of previous studies are highlighted in bold type (Korneeva, Simonova, 2014).

ков лесозаготовительного предприятия характерна общая интернальность и интернальность в области достижения; для работников алмазодобывающего производства — интернальность в области межличностных отношений и в области здоровья и болезни; для работников нефтегазодобывающего производства — общая интернальность, интернальность в области межличностных отношений и в области здоровья и болезни.

В табл. 3 представлены обобщенные результаты изложенного в статье исследования в соотнесении с предыдущими исследованиями.

Согласно табл. 3, выявленные параметры адаптированности, с одной стороны, соотносятся с результатами предыдущих исследований, с другой стороны, дополняют и расширяют их в аспекте дифференцированности. Следует отметить, что эмпирические данные, представленные в настоящей статье, собраны в экспедициях на нефтегазодобывающем и алмазодобывающем предприятиях с высокой организацией труда, оптимальной обеспеченностью жизнедеятельности персонала в вахтовый период. В связи с чем, полученные данные о содержательной характеристике их адаптированности отличаются от ранее полученных результатов на объектах, где такие преимущества отсутствовали и средовой ресурс был снижен. Ближе всего с точки зрения средового ресурса к предыдущим предприятиям является строительство моста. Однако, принципиальное отличие этого промышленного объекта, по нашему мнению, в низкой степени групповой изоляции (расположение вахтового поселка непосредственно в населенном пункте) и климато-географическими особенностями юга РФ. Поэтому мы получили отличающиеся данные и у представителей, занятых на строительстве моста.

В то же время данное исследование подтверждает целесообразность использования данных диагностических методик для выявления ключевых параметров адаптированности вахтового персонала и необходимости выстраивания психологического сопровождения с учетом специфики предприятия.

Заключение

Вахтовый персонал промышленных предприятий с благоприятным функциональным состоянием характеризуется внутренним локусом контроля в области

достижений и умеренно выраженной интернальностью в области неудач, а также самостоятельностью как регуляторным процессом. Эти характеристики способствуют более высокой психологической адаптированности вахтового персонала.

Установлены статистически значимые различия в выраженности параметров интернальности и регуляторных процессов у вахтовых работников различных производств. Более высокий уровень интернальности в области достижений и семейных отношений наблюдается у представителей алмазодобывающего производства, а в области неудач — у строителей моста. Экстремальный локус контроля в области производственных отношений характерен для представителей всех изучаемых производств, при этом у работников нефтегазодобывающего предприятия — самый низкий по сравнению с двумя другими группами. У этих сотрудников отмечается внешний локус контроля в области неудач.

Относительно регуляторных процессов более высокий уровень выраженности моделирования и оценки результатов отмечается у представителей нефтегазодобывающего и алмазодобывающего предприятий. Более высокий уровень самостоятельности характерен для работников алмазодобывающего предприятия и строителей моста.

Существуют статистически значимые различия в выраженности интернальности в семейных отношениях и в области здоровья и болезни, а также самостоятельности как регуляторного процесса у представителей различных предприятий с разным уровнем функциональных состояний. Результаты продемонстрировали необходимость умеренного повышения интернальности в обозначенных сферах. Для повышения психологической адаптированности персонала требуется более высокий уровень самостоятельности у сотрудников алмазодобывающего предприятия и строительства моста, а для представителей нефтегазодобывающего предприятия достаточно среднего уровня выраженности этого регуляторного процесса.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о схожести средних значений психологических характеристик, способствующих успешной адаптированности вахтового персонала в северном и южном регионах нахождения промышленного объекта. В то же время есть специфика их выраженности в зависимости от вида предприятия и отрасли промышленности, которая отличается на севере и юге.

Литература:

- Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 3. С. 152–162.
- Белых С.Л., Симонова Н.Н., Корнеева Я.А., Войтехович Т.С. Ментальные репрезентации вахты как фактор профессиональной адаптации персонала // Психологический журнал. 2016. № 5 (37). С. 32–44.
- Богатырева Е.В. Методы обеспечения безопасности персонала нефтегазовых платформ Арктического шельфа: дис. ... канд. техн. наук. Москва, 2004.
- Дегтева Г.Н., Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Личностный ресурс работников нефтегазодобывающих компаний в контексте адаптации к неблагоприятным климатогеографическим условиям Арктики // Экология человека. 2017. № 9. С. 15–21.
- Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Адаптационные стратегии вахтовых работников на Крайнем Севере в контексте риск-ориентированного подхода: монография. Архангельск: ИД САФУ, 2014.

- Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Оценка экстремальных факторов вахтового труда в условиях Арктики работниками с различными регуляторными процессами // Гигиена и санитария. 2016. Т. 95, № 4. С. 381–386.
- Корнеева Я.А., Симонова Н.Н., Дегтева Г.Н., Дубинина Н.И. Стратегия адаптации вахтовых работников на Крайнем Севере // Экология человека. 2013. № 9. С. 9–16.
- Крамар В.С., Орлова И.А., Крамар О.В. Психологический отбор персонала — один из аспектов технического регулирования работы предприятий вахтовым методом в условиях Крайнего Севера // Наука и техника в газовой промышленности. 2009. № 9. С. 96–104.
- Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 155–167.
- Пасленов А.П., Попович Т.В., Орлова И.А. Психологический отбор как прогнозирование успешности деятельности персонала вахтовым методом // Газовая промышленность. 2006. № 7. С. 59–62.
- Симонова Н.Н. Психологический анализ профессиональной деятельности специалистов нефтедобывающего комплекса: на примере вахтового труда в условиях Крайнего Севера: дис... д-ра психол. наук. Москва, 2011.
- Шапкин С.А., Дикая Л.Г. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации. // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 1. С. 19–34.
- Adams, M.E., Lazarsfeld-Jensen, A., Francis, K. (2019). The implications of isolation for remote industrial health workers. *Rural and remote health*, 19 (2), 5001. <https://doi.org/10.22605/RRH5001>
- Albrecht, S.L., Anglim, J. (2018). Employee engagement and emotional exhaustion of fly-in-fly-out workers: A diary study. *Australian Journal of Psychology*, 70 (1), 66–75. <https://doi.org/10.1111/ajpy.12155>
- Gardner, B., Alfrey, K.L., Vandelanotte, C., Rebar, A.L. (2018). Mental health and well-being concerns of fly-in fly-out workers and their partners in Australia: a qualitative study. *BMJ Open*, 8 (3), e019516. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2017-019516>.
- Hart, S. (2013). TCFt 491: A case study of offshore safety and corporate social responsibility. *Journal of Business Ethics*, 113 (3), 519–541.
- Hobfoll, St.E. (2002). Social and Psychological Resources and Adaptation. *Review of General Psychology*, 6 (4), 307–324.
- Houghton, D. (1993). Long distance commuting: A new approach to mining in Australia. *The Geographical Journal*, 159 (3), 281–290.
- Korneeva, Y., Simonova, N. (2018). Analysis of psychological risks in the professional activities of oil and gas workers in the far north of the Russian Federation. *Behavioral Sciences*, 8 (9), 84.
- Mette, J, Robelski, S, Kirchhöfer, M, Harth, V, Mache, S. (2019). Living the 14/14 Schedule: Qualitative Analysis of the Challenges and Coping Strategies among Families of Offshore Wind Workers. *Int J Environ Res Public Health*, 16 (2), 241.
- Mette, J, Velasco, Garrido, M., Harth, V., Preisser, A.M., Mache, S. (2018). Healthy offshore workforce? A qualitative study on offshore wind employees' occupational strain, health, and coping. *BMC Public Health*, 18, 172.
- Miller, P., Brook, L., Stomski, N.J., Ditchburn, G., & Morrison, P. (2019). Depression, suicide risk, and workplace bullying: a comparative study of fly-in, fly-out and residential resource workers in Australia. *Australian health review: a publication of the Australian Hospital Association*, 44 (2), 248–253.
- Occupational safety and health and skills in the oil and gas industry operating in polar and subarctic climate zones of the northern hemisphere: Report for discussion at the Tripartite Sectoral Meeting on Occupational Safety and Health and Skills in the Oil and Gas Industry Operating in Polar and Subarctic Climate Zones of the Northern Hemisphere, Geneva, 26–29 January 2016 / International Labour Office, Sectoral Policies Department, Geneva, ILO, 2015./https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/publication/wcms_438074.pdf
- Rebar, A.L., Alfrey, K.L., Gardner, B, Vandelanotte, C. (2018). Health behaviours of Australian fly-in, fly-out workers and partners during on-shift and off-shift days: an ecological momentary assessment study. *BMJ Open*, 8 (12), e023631.
- Sibbel, A.M., Kaczmarek, E., Drake, D. (2016). Fly-In/Fly-Out Accommodation: Workers' Perspectives. In Haslam McKenzie F. (Eds.), *Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry*. Springer, Singapore.
- Storey, K. (2001). Fly-in/fly-out and fly-over: mining and regional development in Western Australia. *Australian Geographer*, 32 (2), 133–148.
- Storey, K., & Shrimpton, M. (1989). Long distance labour commuting in the Canadian mining industry. (Working Paper, 43). Kingston, Ontario: Queen's University, Centre for Resource Studies. <https://archive.org/details/longdistancelabo0000stor>
- Velasco Garrido, M., Mette, J., Mache, S., Harth, V., Preisser, A.M. (2018). A cross-sectional survey of physical strains among offshore wind farm workers in the German exclusive economic zone. *BMJ Open*, 8:e020157. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2017-020157>.
- Vojnovic, P., Bahn, S. (2015). Depression, anxiety and stress symptoms among Fly-In Fly-Out Australian industry workers. *Journal of Health, Safety and Environment*, 31 (3), 207–223.
- Zhao, Y., Russell, D.J., Guthridge, S., Ramjan, M., Jones, M.P., Humphreys, J.S., Carey, T.A., Wakerman, J. (2017). Long-term trends in supply and sustainability of the health workforce in remote Aboriginal communities in the Northern Territory of Australia. *BMC Health Services Research*, 17. <https://doi.org/10.1186/s12913-017-2803-1>

References:

- Bazhin, E.F., Golyunkina, E.A., Etkind, A.M. (1984). A method for studying the level of subjective control. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 5 (3), 152–162. (In Russ.).
- Belykh, S.L., Simonova, N.N., Korneeva, Ya.A., Voitekovich, T.S. (2016). Mental representations of the watch as a factor in the professional adaptation of personnel. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 5 (37), 32–44. (In Russ.).
- Bogatyreva, E.V. (2004). Metody obespecheniya bezopasnosti personala neftegazovykh platform Arkticheskogo shelf'a: dis... kand. tehn. nauk (Methods for ensuring the safety of personnel of oil and gas platforms of the Arctic shelf: dissertation). PhD. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

- Degteva, G.N., Korneeva, Ya.A., Simonova, N.N. (2017). Personal resource of employees of oil and gas companies in the context of adaptation to unfavorable climatic and geographical conditions of the Arctic. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*, 9, 15–21. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2017-9-15-21> (In Russ.).
- Korneeva, Ya.A., & Simonova, N.N. (2014). Adaptation strategies of shift workers in the Far North in the context of a risk-based approach: monograph. Arkhangelsk: ID NARFU. (In Russ.).
- Korneeva, Ya.A., Simonova, N.N. (2016). Assessment of extreme factors of shift work in the Arctic by workers with various regulatory processes. *Gigiena i sanitariya (Hygiene and sanitation)*, 95 (4), 381–386. (In Russ.).
- Korneeva, Ya.A., Simonova, N.N., Degteva, G.N., Dubinina, N.I. (2013). Strategy for adaptation of shift workers in the Far North. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*, 9, 9–16. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2013-9-9-16> (In Russ.).
- Kramar, V.S., Orlova, I.A., Kramar, O.V. (2009). Psychological selection of personnel — one of the aspects of technical regulation of the work of enterprises on a rotational basis in the Far North. *Nauka i tehnika v gazovoy promyshlennosti (Science and technology in the gas industry)*, 9, 96–104. (In Russ.).
- Morosanova, V.I., Kondratyuk, N.G. (2020). Questionnaire V.I. Morosanova “Style of self-regulation of behavior — SSPM 2020”. *Voprosy psikhologii (Psychology issues)*, 4, 155–167. (In Russ.).
- Paslenov, A.P., Popovich, T.V., Orlova, I.A. (2006). Psychological selection as predicting the success of personnel on a rotational basis. *Gazovaya promyshlennost' (Gas industry)*, 7, 59–62. (In Russ.).
- Simonova, N.N. (2011). Psikhologicheskii analiz professional'noi deyatel'nosti spetsialistov nefte dobyvayushchego kompleksa: na primere vakhtovogo truda v usloviyakh Krainego Severa: dis... d-ra. psihol. nauk (Psychological analysis of the professional activity of specialists in the oil-producing complex: the example of shift work in the Far North: dissertation). Doctoral dissertation (Psychology). Moscow. (In Russ.).
- Shapkin, S.A., Dikaya, L.G. (1996). Activities in special settings: a component analysis of the structure and strategies of adaptation. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 17 (1), 19–34. (In Russ.).
- Adams, M.E., Lazarsfeld-Jensen, A., Francis, K. (2019). The implications of isolation for remote industrial health workers. *Rural and remote health*, 19 (2), 5001.
- Albrecht, S.L., Anglim, J. (2018). Employee engagement and emotional exhaustion of fly-in-fly-out workers: A diary study. *Australian Journal of Psychology*, 70 (1), 66–75.
- Gardner, B., Alfrey, K.L., Vandelanotte, C., Rebar, A.L. (2018). Mental health and well-being concerns of fly-in fly-out workers and their partners in Australia: a qualitative study. *BMJ Open*, 8 (3), e019516.
- Hart, S. (2013). “TCFt 491: A case study of offshore safety and corporate social responsibility”. *Journal of Business Ethics*, 113 (3), 519–541.
- Hobfoll, St.E. (2002). Social and Psychological Resources and Adaptation. *Review of General Psychology*, 6 (4), 307–324.
- Houghton, D. (1993). Long distance commuting: A new approach to mining in Australia. *The Geographical Journal*, 159 (3), 281–290.
- Korneeva, Y., Simonova, N. (2018). Analysis of psychological risks in the professional activities of oil and gas workers in the far north of the Russian Federation. *Behavioral Sciences*, 8 (9), 84.
- Mette, J., Robelski, S., Kirchhöfer, M., Harth, V., Mache, S. (2019). Living the 14/14 Schedule: Qualitative Analysis of the Challenges and Coping Strategies among Families of Offshore Wind Workers. *Int J Environ Res Public Health*, 16 (2), 241.
- Mette, J., Velasco Garrido, M., Harth, V., Preisser, A.M., Mache, S. (2018). Healthy offshore workforce? A qualitative study on offshore wind employees' occupational strain, health, and coping. *BMC Public Health*, 18, 172.
- Miller, P., Brook, L., Stomski, N.J., Ditchburn, G., & Morrison, P. (2019). Depression, suicide risk, and workplace bullying: a comparative study of fly-in, fly-out and residential resource workers in Australia. *Australian health review: a publication of the Australian Hospital Association*, 44 (2), 248–253.
- Occupational safety and health and skills in the oil and gas industry operating in polar and subarctic climate zones of the northern hemisphere: Report for discussion at the Tripartite Sectoral Meeting on Occupational Safety and Health and Skills in the Oil and Gas Industry Operating in Polar and Subarctic Climate Zones of the Northern Hemisphere, Geneva, 26–29 January 2016/ International Labour Office, Sectoral Policies Department, Geneva, ILO, 2015/ https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/publication/wcms_438074.pdf
- Rebar, A.L., Alfrey, K.L., Gardner, B., Vandelanotte, C. (2018). Health behaviours of Australian fly-in, fly-out workers and partners during on-shift and off-shift days: an ecological momentary assessment study. *BMJ Open*, 8 (12), e023631.
- Sibbel, A.M., Kaczmarek, E., Drake, D. (2016). Fly-In/Fly-Out Accommodation: Workers' Perspectives. In Haslam McKenzie F. (Eds.), *Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry*. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-2018-6_8
- Storey, K. (2001). Fly-in/fly-out and fly-over: mining and regional development in Western Australia. *Australian Geographer*, 32 (2), 133–148.
- Storey, K., & Shrimpton, M. (1989). Long distance labour commuting in the Canadian mining industry. Working paper no 43. Kingston, ON: Queen's University, Centre for Resource Studies. <https://archive.org/details/longdistancelabo0000stor>
- Velasco Garrido, M., Mette, J., Mache, S., Harth, V., Preisser, A.M. (2018). A cross-sectional survey of physical strains among offshore wind farm workers in the German exclusive economic zone. *BMJ Open*, 8:e020157.
- Vojnovic, P., Bahn, S. (2015). Depression, anxiety and stress symptoms among Fly-In Fly-Out Australian industry workers. *Journal of Health, Safety and Environment*, 31 (3), 207–223.
- Zhao, Y., Russell, D.J., Guthridge, S., Ramjan, M., Jones, M.P., Humphreys, J.S., Carey, T.A., Wakerman, J. (2017). Long-term trends in supply and sustainability of the health workforce in remote Aboriginal communities in the Northern Territory of Australia. *BMC Health Services Research*, 17.

Оригинальная статья

УДК 374.7, 159.99, 316.6
doi: 10.11621/npj.2021.0407

Профессиональное мышление как когнитивный ресурс специалистов социономического типа профессий

И.В. Серафимович, Институт развития образования Ярославской области, Ярославль, Россия

ORCID: 0000-0002-0740-5145

Для контактов: iserafimovich@yandex.ru

Актуальность. Трансформация общественных изменений детерминирует качественно иной формат функционирования профессионального мышления как когнитивного ресурса, влияющего на эффективность деятельности и субъективное благополучие.

Цель. Презентация результатов различных исследований ресурсности профессионального мышления в профессиях социономического типа, решаемая через установление особенности ресурсности мышления разных этапах профессионализации и в разных социально-культурных условиях.

Описание хода исследования. Выборку составили представители социономической группы профессий на разных этапах профессионализации: студенты менеджеры и психологи в возрасте от 18 до 23 лет начальных и конечных этапов обучения (n = 120), менеджеры в сфере бизнеса и образования (n = 218), педагоги (n = 70) дошкольных образовательных организаций.

Результаты исследования. На выборке студентов социономической группы профессий выявлено, что на завершающих этапах обучения повышается в целом уровень структурной организации профессионального мышления, при этом отличия по структурным компонентам элементного уровня носят парциальный характер. В частности, у студентов гностического типа направленности возрастает уровень социорефлексии, метакогнитивных знаний, проблемность имеет большую структурированность и учет целостных контекстов. У студентов преобразующего типа направленности увеличивается уровень метакогнитивной активности, уменьшается количество попыток разрешения проблемности, сопряженное с увеличением гибкости и прогностичности. Продemonстрировано, что в социально-культурных условиях сельских дошкольных образовательных организаций по сравнению с городскими метакогнитивные характеристики профессионального мышления и качества надситуативного мышления, представлены в развернутом и углубленном формате. Установлено, что на такие качества надситуативного мышления как оперативность, оригинальность, обоснованность реверсивным образом влияют опыт работы в сфере управления (обратная зависимость) и мегафактор среды — деятельность в ситуации пандемии (прямая зависимость).

Заключение. Полученные результаты расширили представление о ресурсности профессионального мышления в профессиях социономического типа. Отмечается необходимость дальнейшего изучения профессионального мышления как когнитивного ресурса на компонентно-субсистемном уровне.

Ключевые слова: профессиональное мышление, проблемные ситуации, профессионализация, ресурсность мышления, когнитивный ресурс, социономический тип профессии, средовые и ситуационные факторы.

Информация о грантах и благодарностях. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-013-00102а по теме «Разработка концепции профессионализации мышления субъекта»).

Для цитирования: Серафимович И.В. Профессиональное мышление как когнитивный ресурс специалистов социономического типа профессий // Национальный психологический журнал. 2021. № 4(44). С. 75–83. doi: 10.11621/npj.2021.0407

Поступила 25 ноября 2021 / Принята к публикации 5 декабря 2021

Professional Thinking as the Cognitive Resource for the Specialists of Socionomic Professions

Irina V. Serafimovich, State Autonomous Institution of Additional Professional Education of the Yaroslavl Region Educational Development Institute, Yaroslavl, Russia

ORCID: 0000-0002-0740-5145

Corresponding author: iserafimovich@yandex.ru

Background. The transformation of social changes determines a qualitatively different format of professional thinking as a cognitive resource influencing performance efficiency and subjective well-being.

Objective is to present the results of varying research of professional thinking in socionomic professions by defining the peculiarities of thinking at different stages of professionalization and under various sociocultural conditions.

Design. The sample group consists of the representatives of socionomic professions at different stages of their professionalization: psychology students and students of management aged from 18 to 23 starting and finishing their education ($n = 120$), managers in the sphere of business and education ($n = 218$), preschool teachers ($n = 70$).

Results. The sample of students in socionomic professions has shown that the level of structural organization in professional thinking rises during the final stages of education. Moreover, the differences in structural components of elemental level are of partial kind. In particular, the level of social reflexivity, metacognitive knowledge among the students of gnostical type of activity is growing. The problematization is also more structured and takes comprehensive context into consideration. The students of transformative tendency have growing levels of metacognitive activity, reduction of attempts to solve the problems related to the increase in flexibility and predictability. It has been demonstrated that metacognitive characteristics of professional thinking and capacity of supra-situational thinking are presented in a more explicit and profound way under the sociocultural conditions of rural preschool educational settings than of the urban ones. It has been elicited that such factors as work experience in the area of management (inverse relation) and environmental mega factor, i.e. working in the situation of the pandemic (direct relation) influence such qualities of supra-situational thinking as efficiency, originality and validity.

Conclusion. The obtained results have broadened the concept of resource in professional thinking among socionomic professions. The necessity of further investigation of professional thinking as a cognitive resource on the componential subsystem level has been indicated.

Key words: professional thinking, problem situations, professionalization, potential of thinking, cognitive resource, socionomic profession, environmental and situational factors.

Information about grants and acknowledgments. The study has been supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-013-00102a on the topic "Development of the concept of professionalization of the subject's thinking".

For citation: **Serafimovich, I.V.** (2021) Professional Thinking as the Cognitive Resource for the Specialists of Socionomic Professions, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 4(44), 75–83. doi: 10.11621/npj.2021.0407

Received November 25, 2021 / Accepted for publication December 5, 2021

Введение

Ускоренное развитие и цифровизация, высокие технологии и необходимость адресного сопровождения требуют нового формата применения разнообразных ресурсов субъекта, а значит и иного функционирования профессионального мышления, как когнитивного ресурса, обеспечивающего не только успешность профессиональной деятельности, но возможность приобретения новых значений и оснований для профессионального саморазвития, а также объединение психологических структур.

Понимание ресурсов личности и ресурсности в целом, в настоящее время является плюралистичным, что дает возможность говорить о разной функциональной направленности ресурсов субъекта в сфере «человек-человек». Ресурсная сфера личности помогает гибко планировать и добиваться поставленных целей (Бодров, 2006), способствует эффективному решению профессиональных задач (Моросанова, 2014; Brown, Poulton, 1961; Foster, Lloyd, 2007), дает возможность усиливать позитивные и корректировать негативные от воздействия, а также содействовать поиску новых ресурсов (Толочек, с. 196), не только для развития субъекта, но и для развития общества в целом (Журавлёв, Китова, 2020); интегрирует ресурсы самой личности и места работы (Jackson, Schuler, 1995; Fangjing, 2017; Tucha, Koerts, 2012), препятствует эмоциональному выгоранию специалистов (Mayer, David, Salovey, 2016; Lavy, Eshet, 2019), способствует отсутствию рассогласований в мотивационно-ценностной сфере и укреплению социально-психологического здоровья (Kaufman, 2018), выполняет фильтрующую и буферную функции, обеспечивая динамику субъективного благополучия (Гордеева, Осин, Сучков, Иванова, Сычев, Бобров, 2016; Иванова, Леонтьев, Рассказова, 2016). При этом исследователями показано, что уровень развития личностных ресурсов может зависеть от мегафакторов среды: культурно-исторических условий и наличия ситуаций вызова (Однцова, Радчикова, Козырева, Кузьмина, 2019). Уровень развития когнитивных ресурсов зависит от личностных, средовых и ситуационных факторов (Кашапов, Серафимович, 2020; Кашапов, 2021).

Особый интерес наблюдается к когнитивным ресурсам личности, в частности к интеллекту и мышле-

нию. Ресурсность интеллекта может проявляться при решении проблемной ситуации и делает возможным интенсивное вовлечение в совместную работу когнитивных и метакогнитивных компонентов (Холодная, 2019), содействует комплиментарности в оценке проблемно-стрессовых ситуаций и наращиванию вариативной гибкости поведенческих стратегий (Хазова, Крылова, 2020), обеспечивает выработку ментальных прототипов гибкого поведения (Сергиенко, Павлова, 2019). При рассмотрении мышления как когнитивного ресурса важными являются такие характеристики как гибкость мышления без предубеждений и установок (Varon, 2018), «свободное когнитивное пространство»: глубина и широта, превышающие необходимые для решения возникшей задачи объемы (Дружинин, 2007), умение варьировать выбор в ситуации неопределенности (Корнилова, 2018). Ресурсными возможностями обладает такая характеристика профессионального мышления как уровень: гибкое маневрирование между уровнями позволяет принимать решения с высокой и низкой ресурсообеспеченностью (Kahneman, 2012) учитывать ситуативность контекста среды и имеющиеся возможности субъекта деятельности для выбора ситуативного-надситуативного решения, использовать творчество (Кашапов, Шаматонова, Кашапов, Отставнова, 2017). Одно из направлений исследования профессионального мышления как когнитивного ресурса представлено в рамках концепции ситуативности-надситуативности М.М. Кашапова, которым совместно с единомышленниками были установлены особенности различных компонентов мышления, детерминирующих ресурсность. Автор предлагает в качестве основного использовать метод экспликации, позволяющий объяснять ранее неизвестный концепт через соотнесение с изученными свойствами профессионального мышления (событийность, надситуативность, абнотивность), а также характеристиками (рефлексивность, креативность, прогностичность, метакогнитивность).

Несмотря на то, что уже очень много сделано в области изучения ресурсов личности, остаются вопросы, на которые нет однозначных ответов. Предметом нашего размышления в данной публикации стали вопросы о том, существуют ли отличия в проявлениях ресурсности мышления на разных этапах профессионализации в социономической группе профессий, ви-

Ирина Владимировна Серафимович —

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова», проректор по организационно-методической деятельности Института развития образования

ORCID: 0000-0002-0740-5145

Irina V. Serafimovich —

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Educational Psychology, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Vice-Rector for Organizational and Methodological Activities at the Institute for Education Development

ORCID: 0000-0002-0740-5145

доизменяются ли особенности ресурсного мышления внутри одной группы «человек-человек», но разной направленности, в соответствии с профессиональными задачами, какова роль мега-, макро- и мезо-факторов среды?

Цель статьи — представление и обобщение результатов различных исследований ресурсности профессионального мышления в профессиях социомического типа. Системобразующим понятием нашего исследования является профессиональное мышление как высший уровень практического мышления и его ключевая характеристика — ресурсность. Вслед за М.М. Кашаповым под данным феноменом мы понимаем «многоуровневую, динамическую систему мыслительных процессов... которые являются инструментом... достижения целей личностного развития и профессионального становления» (Кашапов, 2021, с. 4). Автор подчеркивает, что есть различие между ресурсностью мышления и ресурсным мышлением, первое из которых является когнитивной способностью, а второе — видом мышления.

Методы исследования

Диагностика особенностей профессионального мышления и его метакогнитивных составляющих осуществлялась с помощью следующих методов: 1. Методика самооценки метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности (М.М. Кашапов, Ю.В. Пошехонова). 2. Методика диагностики уровня выраженности и направленности рефлексии (М. Грант). 3. Авторский метод ретроспективного описания и прогностического самоанализа испытуемым проблемной ситуации (Кашапов, Серафимович, 2020), прошедший адаптацию и предполагающий анализ методом экспертной оценки проблемных ситуаций, имевшихся в профессиональной деятельности субъекта. Этот метод позволяет, с одной стороны, учитывать в совокупности самонаблюдение с феноменологическим подходом (Забродин, 2017), а с другой — подходить к пониманию того, как в процессе субъект-субъектного взаимодействия профессиональное

Таблица 1. Средние значения и t-критерий Стьюдента для проявлений профессионального мышления

	Методика «Самооценка метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности» (М.М. Кашапов, Ю.В. Скворцова)					Методика М. Гранта		
	Метакогнитивные знания	Метакогнитивная активность	Концентрация	Приобретение информации	Выбор главных идей	Управление временем	Саморефлексия	Социорефлексия
Студенты-психологи								
Начальный этап обучения	10,1	9,9	2,5	6,3	6,9	3,2	47	39,8
Конечный этап обучения	12,6	9,1	2,9	6,7	6,7	3,9	47,3	42
T-критерий Стьюдента	-2,283	0,977	-0,765	-0,642	0,429	-1,281	-0,189	-2,01
Студенты-менеджеры								
Начальный этап обучения	11,36	5,72	4,08	6	5,24	4,2	42,24	39,5
Конечный этап обучения	12,8	8,92	3	7	5,72	4,44	44,04	42,9
T-критерий Стьюдента	-1,6	-2,5	1,11	-0,89	-0,43	-0,23	-0,9	-1,5

Примечание: t критическое = 2,63, $p \leq 0,01$, t критическое = 1,99, $p \leq 0,05$.

Table 1. Average values and Student criterion for manifestation of professional thinking

	Practical methods "Self-estimation of metacognitive knowledge and metacognitive activity" (M.M. Kashapov, Y.V. Skvortzova)					Practical methods by M. Grant		
	Metacognitive knowledge	Metacognitive activity	Concentration	Acquisition of information	Selection of basic ideas	Time-management	Self-reflection	Social reflection
Psychology students								
Initial stage of education	10.1	9.9	2.5	6.3	6.9	3.2	47	39.8
Final stage of education	12.6	9.1	2.9	6.7	6.7	3.9	47.3	42
Student criterion	-2.283	0.977	-0.765	-0.642	0.429	-1.281	-0.189	-2.01
Students of Management								
Initial stage of education	11.36	5.72	4.08	6	5.24	4.2	42.24	39.5
Final stage of education	12.8	8.92	3	7	5.72	4.44	44.04	42.9
Student criterion	-1.6	-2.5	1.11	-0.89	-0.43	-0.23	-0.9	-1.5

Note: t critical = 2.63, $p \leq 0.01$, t critical = 1.99, $p \leq 0.05$.

мышление обогащается «социальной, интериндивидуальной метакогницией» при решении проблемных ситуаций (Карпов, 2020, с. 19).

Результаты

Для решения первой задачи — установления особенностей ресурсности мышления на разных этапах профессионализации проводилось два трека эмпирических исследований. Первый трек был реализован на выборке руководителей в системе образования с разным опытом работы ($n = 46$), где показано, что проявления профессионального мышления обладают как качественными, так и количественными отличающимися индикаторами на разных этапах освоения деятельности. Хотя отличий по уровням ситуативности-надситуативности мышления не обнаружено, при этом у кадрового резерва выше баллы по таким качествам мышления, как обоснованность, оригинальность, оперативность ($p \leq 0,01$). Более подробно материалы представлены в отдельной публикации (Серафимович, Шляхтина, Бобылева, 2021). Второй трек включал в себя этапы профессионализации в вузе. Выборку составили студенты социономической группы профессий ($n = 120$) разной направленности — менеджеры (гностическая) и психологи (и преобразующая) в

возрасте от 18 до 23 лет начальных и конечных этапов обучения.

Значимых отличий как по уровням ситуативности — надситуативности мышления, так и по качествам надситуативности (адекватность, глубина, полнота, оперативность, достаточность анализа, оригинальность и обоснованность) на разных этапах обучения у студентов-психологов и студентов-менеджеров не наблюдается. Анализ компонентов мышления у студентов гностической направленности показал, что возрастает уровень социорефлексии (достоверные отличия, табл. 1) и уровень метакогнитивных знаний (табл. 1), которые относятся к профессионально важным качеством для психолога (Знаков, 2016; Карпов, 2020). У обеих групп студентов на разных этапах обучения преобладают рациональные, конкретные, завершённые описания проблемных ситуаций, вместе с тем у студентов гностической направленности увеличивается ($p \leq 0,01$) завершённость и осмыслённость проблемных ситуаций, появляется большая структурированность и целостность понимания общих контекстов. У студентов-менеджеров (преобразующая направленность) конечного этапа обучения уровень метакогнитивной активности — значительно выше ($p \leq 0,05$, табл. 1), что может быть связано с овладением одной из компетенций менеджеров, направленных на управление собствен-

Таблица 2. Средние значения и t-критерий Стьюдента для проявлений профессионального мышления

	Анализ ситуации, синтез, обобщение	Выражение чувств, эмоций в ситуации, понимание эмоциональной сферы партнера	Поиск способов выхода из ситуации, активные действия	Критерий творчества в мышлении (Е.К. Осипова)	Критерий правильности решения (С. А. Гильманов)
Студенты-психологи					
Начальный этап обучения	30,9	4,3	14,6	3,2	2,6
Конечный этап обучения	30,7	4,6	15,8	3,2	2,7
T-критерий Стьюдента	0,045	-0,328	-0,411	0,795	1,172
Студенты-менеджеры					
Начальный этап обучения	13,84	2,68	12,56	2,96	2,68
Конечный этап обучения	15,4	6,68	7,4	3	2,76
T-критерий Стьюдента	-0,55	-2,77	2,74	0,1	-0,27

Table 2. Average values and Student criterion for manifestation of professional thinking

	Case study, synthesis, generalization	Expressing feelings and emotions in the situation, comprehension of the partner's emotions	Searching the ways out of the situation, proactive approach	Creativity criterion (E.K. Osipova)	Criterion of propriety of solution (S.A. Gilmanov)
Psychology students					
Initial stage of education	30.9	4.3	14.6	3.2	2.6
Final stage of education	30.7	4.6	15.8	3.2	2.7
Student criterion	0.045	-0.328	-0.411	0.795	1.172
Students of Management					
Initial stage of education	13.84	2.68	12.56	2.96	2.68
Final stage of education	15.4	6.68	7.4	3	2.76
Student criterion	-0.55	-2.77	2.74	0.1	-0.27

ной познавательной деятельностью, а также навыком выражения чувств и эмоций ($p \leq 0,01$, табл. 2). Хотя отличия выявлены не по всем характеристикам мышления, в целом профессиональное мышление качественно меняется к конечному этапу обучения у студентов обеих групп. Анализ структурограмм и определение индексов когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и организованности (ИОС) структур по методике А.В. Карпова, показал, что и у студентов гностической и преобразующей направленности увеличивается степень организованности качеств мышления к концу обучения (ИКС = 148/164, ИДС = 46/53, ИОС = 194/217), что вполне сопоставимо с концепцией системогенеза учебной деятельности (Шадриков, 2018). Дополнительный анализ как во время учебной деятельности, так и во время реализации профессиональной управленческой деятельности показал, что надситуативность мышления, с одной стороны, положительно связана с применением нормативно одобренных способов решения проблемных ситуаций ($p \leq 0,01$), с другой — предполагает высокий уровень творческого подхода к решению ($p \leq 0,01$). Эта разнонаправленность мышления при реализации профессиональной деятельности может свидетельствовать о развитии профессионального мышления, а для деятельности обучения в вузе она играет еще и адаптационную функцию, как умение регулировать динамику рефлексивных образов (Григорьева, Шамяникова, Голубева, 2017).

Для решения второй задачи — анализа особенностей профессионального мышления и его ресурсных возможностей в разных социально-культурных условиях было реализовано также два трека исследований. В исследовании, выполненном нами совместно с А.С. Сабакановой на выборке ($n = 70$) педагогов дошкольных образовательных организаций (городской детский сад, реализующий инклюзивное направление в образовании, общеразвивающий городской детский сад и сельский общеразвивающий детский сад), относящихся к организациям в разных местах и типах поселения было установлено, что метакогнитивная характеристика мышления — приобретенные информации ($t = 2,2$; $p \leq 0,05$), а также уровень сформированности метакогнитивных стратегий выше в условиях сельских дошкольных организаций ($t = 2,1$, $p \leq 0,05$). Кроме того, эта же категория педагогов имеет более высокий уровень сформированности качеств профессионального надситуативного мышления: полнота анализа ($t = 2,1$; $p \leq 0,05$) и аргументированность ($t = 2,5$; $p \leq 0,05$). Это позволяет предположить большую вариативность ресурсности профессионального мышления, что создает предпосылки для оптимизации своей профессиональной деятельности и профессионального роста.

Второй трек был связан с повторением исследования, реализованного нами в 2018 году на выборке менеджеров, результаты которого мы детально представляли в одной из предыдущих публикаций (Кашапов, Серафимович, 2020). Мегауровень подразумевает воздействие факторов планетарного масштаба на профессиональное мышление. Исследование 2020

года ($n = 106$), реализованное нами в период пандемии COVID-19 на сходных выборках управленцев в образовании и малом и среднем бизнесе дало возможность зафиксировать следующие результаты. В период пандемии нивелируются отличия по степени обобщенности ситуации управленцев в образовании и малом и среднем бизнесе, которые наблюдались в допандемийный период (в сфере образования преобладали обобщенные ситуации): проблемность описывается в предельно конкретных терминах и понятиях в обеих выборках. Вместе с тем, у управленцев в сфере общего образования сильнее представлена эмоциональная окраска проблемных ситуаций ($U = 978,00$ $p < 0,001$) и высокая психологическая «незавершенность» решения проблемных ситуаций ($U = 1091,00$ $p < 0,001$).

Обсуждение результатов

Как считают исследователи, любая экстремальная ситуация, помимо угроз, создает условия для формирования новых профессиональных и личностных смыслов (Асмолов, Иванников, Магомед-Эминов, Гусейнов, Донцов, Братусь, 2020). Анализ мегафактора — эпидемиологической ситуации (COVID-19), который отразился на ускорении процессов принятия решений руководителями в образовании, малом и среднем бизнесе, и направленность, на завершенности восприятия проблемной ситуации, а также увеличении соотношения рационального восприятия в формулировке проблемности в противовес эмоциональному, сопоставим с мнением Н.Н. Толстых (Толстых, 2020), показавшей, что изменение скорости социальных процессов влияет на способы интерпретации получаемых данных. Изучение роли типа поселения как средового макрофактора позволяет сделать предположение, что большая полнота анализа и аргументированность способов решения ситуации, которые присутствуют у педагогов сельской дошкольной организации, связаны в первую очередь с особенностями дошкольного образования в сельской местности: во-первых, возможность неформального общения педагогов между собой и с родителями воспитанников, в том числе за пределами дошкольной организации, что обеспечивает более полную информированность о происходящих событиях, во-вторых, меньшая по сравнению с городскими организациями, укомплектованность детских групп, что располагает к более тщательному анализу каждой педагогической ситуации и поиску наиболее продуктивного решения. Как считают некоторые ученые, для таких более высоких оценок учителей на селе есть предпосылки социального характера, связанные с особенностями жизни в сельском микросоциуме (Леванова, Мудрик, 2018). При этом когнитивная и метакогнитивная регуляция деятельности создают условия для профессио-генетических видоизменений компонентов метакогнитивной сферы субъекта (Карпов, 2020, Козулин, 2021). Увеличение времени на обдумывание проблемных ситуаций и их

направленности на практическую реализацию, которое наблюдается в разной степени и у студентов-менеджеров старших курсов, и у опытных менеджеров по сравнению с кадровым резервом, не только соотносится с требованиями к компетенциям менеджера, но и тождественно исследованиям в области психологии менеджмента, показывающим, что успешное управленческое решение требует больше времени для анализа ситуации (Карпов, 2020; McElroy, Dickinson, Levin, 2021).

Заключение

1. Ресурсность профессионального мышления по-разному представлена в социоэкономической группе профессий на разных этапах профессионализации (в процессе реализации деятельности на разных этапах обучения в вузе). Сходными особенностями профессий является то, что профессиональное мышление, как высший уровень практического мышления, приобретает диалектическую направленность: поиск предельно практических, реализуемых вариантов и одновременно стремление к творческому подходу в решении задачи. В качестве отличительных особенностей ресурсности профессионального мышления отмечается, что изменения в профессиональном

мышлении в процессе обучения в вузе касаются метакогнитивных составляющих мышления, а в процессе реализации управленческой деятельности — качества надситуативного мышления.

2. Ресурсные особенности профессионального мышления различным образом проявляются в многообразных социальных условиях. Воздействие мегафактора среды (пандемии) трансформировало такие характеристики мышления менеджера, как оперативность и осмысленность, а мезофактор среды (тип поселения) опосредованно видоизменяет метакогнитивные характеристики профессионального мышления. На основании полученных эмпирических данных возможно конструирование организационной модели формирования и развития ресурсности мышления в процессе профессионализации для содействия внедрению национальной системы профессионального роста. Выявление и объяснение дефицитарных, неустойчивых и потенциальных возможностей (smart-fit) ресурсности мышления в контексте профессиональной и учебной деятельности, позволяет подойти к выявлению закономерностей и механизмов повышения эффективности профессионализации субъекта в различных сферах деятельности как фактора конкурентоспособности в непрерывно меняющихся социально-экономических условиях развития России.

Литература

- Асмолов А.Г., Иванников В.А., Магомед-Эминов М.Ш., Гусейнов А.А., Донцов А.И., Братусь Б.С. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения [Электронный ресурс] // Человек. 2020. Т. 31, № 4. С. 7–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43983480> (дата обращения: 02.02.2021).
- Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Пер Сэ, 2006.
- Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 2. С. 46–58. doi: 10.17759/chp.2016120205
- Григорьева М.В., Шамионов Р.М., Голубева Н.М. Роль рефлексии в адаптационном процессе студентов к условиям обучения в вузе // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22, № 5. С. 23–30.
- Дружинин В.Н. Психология способностей: Избранные труды. М.: Институт психологии РАН, 2007.
- Журавлёв А.Л., Китова Д.А. Социально-психологические ресурсы развития общества в условиях цифровых технологий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2 (30). С. 24–40.
- Забродин Ю.М. Психология управления человеческими ресурсами (очерки теории психической регуляции поведения). М.: МГППУ, 2017.
- Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: «Институт психологии РАН», 2016.
- Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 323–346. doi: 10.17323/1813-8918-2016-2-323-346
- Карпов А.В. Метакогнитивная специфика образовательных ситуаций в педагогической деятельности // Мир психологии. 2020. Т. 103, № 3. С. 12–23.
- Кашапов М.М. Ресурсные основы профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2021. № 14. С. 35–46.
- Кашапов М.М. Функции экспликации в условиях профессионализации мышления // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1 (55). С. 100–109.
- Кашапов М.М., Серафимович И.В. Надситуативное мышление как когнитивный ресурс субъекта в условиях профессионализации // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 3. С. 43–52. doi: 10.31857/S020595920009326-4
- Кашапов М.М., Шаматонова Г.Л., Кашапов А.С., Отставнова И.В. Ресурсность мышления как средство реализации творческого потенциала личности // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 4. С. 683–694.
- Козулин А. Зачем учителям обучаться метакогнитивным навыкам? // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17, № 2. С. 59–64. doi: 10.17759/chp.2021170206
- Корнилова Т.В., Керимова С.Г. Особенности личностных предпосылок принятия решений (на материале фрейминг-эффекта) у врачей и преподавателей // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2018. Т. 15, № 1. С. 22–38.
- Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- osoznannaya-samoregulyatsiya-proizvolnoy-aktivnosti-cheloveka-kak-psihologicheskoy-resurs-dostizheniya-tseley (дата обращения: 27.08.2019).
- Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Козырева Н.В., Кузьмина Е.И. Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 2. С. 47–66. doi: 10.17759/sps.2019100205
- Психолого-педагогические проблемы современного социума: коллективная монография / Под ред. Е.А. Левановой, А.В. Мудрика. М.: МПГУ. 2018.
- Серафимович И.В., Шляхтина Н.В., Бобылева Н.И. Профессиональное мышление и социально-психологические особенности менеджеров в образовании // Интеграция образования. Т. 25, № 2. 2021. С. 288–303.
- Сергиенко Е.А., Павлова Н.С. Ментальные ресурсы позднего онтогенеза // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2019. № 4 (104). С. 59–68.
- Толочек В.А. «Психологические ниши»: топос и хронос в детерминации профессиональной специализации субъекта // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 1. С. 195–213.
- Толстых Н.Н. Социальная психология развития: интеграция идей Л.С. Выготского и А.В. Петровского // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16, № 1. С. 25–34. doi: 10.17759/chp.2020160103
- Хазова С.А., Крылова М.А. Ментальная репрезентация трудных жизненных ситуаций как ресурс защитно-совладающей активности взрослых // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2020. № 43 (62). С. 148–157.
- Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2019.
- Шадриков В.Д. Мышление как проблема психологии // Высшее образование сегодня. 2018. № 10. С. 2–11. doi: 10.25586/RNU.HET.18.10.P.02
- Baron, J. (2018). Individual Mental Abilities vs. the World's Problems. *Journal of Intelligence*, 6 (2), 1–14 23. URL: <https://doi.org/10.3390/jintelligence6020023> (дата обращения: 9.06.2019).
- Brown, J.D., Poulton, E.C. (1961). Measurement the spare “mental capacity” of cardrivers by a subsidiary task. *Ergonomics*, 4, 35–40. URL: <https://doi.org/10.1080/00140136108930505>
- Fangjing, Li (2017). Analysis and Quantitative Research on Early Warning Model for Enterprise Human Resource Based on Extension Theory. *Revista de la Facultad de Ingeniería U.C.V.*, 32 (2), 507–514.
- Foster, S.L., & Lloyd, P.J. (2007). Positive psychology principles applied to consulting psychology at the individual and group level. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 59 (1), 30–40. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/1065-9293.59.1.30> (review date: 12.05.2019).
- Jackson, S.E., Schuler, R.S. (1995). Understanding human resource management in the context of organizations and their environments. *Annual Review Psychology*. 46 (1), 237–264. doi: 10.1146/annurev.psych.46.1.237
- Kahneman, D. (2012). *Thinking, Fast and Slow*. New York.
- Kaufman, J. (2018). Creativity as a Stepping Stone Toward a Brighter Future. *Journal of Intelligence*, 6. doi: 10.3390/jintelligence6020021
- Lavy, S. & Eshet, R. (2019). Spiral effects of teachers' emotions and emotion regulation strategies: Evidence from a daily diary study. *Teaching and Teacher Education: An International Journal of Research and Studies*, 73 (1), 151–161. URL: <https://www.learn-techlib.org/p/202397/> (review date: 4.06.2019).
- Mayer, J.D., David R. C., Salovey P. (2016). The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates. *Emotion Review*. 8 (4), 290–300. doi: 10.1177/1754073916639667
- Mcelroy, T., Dickinson, D.L., Levin, I.P. (2020). Thinking about Decisions: An Integrative Approach of Person and Task Factors. *Journal of Behavioral Decision Making*, 33 (4), 538–555. doi: 10.1002/bdm.2175
- Tucha, L., Koerts, J. (2012). Gum Chewing and Cognition: An Overview. *Neuroscience and Medicine*, 3 (3), 243–250. doi: 10.4236/nm.2012.33028

References

- Asmolv, A.G., Ivannikov, V.A., Magomed-Jeminov, M.Sh., Gusejnov, A.A., Doncov, A.I., Bratus', B.S. (2020). Cultural and activity psychology in an extreme situation: the challenge of a pandemic. Discussion materials [Electronic resource]. *Chelovek (Man)*, 31 (4), 7–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43983480> (review date: 2.02.2021).
- Bodrov, V.A. (2006). *Psichologicheskij stress: razvitie i preodolenie*. Moscow: Per Se.
- Gordeeva, T.O., Osin, E.N., Suchkov, D.D., Ivanova, T.Ju., Sychev, O.A., Bobrov, V.V. (2016). Self-control as a resource of personality: diagnostics and connections with success, perseverance and well-being. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. (Cultural-Historical Psychology)*, 12 (2), 46–58. doi: 10.17759/chp.2016120205 (In Russ.).
- Grigor'eva, M.V., Shamionov, R.M., Golubeva, N.M. (2017). Role of Self-Reflection in the Process of Student Adaptation to University. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. (Psychological Science and Education)*, 22 (5), 23–30. (In Russ.).
- Druzhinin, V.N. (2007). *Psychology of abilities: Selected Works*. Moscow: “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”. (In Russ.).
- Zhuravljov, A.L., Kitova, D.A. (2020). Socio-psychological resources of society development in the conditions of digital technologies. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika (Sociological science and social practice)*, 8, 2 (30), 24–40. (In Russ.).
- Zabrodin, Ju.M. (2017). *Psychology of human resource management (essays on the theory of mental regulation of behavior)*. Moscow: Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE). (In Russ.).
- Znakov, V.V. (2016). *Psychology of understanding the human world*. Moscow: “Psychology Institute”. (In Russ.).
- Ivanova, T.Ju., Leont'ev, D.A., Rasskazova, E.I. (2016). Functions of personal resources in the situation of economic crisis. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 13 (2), 323–346. doi: 10.17323/1813-8918-2016-2-323-346 (In Russ.).

- Karpov, A.V. (2020). Metacognitive specificity of educational situations in pedagogical activity. *Mir psihologii (The world of psychology)*, 103 (3), 12–23. (In Russ.).
- Kashapov, M.M. (2021). Resource bases of professionalization of the subject's thinking. *Metodologiya sovremennoi psikhologii (Methodology of modern psychology)*, 14, 35–46. (In Russ.).
- Kashapov, M.M. (2021). Explication functions in the conditions of professionalization of thinking. *Vestnik Jaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki (Bulletin of P.G. Demidov Yaroslavl State University. Humanities series)*, 15, 1 (55), 100–109. (In Russ.).
- Kashapov, M.M., Serafimovich, I.V. (2020). Supra-Situational Thinking as Person's Cognitive Resource in the Context of Professionalization. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 41 (3), 43–52. doi:10.31857/S020595920009326-4 (In Russ.).
- Kashapov, M.M., Shamatonova, G.L., Kashapov, A.S., Otstavnova, I.V. (2017). Resourcefulness of thinking as a means of realizing the creative potential of an individual. *Integratsiya obrazovaniya (Integration of education)*, 21, 4, 683–694. (In Russ.).
- Kozulin, A. (2021). Why should teachers learn metacognitive skills? *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 17 (2), 59–64. doi:10.17759/chp.2021170206 (In Russ.).
- Kornilova, T.V., Kerimova, S.G. (2018). Features of personal prerequisites for decision-making (based on the framing effect) among doctors and teachers. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 15 (1), 22–38. (In Russ.).
- Morosanova, V.I. (2014). Conscious self-regulation of voluntary human activity as a psychological resource for achieving goals. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and experimental psychology)*, 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osoznannaya-samoreguljatsiya-proizvolnoy-aktivnosti-cheloveka-kak-psihologicheskij-resurs-dostizheniya-tseley> (review date: 27.08.2021). (In Russ.).
- Odincova, M.A., Radchikova, N.P., Kozyreva, N.V., Kuz'mina, E.I. (2019). Comparative analysis of personal resources of belarusian and russian transitional and new generations in new cultural and historical conditions. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social Psychology and Society)*, 10 (2), 47–66. doi:10.17759/sps.2019100205 (In Russ.).
- Psychological and pedagogical problems of modern society]. In E.A. Levanovoj, A.V. Mudrik (ed.), Moscow: Moscow Pedagogical State University (MPGU), 2018. (In Russ.).
- Serafimovich, I.V., Shljahtina, N.V., Bobyleva, N.I. (2021). Professional thinking and socio-psychological features of managers in education. *Integratsiya obrazovaniya (Integration of education)*, 25 (2), 288–303. (In Russ.).
- Sergienko, E.A., Pavlova, N.S. (2019). Mental resources of late ontogenesis. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nykh issledovanii. (Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research)*, 4 (104), 59–68. (In Russ.).
- Tolochek, V.A. (2019). "Psychological niches": topos and chronos in determining the subject's professional specialization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya (Bulletin of the Moscow University. Episode 14: Psychology)*, 1, 195–213. (In Russ.).
- Tolstyh, N.N. (2020). Social Psychology of Development: Integrating the Ideas of L.S. Vygotsky and A.V. Petrovsky. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 16 (1), 25–34. doi:10.17759/chp.2020160103 (In Russ.).
- Hazova, S.A., Krylova, M.A. (2020). Mental representation of difficult life situations as a resource of protective and coping activity of adults. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh. Seriya: Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki (Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov. Series: Pedagogical and psychological sciences)*, 43 (62), 148–157. (In Russ.).
- Holodnaja, M.A. (2019). Psychology of intelligence: Paradoxes of research. Petersburg: St. Petersburg. (In Russ.).
- Shadrikov, V.D. (2018). Thinking as a problem of psychology. *Vyshee obrazovanie segodnya (Higher education today)*, 10, 2–11. doi:10.25586/RNU.HET.18.10.P.02 (In Russ.).
- Baron, J. (2018). Individual Mental Abilities vs. the World's Problems. *Journal of Intelligence*, 6 (2), 1–14 23. URL: <https://doi.org/10.3390/jintelligence6020023> (review date: 9.06.2019).
- Brown, J.D., Poulton, E.C. (1961). Measurement the spare "mental capacity" of cardrivers by a subsidiary task. *Ergonomics*, 4, 35–40. URL: <https://doi.org/10.1080/00140136108930505>
- Fangjing, Li (2017). Analysis and Quantitative Research on Early Warning Model for Enterprise Human Resource Based on Extension Theory. *Revista de la Facultad de Ingeniería U.C.V.*, 32, 2, 507–514.
- Foster, S.L., & Lloyd, P.J. (2007). Positive psychology principles applied to consulting psychology at the individual and group level. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 59 (1), 30–40. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/1065-9293.59.1.30> (review date: 12.05.2021).
- Jackson, S.E., Schuler, R.S. (1995). Understanding human resource management in the context of organizations and their environments. *Annual Review Psychology*, 46 (1), 237–264. doi:10.1146/annurev.psych.46.1.237
- Kahneman, D. (2012). *Thinking, Fast and Slow*. New York.
- Kaufman, J. (2018). Creativity as a Stepping Stone Toward a Brighter Future. *Journal of Intelligence*. 6. doi:10.3390/jintelligence6020021
- Lavy, S. & Eshet, R. (2019). Spiral effects of teachers' emotions and emotion regulation strategies: Evidence from a daily diary study. *Teaching and Teacher Education: An International Journal of Research and Studies*. 73 (1), 151–161. URL: <https://www.learnlib.org/p/202397/> (review date: 4.06.2019).
- Mayer, J.D., David, R.C., Salovey, P. (2016). The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates. *Emotion Review*, 8 (4), 290–300. doi:10.1177/1754073916639667
- Mcelroy, T., Dickinson, D.L., Levin, I.P. (2020). Thinking about Decisions: An Integrative Approach of Person and Task Factors. *Journal of Behavioral Decision Making*. 33 (4), 538–555. doi:10.1002/bdm.2175
- Tucha, L., Koerts, J. (2012). Gum Chewing and Cognition: An Overview. *Neuroscience and Medicine*. 3. 3. 243–250. doi:10.4236/nm.2012.33028

